

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт психологии
Кафедра общей психологии
Ассоциация полиграфологов Уральское бюро «Полиграф»

**РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПОЛИГРАФОЛОНОВ VI:
ПРОФАЙЛИНГ И ТЕХНОЛОГИИ ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ**

Материалы

Международного научно-практического симпозиума

Екатеринбург 2018

УДК 159.9.072.43
ББК Ю923
Р31

рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве *научного* издания (Решение № 45 от 10.05.2018)

Ответственный редактор:
Екатерина Сергеевна Легостаева,
кандидат психологических наук, доцент

Р31 Реальная практика полиграфологов VI: Профайлинг и технологии детекции лжи в обеспечении кадровой безопасности организации [Текст] : сборник материалов Международного научно-практического симпозиума / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Е. С. Легостаева. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – 156 с.

ISBN 978-5-7186-1025-3

В сборнике представлены данные научных исследований и обобщение результатов практического опыта специалистов кадровых служб, служб безопасности организаций и предприятий, аэропортов и образовательных учреждений. Обсуждаются материалы исследований внештатных полиграфологов и профайлеров, занимающихся проверками в сфере оценки персонала и лиц, совершивших правонарушения различной тяжести. Сборник представляет разнообразный спектр применения профайлинга и полиграфных проверок в сфере бизнеса, ведомственных расследований, проверки благонадежности персонала, проведения экспертиз. Симпозиум был проведен при совместном участии кафедры общей психологии Института психологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» и Ассоциации полиграфологов Уральского бюро «Полиграф».

УДК 159.9.072.43
ББК Ю923

ISBN 978-5-7186-1025-3

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Легостаева Е. С., Щербатых А. В., Щербатых О. В.

Перспективы прикладных и научно-исследовательских разработок
 в профайлинге и полиграфных проверках..... 4

Арпентьева М. Р. Метатехнологии
 неинструментального профайлинга..... 10

Арпентьева М. Р. Проблемы современного
 неинструментального профайлинга..... 31

Батыров Т. С. Положительная практика применения
 вопросов сравнения «управляемой» лжи
 в условиях регионов Северного Кавказа..... 61

Гончарова Н. В. Критерии оценки когнитивной сохранности
 объекта и соотношения психического состояния лица
 при назначении СПФЭ..... 69

Казаков В. А. Имеются ли противопоказания для тестирования
 на полиграфе лиц с имплантированным кардиостимулятором?..... 87

Казаков В. А. Многотемный скрининг..... 96

Макаренко И. А. Методология и правовой статус экспертизы
 идеальной следовой информации..... 106

Мосорова М. А. Выявление взаимосвязи аддиктивного поведения
 и адаптационных резервов организма с целью
 психофизиологического отбора в органы внутренних дел..... 116

Шарипова Н. А. Психологическая безопасность
 образовательной среды вуза..... 126

Щербатых А. В. Графология как один из приемов
 верификации лжи..... 135

Щербатых О. В. Выявление психического противодействия
 процедуре СПФИ..... 145

УДК 331.108.37

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИКЛАДНЫХ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАЗРАБОТОК В ПРОФАЙЛИНГЕ И ПОЛИГРАФНЫХ ПРОВЕРКАХ

Легостаева Екатерина Сергеевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии
Института психологии УрГПУ, г. Екатеринбург; e-mail: Ivanova_rina@mail.ru

Щербатых Анна Владимировна,
полиграфолог, графолог, г. Екатеринбург; e-mail: Ubp.su@yandex.ru

Щербатых Олег Вячеславович,
Президент, «Уральское бюро полиграф», г. Екатеринбург;
e-mail: uralburo@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен обзор результатов цикла научно-практических конференций, форумов и симпозиумов по обеспечению безопасности кадровой политики организаций и предприятий. Обсуждаются сложившиеся в России и за рубежом тенденции в проведении проверок персонала. Описаны направления профайлинга, обусловленные актуальными региональными запросами и интересами исследовательских центров территорий. Даются характеристики школ по подготовке полиграфологов и их специфика. Определены перспективы развития профайлинга и полиграфных проверок с учетом требований практики и ресурсов имеющихся научных разработок.

Ключевые слова: профайлинг, полиграфные проверки, прикладные разработки, научно-исследовательские разработки.

PERSPECTIVES APPLICATION-ORIENTED AND SCIENTIFIC RESEARCHES DEVELOPMENT IN PROFILING AND POLIGRAPH CHECKS

Legostayeva Ekaterina Sergeyevna,
Candidate of psychological sciences, associate professor of the general psychology,
Institute of psychology Ural state pedagogical university, Yekaterinburg
Scherbatych Anna Vladimirovna,
polygraphologist, handwriting expert, Yekaterinburg
Scherbatych Oleg Vyacheslavovich,
President, «Ural bureau polygraph», Yekaterinburg

Abstract. In article is presented the review of results a cycle of scientific and practical conferences, forums and symposiums on safety of personnel policy in the organizations and enterprises. Tendency in conducting checks of personnel developed in Russia and abroad are discussed. The directions of a profiling caused by relevant regional inquiries and the interests of the research centers of territories are described. Characteristics of schools on training of polygraphologists and their specifics are given. The prospects of development of profiling and polygraph checks taking into account requirements of practice and resources of the available scientific developments are defined.

Keywords: profiling, polygraph checks, applied research, research and development.

Данный сборник представляет обобщение результатов исследований, которые ведутся в прикладном и научном направлениях, призванных обеспечить безопасность среды современной организации с точки зрения кадровых вопросов, а также формирования климата в компаниях и учреждениях, способствующего эффективному функционированию всех составляющих: от личности сотрудника до потребительского впечатления о деятельности предприятия на внешнем рынке. Безопасность организации в представляемом контексте не затрагивает вопросов информационной и экономической безопасности напрямую, однако очевидно, что неблагонадежные сотрудники способны нанести вред именно в этих областях.

Проведению симпозиума «Профайлинг и технологии детекции лжи в обеспечении кадровой безопасности организации: Реальная практика полиграфологов VI» предшествовал целый цикл всероссийских научно-практических конференций «Реальная практика полиграфологов I-IV» (2012-2017 гг.), Международный научно-практический форум «Технологии безопасности управления организацией: профайлинг, медиация, конфликто разрешение, полиграфные проверки» (май 2017 г.), Международный научно-практический симпозиум «Современные технологии безопасности управления организацией» (сентябрь 2017 г.), которые ежегодно собирали десятки практиков во главе с ведущими специалистами в сфере полиграфных проверок персонала и профайлинговых исследований в сфере кадровой безопасности предприятия. Каждое из этих мероприятий представляло собой интенсивный обмен методологическими подходами, опытом проведения проверок по различным запросам заказчиков, с разными группами обследуемых лиц — от рабочих специальностей до топовых должностей организаций и ведомств, разбор кейсов, которые завершились возбуждением административных или уголовных дел, либо были получены в рамках внутренних исследований.

Данное сообщение призвано обобщить ранее опубликованные разработки, представленные в устных докладах и мастер-классах рекомендации, определить позиции исследователей и практикующих специалистов в сфере профайлинга и полиграфных проверок персонала с точки зрения перспектив данных направлений работы [1; 2].

В целом, в настоящее время можно выделить три складывающихся школы профайлинга как прикладной персонологии [1]: в г. Москва — Международная академия детекции лжи, отличающаяся эклективностью и ориентацией на рыночные запросы, разрабатывающая отдельные направления путем привлечения узких специалистов — проверка благонадежности сотрудника через социальные сети, поиск цифровых технологий для анализа эмоций, анализ поведения психопатов, технологии профайлинга в вербовке, исследование супружеской неверности и т. д.; в г. Калуга — направленная преимущественно на экспертизу

и разработку ее методологических оснований, в том числе, для расследования уголовных дел; в г. Екатеринбурге — ориентированная на прикладные аспекты применения профайлинга — обеспечение безопасности пассажиропотоков в аэропортах, расследование громких публичных дел, вопросы кадровой безопасности. Следует отметить, что школа, которая складывается в г. Екатеринбурге, во многом занята изучением различных аспектов намеренного искажения информации в условиях социально-психологического эксперимента, с применением контролируемых переменных, с учетом анализа психологического типа личности, а также активно разрабатывает вопросы этнопрофайлинга в рамках полевых экспериментов. Методологической площадкой для нее выступают преимущественно работы отечественных исследователей, чем она выгодно отличается от эклектики Московской школы и узкоспециальной направленности Калужской, создавая системный подход, позволяющий оперативно обучать специалистов-смежников технологиям профайлинга, обеспечивая высокий уровень безопасности в регионе.

Относительно зарубежных тенденций профайлинга следует отметить выдвинутый Д. Сосновским (2017 г.) тезис об активном внедрении soft skills — коммуникативных технологий ведения опроса, направленных на активизацию мотивационных и внутриличностных процессов обследуемого лица, которое заранее выводится из категории обвиняемого и становится «опрашиваемым». Н. Гордон также настаивает на понятии «беседа» вместо тактик, традиционно применяемых при допросе с целью быстрого получения признательных показаний, критикует жесткие приемы Рида и традиционные игры сотрудников служб безопасности и внутренних органов в «доброго и злого полицейского». Эти стратегии, по мнению зарубежных специалистов, дают ненадежные результаты, особенно при работе с потерпевшими и свидетелями. Как указывает С. Уолтерс, надежность такого подхода составляет не более 33%, тогда как анализ нарративов опрашиваемого в ситуации свободного повествования достигает 69%.

В целом в настоящее время профайлинг выступает преимущественно как вспомогательная технология при работе полиграфологов, следователей, сотруд-

ников служб безопасности и кадровых отделов организаций и ведомств. Однако, активно обогащаясь данными из психологии личности, клинической психологии и патопсихологии, психолингвистики и когнитивных наук, экспериментальной психологии и этнопсихологии, он в скором времени, безусловно, приобретет самостоятельное значение и нам потребуется, очевидно, введение его в список востребованных профессий, что потребует разработку профессионального стандарта, формулировку требований к подготовке профайлеров. За последние пять лет в различных городах России проведено несколько научно-практических конференций, ориентированных на профайлинг, что заставляет все более внимательно следить за развитием исследований и внедрений в этой области.

Перспективными направлениями в сфере профайлинга, на наш взгляд, выступают: создание специализированных изданий, объединяющих научные и прикладные разработки в данной сфере, развитие цифрового и этнопрофайлинга, проведение серии систематизированных экспериментальных исследований, направленных на проверку сложившихся представлений о тех или иных проявлениях лжи различными категориями граждан, выявление влияния внешних факторов (личность профайлера, условия собеседования, половые и возрастные особенности и пр.) на проявления стрессовых реакций, «мягкие» техники получения признательных показаний, профайлинг в сфере работы с несовершеннолетними. Очевидно, что постоянное усложнение процессов социального взаимодействия, несовершенство законодательной базы и расширение сфер деятельности предприятий и ведомств выступают объективными предпосылками развития и внедрения профайлинга в самые различные сферы — от судопроизводства до бизнеса, образования и здравоохранения.

В сфере применения полиграфа, как показали выступления и курсы повышения квалификации участников конференций, наблюдается все более широкое его применение. Сложившиеся школы подготовки полиграфологов А. П. Сошникова, В. В. Коровина, Национальная школа детекции лжи активно продвигают полиграфные техники проверки персонала, причастных лиц, анализа достоверности показаний свидетелей и потерпевших в самых различных

сферах — от бизнес-среды до расследования тяжких и особо тяжких преступлений. На конференциях всегда разгораются жаркие дискуссии, касающиеся тонкостей формулировок тех или иных типов вопросов, обсчета полученных результатов, применения определенного подхода к расследованию происшествия. Активно обсуждаются предлагаемые выступающими кейсы.

Следует отметить, что приглашенные иностранные специалисты несколько недооценивают уровень квалификации отечественных полиграфологов и порой начинают с разъяснения азов, что обусловлено сложившимся стереотипом исторического первенства американской школы полиграфных проверок. Однако, отечественные разработки, связанные с проведением процедур проверок, а также внедрения самих полиграфов, созданных в российских условиях, становятся приятным сюрпризом для зарубежных участников, вызывая заслуженное одобрение и получая высокую оценку эргономичности и эффективности применения.

В целом, данные мероприятия становятся традицией, выгодно позиционирующей г. Екатеринбург в качестве центра развития полиграфных и профайлинговых технологий, объединяя усилия специалистов из различных областей, направленные на выявление, противодействие и профилактику правонарушений.

Список литературы

1. Иванова Е. С., Щербатых А. В., Щербатых О. В. Итоги Международной научно-практической конференции «Реальная практика полиграфологов IV: Современный опыт проведения полиграфных обследований для судебной практики и работы кадровых служб» // Реальная практика полиграфологов IV: Современный опыт проведения полиграфных обследований для судебной практики и работы кадровых служб : материалы Межд. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2017. — С. 5–8.
2. Щербатых А. В., Щербатых О. В. Вторая Международная научно-практическая конференция полиграфологов, графологов, профайлеров, специалистов по безопасности «Реальная практика полиграфологов» // Научный диалог. — 2014. — № 11 (35). — С. 166–173.

УДК 159.9.072

МЕТАТЕХНОЛОГИИ НЕИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ПРОФАЙЛИНГА

Арпентьева Мариям Равильевна,
доктор психологических наук, доцент,
Калужский государственный университет, г. Калуга;
e-mail: mariam_rav@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются проблемы базовых принципов — метатехнологий профайлинга как системы обеспечения безопасности. Отмечаются его возможности и ограничения, основные компоненты и аспекты. Описываются основные принципы уголовного и кадрового профайлинга, примеры метатехнологий профилирования, понимания личности, группы и т. д. Отмечается, что проблемой современного профилирования является его отдаленность от научного. Профайлинг — комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального, вербального и субвербального поведения объекта, по прогнозированию сценариев развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека. Существует несколько подходов к профилированию, в том числе гомологический подход («offender homology»), теория черт («trait-based»), и интегративный подход, которые используются для того, чтобы предсказывать или реконструировать характеристики преступников и иных людей, выбирать и реализовывать методики коррекции и развития необходимых черт и т. д. Вероятностный характер профилирования и его близость повседневной диагностике непрофессионалов иллюстрируют феномены «холодного чтения». Попытка верификаторов-практиков свести профилирование к методикам и подходам феноменологии и «case analyses», игнорируя статистику и классические подходы, вызывает скептическое отношение традиционных исследователей. Поэтому на эмпирическом уровне в современной практике используется совмещённый, эклектический

подход, процессуальные техники, а также метакогнитивные или рефлексивные процедуры, включая супервизию для профайлеров. Именно поэтому так велика значимость разработки общих принципов и выделение метатехнологий профилирования как особого вида психодиагностики.

Ключевые слова: профайлеры, эмпатия, конгруэнтность, метатехнологии, интенции, профессиональная компетентность.

METATECHNOLOGY OF THE NONINSTRUMENTAL PROFILING

Arpentyeva Mariyam Ravilyevna,
associate professor, Kaluga state university, Kaluga

Abstract. The article reveals the problems of the basic principles — meta-technologies of profiling as a security system. Its capabilities and limitations, its main components and aspects are noted. The main principles of criminal and personnel profiling, examples of metrology profiling, understanding of personality, group, etc. was describe. It was note that the problem of modern profiling is its remoteness from the scientific one. Profiling — a complex of socio-psychological methods for diagnosing personal characteristics, hidden motives and evaluation of reported information based on the assessment of non-verbal, verbal and subverbal behavior of the object, predicting scenarios for the development of situations and relationships, behaviors, behaviors and human communication. there are several approaches to profiling, including the homologous approach («offender homology»), trait-based theory, and the integrative approach, which are used to predict or reconstruct the characteristics of criminals and other people, to choose and implement methods of correction and development of necessary features, etc. The probabilistic character of profiling and its proximity to everyday diagnostics of non-professionals was illustrate by the phenomena of «cold reading». The attempt of practice verifiers to reduce profiling to the methods and approaches of phenomenology and «case analyses», ignoring statistics and classical approaches, raises the skeptical attitude of traditional

researchers. Therefore, at the empirical level, a combined, eclectic approach, procedural techniques, as well as metacognitive or reflexive procedures, including supervision for profilers, are used in modern practice. That is why the importance of developing common principles and the separation of meta-technologies of profiling as a special kind of psychodiagnostics is so great.

Keywords: profilings, empathy, congruence, meta-technology, intention, professional competence.

Введение

Подготовка современных профайлеров — процесс, опирающийся не только и не столько на трансляцию профессиональных знаний и умений (технологий), психологическое образование, сколько передачу ценностей и связанных с ними метатехнологий — воспитание. Помимо общечеловеческих ценностей и профессиональных духовно-нравственных, этических императивов, важную роль в этом процессе играют принципы или метатехнологии психодиагностики, в том числе профессионального / кадрового и иных видов профилирования. К сожалению, этот вопрос остается одним из наименее изученных: в рассмотренных нами работах проблемы базовых принципов профилирования практически не ставятся, однако в традиционной модели осмысления психодиагностики как науки и практике оценки психологических свойств личности и группы этот вопрос — один из центральных. Аналогичным образом, этот вопрос — один из центральных и в смежной практике — консультирования / психологической коррекции и помощи в развитии.

Профилирование — сложное, полиморфное явление, связанное с диагностикой особенностей разным типов и групп людей в отношении оценки их личностных, межличностных, психологических и нравственных качеств и компетенций, знаний и умений и т. д., способов построения и преобразования отношений с собой и миром [2; 5; 28; 34; 38]. Профилирование формируется на «стыке» психодиагностической и коррекционной работы, оно есть психодиагностика, направленная на оперативную коррекцию активности одного челове-

ка / группы по отношению к другому/группе. Это — ориентировочная деятельность, деятельность понимания сути происходящего [9; 25; 31; 32; 37]. В профилировании может не быть «прямых» клиентов: запрос о профиле «третьего» лица или группы лиц или о реконструкции / перспекции ситуации может поступать из самых разных источников. Речь скорее идет о заказчиках и исполнителях. «Объект» исследования может быть, а может и не быть его активным участником, сотрудничать или мешать исследованию. Можно отнести профилирование к «экспертной психодиагностике»: не предполагающей прямого, целенаправленного психокорректирующего воздействия на обследуемые объекты. Однако, в реальности, люди не могут не взаимодействовать, а этот аспект как «эффект испытуемого» или «эффект экспериментатора» многократно отражен в исследованиях по методологии и методам психодиагностического и, шире, психологического исследования.

Профайлинг — комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального, вербального и субвербального поведения объекта, по прогнозированию сценариев развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека. существует несколько подходов к профилированию, в том числе гомологический подход («offender homology»), теория черт («trait-based»), и интегративный подход, которые используются для того, чтобы предсказывать или реконструировать характеристики преступников и иных людей, выбирать и реализовывать методики коррекции и развития необходимых черт и т. д. Вероятностный характер профилирования и его близость повседневной диагностике непрофессионалов иллюстрируют феномены «холодного чтения. Попытка верификаторов-практиков свести профилирование к методикам и подходам феноменологии и «case analyses», игнорируя статистику и классические подходы, вызывает скептическое отношение традиционных исследователей.

Постановка задачи (формулировка целей и методов исследования).
Профилирование характеризуется широкой ориентацией: групп проблем и лю-

дей (групп), в отношении которых проводится психодиагностика, множественностью методов и парадигм диагностики и лежащих в их основе эпистемологических оснований. Оно обращено к выявлению различных проблем, компетенций, свойств, противоречий, к работе с самыми разными группами клиентов, что предполагает выход за пределы конкретных ситуаций индивидуальной жизнедеятельности и контакта с обследуемым, рассмотрение происходящего в максимально в широком социальном контексте, а также теоретическое обоснование профилирования, его процесса и результатов [15; 27; 26; 30; 35]. Выявляемые особенности локализованы на ценностно-ролевых, понятийно-смысловых и непосредственно интерактивных уровнях жизнедеятельности: в сфере отношений к себе, людям и миру, в сфере представлений о себе, людях и мире, их осмысления личностью, а также в сфере воздействия людей друг на друга, властно-преобразовательных отношениях. В наиболее «простом» случае речь идет о выявлении правды и лжи, ретроспективной оценке конфликтных межличностных ситуаций. В наиболее сложных о перспекции (прогнозе) развития сложных ситуаций и больших социальных движений, сообществ и т. д.

Психодиагностика в профилировании может быть рассмотрена и как особый, более или менее развернутый и специфически организованный диалог, направленный более или менее многостороннюю, глубокую или поверхностную, краткосрочную или долгосрочную оценку человека или ситуации, выявление ошибок и проблем функционирования и развития, дисгармоний внутриличностного, межличностного и межгруппового уровней [12; 29; 36; др.]. При этом в современных, интегративных моделях психодиагностики (системный и стратегический подходы, процессуальный и категориальный подходы) фокусом становится исследование, включающее и выявление и трансформацию отношений людей к себе и миру в противовес вниманию предшествующих, традиционных моделей к технологиям экспертизы как фиксации имеющихся свойств [3; 6; 8; 10; 18; 20; 21; 22; 23]. Актуальная психодиагностика лжи и правды, постоянных черт менее актуальна и важна, чем оценка перспектив и ретроспектив, целей и причин, ограничений и

возможностей трансформации человека, группы, общности. Особенно важно это учитывать в ситуации кадрового профилирования, использовании профилирования в процессе управления развитием ситуации и личности.

В наиболее современных моделях и подходах, сочетаются две тенденции: метатехнологический и духовно-нравственный анализ психодиагностики [8; 18; 21; 22]. В конкретной ситуации, в реальной практике психодиагностики, эти две тенденции сливаются в единое целое: психодиагностика не является процедурой, «очищенной» от нравственных представлений, она «объективна» и «субъективна» одновременно, она использует более или менее общие методики и уникальные знания и умения профайлера. Такое слияние не проходит просто и безболезненно: исследователи и практики, связанные с научной традицией, продолжают пытаться удерживать приоритет стандартизированных технологий инструментального и неинструментального профилирования, продолжая никак и ничем не завершающиеся поиски «органического субстрата» нравственных, психологических (личностных и профессиональных) нарушений. Практики, обращенные к эмпирической традиции, пытаются толковать наблюдаемое в терминах и понятиях, усвоенных ими на различных «курсах» от других «эмпириков», не особенно задумывающихся о качестве своих заключений. Результат — множасьщиеся фикции профилирования, в которых «научное» оформление скрывает абсолютное ненаучное или полностью отсутствующее содержание. И это не только и не столько — «беда периферии»: московские и многие иные профайлеры, работающие в крупных городах, где на них есть спрос и мода, часто пренебрегают научным обоснованием и сколько-нибудь серьезной подготовкой в области психологии целом. В свое время аналогичные процессы наблюдались в области освоения многих модных психотехнологий и подходов, например НЛП: в сферу коучинга и сопровождения пришла огромная группа непрофессионалов и профессионалов иных специализаций, имеющих смутное представление о своих возможностях и ограничениях как психологах, а также о психологии как науке и практике помощи / развития человека.

Изучение и формирование метатехнологий профилирования и его

духовно-нравственное осмысление, также, как и попытки духовно-нравственного осмысления человеческой жизни остаются пока в психологии, особенно на уровне практической деятельности, спорадическими и, за исключением нескольких самостоятельных течений, обращающих внимание на «развивающие эффекты» психодиагностики и необходимость разработки психодиагностических профилей, позволяющих прогнозировать поведение человека и т. д. [1; 4; 13; 16 и др.]. Наука и практика профилирования «прощает» эксперименты своим наиболее известным представителям, восхищаясь харизмой и индивидуальностью последних, однако, в повседневной практике продолжают доминировать традиционные «лоскутно-эклектические» модели и специалисты, лишь декларирующие научность своих исследований.

Однако, выделенные в школе К. Р. Роджерса и многих других школах базовые принципы психологической помощи, а также общие принципы психодиагностики (системность, объективность, подтверждаемость и т. д.) мало соотнесены с технологиями разных подходов и школ профилирования [33]. Более того, сами школы не столько изолированы, сколько «пересекаются»: при огромном числе психодиагностических методик и технологий профайлеры испытывают парадоксальную нехватку инструментария, вынуждаясь применять «испытанные» коллегами. «Круговая порука», однако, совершенно не гарантирует ни качества (реалистичности и разрешающей мощности) методики, ни ее результативности (способности давать конкретные ответы на поставленные вопросы).

Именно поэтому цель нашего исследования — соотнесение принципов профилирования и разных направлений и школ, формирование представлений о метатехнологиях профилирования, общих для разных подходов, парадигм и традиций. Представление о метатехнологиях позволяет соединить отражающие преимущественно нравственно-этические аспекты и принципы профилирования с его технологиями и технологическими приемами.

Методология и методика исследования. Теоретический анализ понятия «метатехнология» показывает, что оно может быть рассмотрено как произволь-

ный, осуществляемый субъектом в рамках имеющегося у него стремления к развитию, самореализации, процесс воздействия на технологию, преобразующий ее в целях повышения продуктивности и эффективности (жизне)деятельности. В случае профилирования речь, как правило, идет о технологии, позволяющей интегрировать и развивать технологии оценки возможностей и ограничений, качеств и компетенций личности и ее отношений. Этот процесс осуществляется в контексте различных психодиагностических школ и моделей функционирования и развития человека и общества. Будучи метатехнологией, эта группа технологий должна содержать механизм, посредством которого субъект индуктивно воздействует на внешнюю и внутреннюю среду, преобразуя ее в соответствии с целями развития. Метатехнология представляет собой некий инструмент индуктивного воздействия на пространство психологический технологий, в том числе — тех, что обеспечивают его (жизне)деятельность и развитие. Метатехнология повышает эффективность (ускоряя, усиливая эффект) воздействия человека на внешнюю и внутреннюю среды. Технологии развиваются медленно, и, в силу множественности, имеющихся у каждой из них различающихся ресурсов и ограничений, дают более медленные и менее выраженные результаты. Что касается профилирования, то интегрирующим понятием, с которым явно или неявно связаны практически все технологии и школы диагностики, является понятие истины, конкретизированной в практике профилирования как понимание человека человеком — процесс и результат осмысления происходящего субъектами профилирования себя, друг друга и окружающего мира. Термин «понимание» раскрывается разными теоретиками и практиками в системе более или менее обобщенных метатехнологических принципов, позволяющих достичь состояния истины в процессе диалога человека с человеком, человека с миром. В таком диалоге, понимая себя и друг друга, человек и мир могут развиваться наиболее оптимальным для каждого из них образом, раскрывать свои действительно важные и реально существующие свойства и компетенции. Метатехнологический ракурс осмысления профилирования позволяет соединить разрозненные представления и модели в единый комплекс, ввести в

профилирования не просто ценностно-смысловые, но духовно-нравственные аспекты бытия человека. Человек начинает видится космическим существом, чья жизнь есть любовь и страдание, подъем и крушение, порядок и хаос, развитие и инволюция, нарушения в развитии и бытии которого есть ошибки и уроки, исправляя и выучивая которые, человек обучает и воспитывает себя и окружающих людей. Человек способен и нуждается в том, чтобы осмыслять себя и мир, совершенствоваться и совершенствовать, достигать тех возможностей, которыми обладает как космическое существо, достигать космической идентичности — жизни души, и преодолевать те ограничения, которые налагают повседневные обстоятельства, преодолевать сложившуюся идентичность, ограничения жизни его «разумного тела». На этом пути профилирования выступает уже как практика духовно-нравственного развития, оно пытается выйти за пределы «ментального» характера традиционных и гуманистических моделей в «сверхментальное», в отношения, связанные с постижением высшей истины, себя и мира. Именно поэтому такие модели сложны в осуществлении: будучи моделями, преодолевающими границы традиционного рассудочного и даже разумного, они показывают человеку, человечеству, реальные, но от того не менее фантастические «артефакты» бытия. Метатехнологическое осмысление открывает дорогу к универсальным подходам и «золотым правилам» понимания себя и мира, невозможным на предшествующих уровнях и предшествующем понимании профилирования / психодиагностики в целом.

Результаты исследования. С точки зрения современной модели профилирования, источники и проявления нарушения отношений человека с собой и миром, а также их результатов — психических и психосоматических нарушений и заболеваний, несчастных случаев и «сломанных судеб», иных форм страданий несколько:

- 1) эгоцентризм, проявляющийся как эгоизм и центрация на собственных желаниях, игнорирование собственных нужд и состояний, а также состояний и нужд окружающих людей, чрезмерно развитое чувство собственной значимости и значительности, приводящие к состояниям

«бесчувственности» и поведению по типу циклических аутостимуляций, в которых попытки самоподдержания перекрываются поведением самозатруднения, деструктивное и аутодеструктивное поведение, включая наркомании и суициды;

2) отчужденность и психологическая зависимость на фоне неразвитой эмпатии, рождающие склонность к агрессивному и отчужденному поведению, множественным и глубоким конфликтам с окружающими, социопатическим нарушениям и переживаниям своей изолированности, перверсиям в сфере, связанным с чрезмерным акцентом отношений «власти-подчинения», например, садо-мазохизм и т. д.;

3) лживость и неискренность отношений, связанная с феноменом «двойной связи» и целенаправленными манипуляциями (макиавелизм), искаженность общения и отношений, приводящие к возникновению острых, травмирующих «несчастных случаев» и «разрывов» отношений, а также хронических психических и психосоматических нарушений, закреплению негативных жизненных сценариев у членов семьи (рода);

4) жизнеотрицание как недовольство собой, окружающими людьми и миром, непринятие и нетерпимость к окружающим людям, депрессивные и астенические формы реагирования на мир, который «не поддается улучшению» и не стремится быть «улучшенным».

Данные аспекты отношений к себе и миру часто, как видно из описания, перекрываются, усиливая друг друга. В попытке достичь здоровья и «доказать» свою нормальность, человек часто попадает в ловушку игр в неполноценность, «плохость» — сверхценность и «хорошесть», в ненужность и не востребованность — сверхнужность и мегапопулярность, в нелюбимость и отвержение и в «всеми любимость» и всеприятие, а также игр в причиняющего страдания и ждущего когда его остановят преследователя и страдающую, ждущую помощи жертву (или убегающую от преследователя к спасителю жертву и в преследующего преследователя спасителя). Отказываясь учиться воспринимать опыт жизни как данность, либо убегая от проблем и вытесняя их

из сознания, либо, напротив, продолжая упорствовать в сохранении своей позиции, моделей поведения и т. д., человек сталкивается с массой трудностей, переоценивая роль взаимоотношений с обществом и направляя ресурсы, данные ей для осуществления внутрисемейных преобразований, а также глубинных и обширных личностных изменений, на решение проблем отношений с представителями общества, болезнями и т. д. При этом он нередко совершает целую серию серьезных по отношению к самому себе ошибок [6]:

- 1) он долго, упорно и часто безуспешно пытается что-то доказать обществу, окружающим, а иногда и себе;
- 2) чаще всего он доказывает, что он «хороший» («нормальный», «полноценный»);
- 3) он часто пытается стать нужным и заслужить «любовь» сообщества и ее представителей, иногда — «стать хорошим (нужным) и т.д. для всех»;
- 4) получить от сообщества, внешнего мира помощь, которую ту не может и / или не хочет оказать.

Доказывая, человек постигает, что «доказать» что-то невозможно, процесс доказательства может, заняв всю жизнь, оказаться полностью бесплодным, если не вредным: поскольку становится источником огромного количества психологических игр, психологического шантажа, деформаций отношений и даже — как известный феномен «двойной связи» — психических отклонений у человека и его близких. Человек также постигает, что он и каждый другой человек — индивидуальны, а также осознает абсолютно идентичные для людских сообществ и каждого человека в отдельности механизмы возникновения, развития, исчезновения и взаимного превращения «плохого» и «хорошего». Человек постигает, что любовь и принятие невозможно заслужить и невозможно удержать. Его можно достигнуть, строя гармоничные отношения любви и принятия внутри семьи, строя гармоничные, реализующие духовные идеалы, отношения с самим собой и миром. Тогда, состояния принятия и любви, эмпатии и рефлексии, а также конгруэнтности, аутентичности во многом возникают «автоматически»: человек постигает сущность любви и то, что любовь не есть неизменный комфорт, она, напротив, предполагает и более или менее существенные испытания, и «подарки судьбы» [11], она — не конец, но все бытие, она не вседозволенность,

но свобода и ответственность, она есть целостность жизни, а не деление на плохое и хорошее и т. д. Человек также постигает и то, что проще не ждать помощи, а оказать ее самому: таким же или еще более нуждающимся людям [7; 8]. Однако, человек нередко пытается сохранять «очки» неведения, настраивая себя на соответствие представлениям и моделям поведения, не имеющим никакого отношения к реальности его мира и к реальности духовно-нравственного, личностно-психического и психосоматического здоровья. Пассивно ожидая от мира помощи и поддержки, он ограничивает свои собственные ресурсы и ответственность, препятствуя выздоровлению, преодолению трудной ситуации, исходя из бытующих в обществе и у специалистов представлений о нормальном и ненормальном, о здоровье и болезни, о счастье и страдании и т. д. Начиная с просьб о помощи, он заканчивает еще большим отчуждением и неблагодарностью. Начиная с просьб о любви — заканчивает ненавистью и отвержением. Начиная с просьб о понимании — полностью игнорирует необходимость понимания — там, где оно ведет к изменениям. Активно изменяющаяся личность понимает, что ответственность за нарушения функционирования и препятствия развитию и активность в разрешении проблем, связанных с исцелением, лежит на ней самой: помощь мира необходима, но лишь постольку, поскольку не блокирует внутренние ресурсы, и не маскирует бездействие самого человека и не способствует утяжелению имеющихся ограничений и проблем. В целом, за всеми попытками доказать, что у него все «хорошо», заслужить этим любовь общества, получить от нее поддержку, человек нередко упускает из вида более важный момент: любовь как сущностное проявление человека и его отношений не требует того, чтобы ее заслуживали, она есть всегда. Вопрос в том, умеет ли человек любить в смысле проявлять любовь, способен ли он и готов ли он в тот или иной конкретный момент к истинно партнерским, сущностным, глубоко человеческим отношениям, готов ли он видеть реальность — внутри и вне себя, и, если нет, как его научить? Каковы пути или «метатехнологии» этого процесса? Они включают [33 и др.]:

1) принимать и уважать себя и других (сохранять достоинство и честь в отношениях, исправлять собственные ошибки, а не только и не столько ошибки окружающих, понимать, что люди — здоровые, понимающие мир и себя, любимые и счастливые или больные, непонимающие себя и мир, нелюбимые и несчастные — отражают состояние окружающих, общества в целом, что гармония общественных отношений — соблюдение обществом нравственных императивов, уважение и достоинство граждан — залог правильного поведения и счастливой жизни каждого отдельного человека);

2) терпеть друг друга и бремя жизни как таковой (сохранять «толерантность к неопределенности», осуществлять «совладание», проявлять «жизнестойкость», переживая «боль отношений», развивать «умение отпускать» переживания, трудности, других людей и себя самих, давая событиям и людям «объяснять самих себя»);

3) заботиться, делиться друг с другом и заботясь друг о друге, жертвуя силы и время друг другу, в помощь окружающему миру, выступать не просто как «отстранённый эксперт», стращащийся близости и «вмешательств», но как фасилитатор и проводник изменений, медиатор или посредник, оказывать эффективную и продуктивную помощь, способствующую выживанию человека как тела и росту человека как души, подтверждать или не подтверждать изменения, феномены, свойства и т. д.;

4) человек и общество многомерны, односторонняя оценка, раз и навсегда приклеенные ярлыки — свидетельство непонимания специалистом себя и мира. Каждый человек, однако, наделен волей и свободен измениться и оставаться больным или здоровым, счастливым или несчастным, удачником и неудачником, парией или звездой — по собственному выбору. Часть пути при этом он проходит вместе с другими: без других, помощи им и помощи от них, развитие не состоится. Не состоится даже понимание: нельзя понять другого, если не способен понимать себя, осмысливать себя как изменяющуюся и множественную реальность.

Все эти аспекты становятся явной или неявной канвой профилирования:

мы постигаем других людей и самих себя по огромному списку имплицитных и эксплицитных параметров, помогающих ответить на вопрос о том, кто перед нами. В сфере «повседневного профилирования», в обычной жизни обычных людей, мы также осмысливаем свое и чужое поведение многоуровневое и многокомпонентно, пытаемся понять и прошлое, и настоящее, и будущее человека. Но продвигаясь как специалист в сфере профилирования, мы необходимым образом «дополняем», наращиваем и пересматриваем, перенормируем, выделяемые компоненты. В разных школах и моделях их выделяется разное количество, придается разный вес. В простой диагностике лжи и искренности нет необходимости сложных реконструкций, поэтому результаты верификации лжи у обычных психологов и профессионалов сходны. Различия начинаются там, где требуется создать панорамное, динамическое видение взаимоотношений людей и групп. В этом смысле психологии есть что исследовать и есть ему поучиться например, в «эзотерической астрологии» и многих философско-религиозных традициях (индуизм, христианство и т. д., выделяющих до нескольких сотен тысяч типов человека и его отношений) [24]. Как бы не было трудно, профессионал может и должен стремиться к присвоению и постижению опыта человечества, которое то сформировало, чтобы облегчить ответ на «просто вопрос» о том, «Кто я? Кто он?» и еще более простой вопрос: «Что есть человек?».

В современном профилировании может быть использована тетрада принципов гармоничного взаимодействия, выделенная в школе К. Р. Роджерса [7; 14; 17; 33]. Если рассмотреть особенности проявления выделенным им принципов отношений человека с человеком в психодиагностической, коррекционной и иных ситуациях, то можно сформулировать ряд метатехнологий профилирования. Как известно базовые принципы гармоничного, профессионального взаимодействия были соотнесены К. Р. Роджерсом и его учениками с основными характеристиками негармоничных, повседневных, непрофессиональных взаимодействий (отношений). Повседневные отношения рассматривались как дисгармоничные, десакрализованные (аномичные) и приводящие к нарушениям и мешающие развитию отношений человека с собой и миром, упрощающие и ме-

шающие пониманию:

Таблица 1

**Принципы взаимодействия людей:
 непрофессиональная и профессиональная модели**

Повседневная модель	Профессиональная модель
Условное принятие как непринятие, ненависть или отчуждение, нетерпимость, нетолерантность, другой и я выступают как средства достижения цели, неуважение, персональный контакт как контакт социальных масок и ролей	Безусловное принятие, любовь и терпимость (толерантность), я и другой — выступают как цели, уважение, видение Бога в себе, другом и мире, трансперсональный контакт как контакт внутренних сущностей — душ — людей
Оценочное понимание, нерефлексивное, неосознаваемое, барьеры и блокады понимания — не осознающее понимание происходящего, гипотетичность понимания, связь понимания с причинами и лежащими в основе опыта исходными представлениями и переживаниями (воспроизведение опыта)	Безоценочное понимание, эмпатия, дар сочувствия и рефлексии, осознанность преодоление и исследование блокад и барьеров понимания, эмерджентность понимания, финитизм понимания (связь с результатами, в том числе целями понимания) (накопление опыта)
Неискренность, лживость, несоответствие себе и миру, перманентная конфликтность, самонезэффективность и социальная неэффективность, неконгруэнтность и неаутентичность	Искренность, честность, прямота, соответствие себе и миру, умение и стремление разрешать конфликты, самоэффективность и социальная эффективность, конгруэнтность и аутентичность
Неконкретность как деперсонализированность и отсутствие обращенности, общение с фантомами собственного опыта, беспредметность как фатичность, прерывность и фрагментарность взаимодействия, деперсонифицированность как отчужденность и личностная не представленность	Конкретность как персонализированность — обращенность к конкретному собеседнику, предметность обсуждения, его нефатичность, непрерывность и целостность, персонифицированность как личностная представленность, включенность в диалог с собеседником

В профилировании важнейшей интенцией взаимодействия является понимающая: стремление понять себя и другого или «диагностомания» как «компенсация низкой квалификации психодиагноста», которую «сопровождает

чрезмерное, иногда недостаточно осмысленное использование специальной психологической терминологии, неумение просто и доступно, ясными «житейскими» словами объяснить смысл диагностических показателей и сделать на их основе адекватные выводы», иллюзия того, то при использовании методик и иных инструментов диагностики «выводы могут использоваться в качестве безоговорочных рекомендаций», «неправильное представление о возможностях применяемых психодиагностических средств, абсолютизация получаемых с их помощью данных». М. К. Акимова отмечает, что «Специалист-психодиагност понимает возможности и ограничения своих методик, те допущения, которые были сделаны при их разработке, связанные с ними границы выводов, которые на их основе можно сделать, возможные ошибки при использовании разных типов методов и вероятность их совершения» [21; с. 12].

Рассмотрим как эти принципы «ложатся» на процесс реализации данной интенции.

Таблица 2

**Стремление к пониманию себя и мира и принципы взаимодействия:
обыденная психодиагностика и профессиональный профайлинг**

Обыденный профайлинг	Профессиональный профайлинг
Сны неведения, иллюзия всезнания и нарциссизм, иллюзии справедливости и т. д., имитации незнания, дефокусировка и стереотипия («эвристическая» и нравственная аномия) уменьшение информации, закрытость открытости воспитанию и обучению в отношении себя и других, сужение границ компетентности «распад», выгорание и профессиональные деформации, страх понимания как потери опор, «сование носа не в свои дела», принуждение к самораскрытию, стремление «подловить» клиента и остаться недоступным самому, страх разрушения собственного опыта	Открытость воспитанию и обучению в отношении себя и других, проницательность и «ученое незнание», открытость, фокусировка, ценностное или духовное знание («одухотворённый разум»), включая прозорливость, осознание и расширение границ компетентности, принятие нового знания с любовью без страха навсегда утратить жизненные опоры, «запрос на доступ к информации» и «ожидание самораскрытия», «взаимное раскрытие», инициатива самораскрытий и доступность консультанта, ценность и уверенность в собственном опыте
Жертвоприношение и создание «козла отпущения»	Умение надеяться, бездействия, тишины —

щения», коллективная расправа над «козлом отпущения» («идентифицированным пациентом») ради ощущения чувства власти и «оплаты» собственных грехов, бессознательность и ее имитация ради безнаказанности, триумф невежества и ненависть «к слишком умным» и иным образом отличным от «серой массы», неприятие или полная зависимость от чужого мнения, стремление к немедленному пониманию, допрашивание и дезинтегрирующая аналитика («интерпретации с потолка»)	молчания, доверие клиенту как эксперту и следование за ним, метаумения, остановка круга насилия усилием понимания происходящего («усилие к пониманию»), ответственность за понимание, отказ от бессознательности в пользу вежества, мудрости, проясненности внутри и вне человека, развитие без страха и постоянное оглядки на страхи окружающих, «принятие во внимание» чужого мнения, отсутствие принуждения и обязательств понимания, неторопливость, интегрирующие впечатления, их возвращение клиенту
Диагностомания, экстатическая дистанция и этическая субъективность жизнь желаний и норм — основа понимания жизни — прошлое и будущее, ожидание чуда поиск магических средств, отказ от собственных усилий к пониманию, неготовность понимать и избегание понимания, страх неопределенности и фрустрация от неопределенности, сужение контекста инопонимания, навязчивая индоктринация и бегство пациента в здоровье, эксперименты над клиентом и миром, отчужденные знания и умения	Эстетическая дистанция, толерантность к неопределенности, совместный творческий поиск и рутинная работа рефлексии и осознания, эстетическая вменяемость, определяют понимание ценности и нужды настоящего, расширение контекста инопонимания, отказ от индоктринации и работа в поле понятий и представлений самого клиента или парадоксальная индоктринация как инициация перепроверки доктрин клиента самим клиентом, экспериментальное знание
Неимение прямо и искренне говорить, неумение говорить вежливо и соблюдать этические нормы диалога, злоупотребление «раскомплексованностью», демонстрация «духовности» «свободы от предрассудков» и т. д., сломанный телефон, stalking как попытка управления чужим «имиджем» и т. д., хамство, психопатизация и социопатизация	Умение говорить прямо и называть вещи своими именами, честность, вежливость и такт, — соблюдение этики диалога, помощь в поиске инопонимания, приращение информации, диалог, умение признавать ошибки и «поражения» в диалогах с психопатами и иными любителями «фантомов» («Сиди спокойно на пороге своего дома, и рано или поздно мимо тебя пронесут труп твоего врага»)

Выводы

Поскольку все эти принципы не вырабатываются в поведении профайлера

сразу, а в России супервизоров и профессионалов в сфере профилирования единицы, еще меньше тех, кто хотя бы занимается самосупервизией, процент профессионалов в среде профайлеров невелик. Большая часть специалистов симулирует названные качества, на деле реализуя повседневные шаблоны и скатываясь в самый «низ» собственного и коллективного бессознательного.

Список литературы

1. Алексеев А. А., Громова Л. А. Поймите меня правильно. — СПб.: Экономическая школа, 1993. — 352 с.
2. Аминов И. И. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий. — М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. — 183 с.
3. Анастаси А., Урбина С. Психодиагностика. Психологическое тестирование. — СПб.: Питер, 2008. — 688 с.
4. Арпентьева М. Р. Практикум по психологическому консультированию. — Калуга: КГУ, 2014. — 336 с.
5. Арпентьева М. Р. Профайлинг в обеспечении национальной безопасности России // Вестник БИСТ. Серия «Юридические науки». — 2015. — № 2 (27). — С. 64–68.
6. Бодалев А. А., Столин В. В. Общая психодиагностика. — СПб.: Речь, 2000. — 440 с.
7. Бондаренко А. Ф. Психологическая помощь: теория и практика. — К.: Укртехпресс, 1997. — 125 с.
8. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2009. — 384 с.
9. Вискэ Е. В. Криминалистическое значение «психологического портрета» неизвестного преступника // Вестник Нижегородского госуниверситета. — 2006. — Вып. 2 (10). — С. 184–188.
10. Введение в психодиагностику: учебное пособие / под ред. К. М. Гуревич, Е. М. Борисовой. — М.: Академия, 1997. — 192 с.
11. Виилма Л. Прощаю себе. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — Т. 1. — 720 с.; 2007. — Т. 2. — 640 с.

12. Ениколопов С. Н., Ли Н. А. Психологические особенности криминального профайлинга // Психологическая наука и образование. — 2007. — № 5. — С. 295–299.
13. Кокурина И. Г. Методика изучения мотивации трудовой деятельности: учебно-методическое пособие. — М.: МГУ, 1990. — 90 с.
14. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. — М.: Академический проект, 1999. — 240 с.
15. Кудин В. А., Статный В. М. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: от теории и методологии к практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 3 (59). — С. 4–15.
16. Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 608 с.
17. Минигалиева М. Р. Психологическое консультирование: теория и практика. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. — 609 с.
18. Нормы профессиональной этики для разработчиков и пользователей психодиагностических методик: стандартные требования к психологическим тестам / сост. А. А. Рукавишников, М. В. Соколова. — Ярославль: Дебют, 1991. — 32 с.
19. Пономаренко В. В. Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. — 252 с.
20. Психологическая диагностика: Проблемы и исследования / под ред. К. М. Гуревича. — М.: Педагогика, 1981. — 232 с.
21. Психологическая диагностика: учебное пособие / под ред. М. К. Акимовой. — СПб.: Питер, 2005. — 304 с.
22. Психологические портреты персонала: типология и диагностика / под ред. Ю. П. Платонова. — СПб.: Речь, 2003. — 416 с.
23. Шмелев А. Г. Основы психодиагностики. — М.: Феникс, 1966. — 544 с.
24. Ульрих И. Нетрадиционная астрология. — М.: Литан, 2002. — 840 с.
25. Burgess A., Douglas J., Hartman C., McCormack A., Ressler R. Sexual Homicide: A Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. — 1986. — V. 1. — № 3. — P. 230–239.

26. Chifflet P. Questioning the validity of criminal profiling: an evidence-based approach // Australian & New Zealand Journal of Criminology. — 2015. — Vol. 48. — №. 2. — P. 238–255.
27. Dern H., Dern C., Horn A., & Horn U. The fire behind the smoke: A reply to Snook and colleagues // Criminal Justice and Behavior. — 2009. — № 36 (10). — P. 1085–1090.
28. Devery C. Criminal Profiling and Criminal Investigation // Journal of Contemporary Criminal Justice. — 2010. — November. — Vol 26 (1). — P. 393–409.
29. Kagee A., Breet E. Psychologists' endorsement of empirically unsupported statements in psychology: Noch Einmal // South African Journal of Psychology. — 2015. — Vol. 45. — № 3. — P. 397–409.
30. Kocsis R. N. Validities and Abilities in Criminal Profiling: The Dilemma for David Canter's Investigative Psychology // International Journal Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2006. — August. — № 1 (50). — P. 458–477.
31. Kocsis R. N., Palermo G. B. Disentangling Criminal Profiling: Accuracy, Homology, and the Myth of Trait-Based Profiling // International Journal Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2015. — Vol 59 (1). — P. 313–332.
32. Napier M. R. Behavior, Truth and Deception: Applying Profiling and Analysis to the Interview Process. — Boca Raton, FL: CRC Press, 2010. — 374 p.
33. Rogers C. On becoming a person. — Boston: Houghton Mifflin Company, 1961. — 420 p.
34. Snook B., Cullen R.M., Bennell C., Taylor P.J., Gendreau P. The Criminal Profiling Illusion: What's Behind the Smoke and Mirrors? // Criminal Justice and Behavior. — 2008. — № 1. — Vol 35. — P. 1257–1276.
35. Snook B., Eastwood J., Gendreau P., Goggin Cl. and Cullen R.M. Taking Stock of Criminal Profiling: A Narrative Review and Meta-Analysis // Criminal Justice and Behavior. — 2007. — № 34. — P. 437–454.
36. Trager J. & Brewster J. J. The effectiveness of psychological profiles // Journal of Police and Criminal Psychology. — 2001. — Vol. 16. — Issue 1. — P. 20–28.

37. Verde A., Nurra A. Criminal Profiling as a Plotting Activity Based on Abductive Processes // International Journal Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2010. — Vol. 54. — № 5. — P. 829–849.
38. Zuckerman M., DePaulo B. M., Rosenthal R. Verbal and nonverbal communication of deception // Advances in experimental social psychology. — 1981. — V. 14. — P. 1–57.

УДК 159.9.072

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО НЕИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ПРОФАЙЛИНГА

Арпентьева Мариям Равильевна,
доктор психологических наук, доцент,
Калужский государственный университет, г. Калуга;
e-mail: mariam_rav@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются вопросы организации и осуществления профайлинга как современной технологии профессиональной безопасности. Отмечаются его возможности и ограничения, основные компоненты и аспекты. Описываются основные компоненты уголовного и кадрового профайлинга, технологии профилирования, анализа базовой линии поведения личности. Профайлинг — комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального, вербального и субвербального поведения объекта, по прогнозированию сценариев развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека. Существует несколько подходов к профилированию, в том числе гомологический подход («offender homology»), теория черт («trait-based»), и интегративный подход, которые используются для того, чтобы предсказывать или реконструировать характеристики преступников и иных людей, выбирать и реализовывать методики коррекции и развития необходимых черт и т. д. Однако, проблемой современного профилирования является его отдаленность от научного. Вероятностный характер профилирования и его близость повседневной диагностике непрофессионалов иллюстрируют феномены «холодного чтения», «эффект Т. Барнума» и «капкан Т. Брокау» (T. Brokaw hazard). Попытка верификаторов-практиков свести профилирование к методикам и подходам феноменологии и «case analyses», игнорируя статистику и классические подходы, вызывает скептическое отноше-

ние традиционных исследователей. Поэтому на эмпирическом уровне в современной практике используется совмещённый, эклектический подход, процессуальные техники, а также метакогнитивные или рефлексивные процедуры, включая супервизию для профайлеров.

Ключевые слова: профайлеры, кадровый профайлинг, уголовный профайлинг, невербальное поведение, обман, терроризм, преступления.

PROBLEMS OF THE NONINSTRUMENTAL PROFILING

Arpentyeva Mariyam Ravilyevna,
associate professor, Kaluga state university, Kaluga

Abstract. In article questions of the organization and implementation of a profiling as modern technology of professional safety are revealed. The opportunities and restrictions, the main components and aspects of profiling are noted. The main components of criminal and personnel profiling, technology of profiling, the analysis of basic line of conduct of the personality are described. Profiling is complex of social and psychological methods of personal features diagnostics, the hidden motives and assessment of the given information based on assessment of nonverbal, verbal and subverbal behavior of an object on forecasting of scenarios of development of situations and relations, acts, behavior models and communication of the person. There are several approaches to profiling, including homological approach («offender homology»), the theory of lines («trait-based»), and integrative approach which are used to predict or reconstruct characteristics of criminals and other people, to choose and realize techniques of correction and development of necessary lines, etc. However, a problem of modern profiling is its remoteness from scientific. The probabilistic nature of profiling and its proximity to daily diagnostics of nonprofessionals illustrate phenomena «cold reading», «T. Barnum's effect» and «T. Brokau's trap» (T. Brokaw hazard). Attempt of experts verifiers to reduce profiling to techniques and approaches of phenomenology and «case analyses»,

ignoring statistics and classical approaches, causes the skeptical relation of traditional researchers. Therefore at the empirical level in modern practice the combined, eclectic approach, procedural technicians and also metacognitive or reflexive procedures, including a superviziya for profiler is used.

Keywords: profilers, personnel profiling, criminal profiling, nonverbal behavior, deception, terrorism, crimes.

Введение

В контексте системе безопасности внутригосударственных и межгосударственных структур и организаций современной России уникальное, еще не до конца освоенное место принадлежит профайлингу или верификации как комплексу мероприятий и технологий диагностического «картирования» и осмысления, профилактики и прогнозирования, разработки методов противодействий и коррекции угроз безопасности в разных по типу и масштабам таких угроз ситуациях: от «портретирования» и прогнозирования поведения политических лидеров до реконструкции и моделировании динамики и содержания массовых беспорядков, групповых преступлений, от работы в области профилирования и верификации показаний террористов и серийных убийц до профессионального отбора и отбора в группы профессионалов с требуемым уровнем профессиональной компетентности /совместимости / личностного развития, в том числе топ-менеджеров в высокотехнологичных и многоуровневых, огромных корпорациях. Профайлинг /верификация — система социально-психологических методов и методик диагностики комплекса личностных черт, включая декларируемые и скрываемые мотивы и стремления. Верификация предполагает оценку сообщаемой или наличествующей информации о человеке /инциденте, интегрирующую данные невербального, вербального и субвербального поведения объекта /объектов. Она также включает деятельность по прогнозированию, моделированию, перспекции сценариев развития личностей и ситуаций, человеческих и групповых отношений, поступков, моделей поведения и общения. Ее пространственный охват располагается в пространстве от диагностики профессиональной

пригодности кандидата до оценки реабилитационного потенциала жертвы террористического акта или катастрофы, включает разработку развивающих и коррекционных программ для разных людей, групп. Таким образом, ее временной охват включает прошлое, настоящее и будущее, конкретный фокус осмысления ситуации или человеческой жизни определяется целями верификации, особенностями ситуации или личности верифицируемых и т.д. профилирование как комплекс методов и методик диагностики, ретроспекции и прогнозирования поведения и развития людей на базе системного анализа /синтеза самых информативных с точки зрения профайлера признаков, в том числе, характеристик внешности и поведения, ценностей и отношений, интегрирует в себя технологии наблюдения и опроса индивидов и групп с целью выявления 1) потенциально или реально опасных или говорящих неправду лиц, 2) индивидов и групп индивидов с определенными талантами, интересами и ценностями [1; 2; 3; 7; 16; 24; 25; 26].

Определение метода дано «родоначальником» самой идеи профилирования, Р. Ресслером. Он сформулировал суть профилирования как «процесс идентификации всех психологических характеристик индивидуума, составляющий общее описание личности, основанный на анализе совершенных им преступлений» [9; 20, с. 10; 27; 28; 51]. Это определение было достаточно узким, однако, идея системного, целостного описания профилирования была предложена и начала свое распространение. В современном мире профайлинг используется уже практически повсеместно, в том числе на транспорте. Известный исследователь П. Экман создал компанию и разрабатывает серию компьютерных программ, дающих возможность диагностировать («считывать») и прогнозировать сущность и динамику (эмоциональных) состояний и поведения человека [17; 18; 19; 30; 32; 37]. Эти программы, превращающие неинструментальный профайлинг в частично инструментальный, активно используются самых разных структурах, занимающихся охраной «стратегических» и иных объектов и обеспечением безопасности VIP-персон, корпораций, государств и межгосударственных отношений. К ним тесно примыкает полиграфическое исследование — инструментальное профилирование, позволяющее выявлять правдивость

и ложность вербального и невербального поведения человека, его показаний, отношений и т. д. Тенденция к инструментализации профилирования отражает вполне естественные при современном эклектизме и наивном эмпиризме большинства профайлинговых и экспертных процедур опасения специалистов в том, что профайлинг в его неинструментальной форме может быть далеко не объективным. И, поскольку «цена вопроса» в уголовном и даже профессиональном профилировании может быть весьма высока, поскольку речь идет о профилактике и предотвращении опасностей, сохранении жизни, здоровья и иных ресурсов людей и организаций, постольку требования стандартизации и верификации самого профайлера и его деятельности, попытки стандартизировать и найти достаточно надежные, «твердые обоснования» заключений и экспертиз, представляются весьма оправданными и естественно вытекающими из самой идеи профилирования как системы портретирования, направленной на создание правдивой, истинной картины человеческого поведения, личности или группы, события и отношений.

С одной стороны, технологии, используемые в работе спецслужб, инструменты профайлинга /верификации должны быть экономными и эффективными (быстрыми), с другой, они должны быть не только и не столько простыми, сколько еще и надежными: хотя часто говорится о том, что все, что специалисту нужно узнать о группе или человеке, так или иначе отражено в их манере вербального и невербального поведения, в «языке тела и обычной речи, на самом деле работа профайлера включает гораздо больше моментов, позволяющих ему давать обоснованные и точные заключения. Для этого специалисту, конечно же, необходимо только знать, на что обращать внимание. Однако, не только: внимание может быть разным, качественно специфичным. Поскольку важнейшим моментов профайлинга является необходимость и возможность оценить достоверность сообщаемой человеком информации, постольку проблема оценки достоверности самого профилирования «лежит на поверхности»: если в традиционной диагностике шкалы лжи» являются дополненными, то в профилировании они могут быть центральными, если рефлексия психодиагноста в обычной ситу-

ации — замыкающее звено его работы, то в профилировании — оно необходимо постоянно.

Личностные особенности профайлера и технологии профайлинга.

Профайлинг как деятельность учит специалиста наблюдать и многосторонне осмысливать окружающую обстановку, поведение и отношения людей, искать подозрительные, изобличающие ложь, или подтверждающие демонстрируемым признаки. Он нацеливает человека на то, чтобы исследовать причинно-следственные связи, то есть — рефлексировать происходящее. Очень важная способность - нестандартно, творчески и, одновременно, системно, подходить к разрешению возникающих в профилировании проблем [28; 29; 51]. Профайлер или верификатор в узком смысле — человек, который определяет правду и ложь по внешним проявлениям, которые видны у оппонента. Профайлер анализирует не только сильные и очевидные, но и слабые и малозаметные сигналы, противоречивость и «неравномерность» психологической фактуры поведения и взаимодействий людей (на вербальном и невербальном уровнях). При этом специалист может выбирать любую модель поведения, например, говорить в «абсолютно свободной» форме, на любые, в разной мере связанные с изучаемым вопросом, темы, менять темпоритм, темы и манеры общения. Он может стремиться к получению более или менее определенных и развёрнутых ответов, к большей или меньшей точности и тематической определенности беседы. В этом его достоинство по сравнению с полиграфом. Однако, реальная деятельность профайлера гораздо шире верификации: в ходе профилирования специалист способен исследовать и выявлять более или менее значимые и не значимые темы и фрагменты жизни (мотивы и интересы) изучаемых. При этом он фокусируется на соотношении способа действий и порядка (внутренних и внешних) действий человека. Профайлеры не просто объясняют и описывают темперамент, черты характера, личности, идиосинкразические и общие свойства поведения преступника / претендента на должность, но реконструируют и моделируют (проспектируют) свойственный человеку стиль отношений в быту и на работе, предсказывают вероятные направления развития и отдельные шаги и события [14; 15].

Профайлеры — по своей сути, обычные, относительно опытные психологи. Они часто имеют профильное образование соответствующего уровня, а также более или менее обширный опыт практической деятельности по обеспечению безопасности, знаний и умения в сфере обеспечения безопасности психологическими методами и средствами. Профайлеры проходят специальное обучение и переобучение, повышение квалификации в специализированных центрах психофизиологических исследований и экспертиз, а также курсах при ВУЗах и НИИ, занимающихся исследованиями и практической работой в данной сфере. Одна из ведущих задач в этой области связана с развенчанием мифа о том, что психология не является наукой и обеспечение доступа начинающих специалистов к пониманию глубинных основ такой разной по своим проявлениям, методикам и подходам психодиагностической и психокоррекционной работы. Профилирование не должно быть просто «искусством», утверждаемым и подтверждаемым лишь свидетельствами о мнимой квалификации эксперта: экспертиза требует от человека значительных усилий в сфере личностного и профессионального самосовершенствования, разностороннего и глубокого понимания психологических аспектов жизни человека, механизмов и проявлений душевной жизни, включая знания и умения в сфере конструирования и деконструкции методик и технологий диагностики, проверки и подтверждения экспертизы, требует умения и желания учиться, находить и создавать алгоритмы работы, не только и не столько удовлетворяющие нарциссические потребности специалиста, его потребности власти и признания, но и те потребности, которые напрямую связаны с задачами деятельности. Это потребность в истине и понимании.

Даже вне психологического образования, обучение профайлингу позитивно сказывается на обучаемых, так как их последующая деятельность обретает, за счет развития рефлексии, понимания себя и мира, большую глубину и полноту, большая точность и конкретность понимания себя и мира связана с умением видеть мир реалистично, не скрывая от себя и других ни хороших, ни плохих его черт, видеть правду и ложь не только в других, но в себе. Оно меняет отношение к выполнению своих непосредственных служебных обязанностей, ак-

центрируя внимание человека на качестве работы. Профайлинг побуждает концентрированно, целенаправленно, системно наблюдать и осмыслять окружающую обстановку, людей, выявлять необычные и подозрительные признаки, выстраивать причинно-следственные взаимосвязи. Он дает возможность расширять палитру способов реагирования на ситуации и людей, нестандартно подходить к преобразованию и преодолению возникающих трудностей и т. д. [11; 18, с. 102–110].

Значимую роль в работе профайлера играет преодоление «слепоты невнимания» или перцептивной слепоты — слепоты к событиям и людям, их опасным и иным чертам, даже если событие и человек обнаруживают эти черты непосредственно перед окружающими, перед профайлером. Причины такой слепоты разнообразны, но главной является нежелание и неготовность воспринимать (принимать) предметы, черты и характеристики ситуации и человека, которые специалист либо не ожидает увидеть, либо видеть избегает. Внешняя причина слепоты — рассеянность, связанная парадоксальным образом с необходимостью сконцентрироваться. Внутренняя — страх развития и понимания большего, чем готов понять специалист на том или ином уровне своего профессионального и личностного развития. Слепота к изменениям возникает и потому, что такие изменения могут совпадать с временным прекращением наблюдений или «опасного», подозрительного поведения и другими феноменами, но, главное, — с компетентностью профайлера. Специалист, верифицирующий ложь и/или опасность, нуждается в том, чтобы иметь весьма значительное количество и высокое качество знаний и умений в разных областях. Он нуждается в развитой эмпатии и умении понимать людей и себя — это позволяет ему принимать позиции и проникать в причины и цели поведения другого человека. Профайлер, при этом, не нуждается в том, чтобы осмыслять поведение человека или его поступки с позиций «плохой — хороший», «добрый-злой» и т. д., его понимание до определенного момента полностью лишено оценки. Оценка есть завершающий этап восприятия: категоризация сути человека, ситуации и их свойств происходит в конце. Обычно же, профайлер «просто наблюдает». Он

нуждается в том, чтобы уметь выносить вердикты без оценочных суждений как таковых, в вероятностной манере и, как правило, предлагая более одной интерпретации. Специалист, как и неспециалист, сначала выделяет и анализирует сильные, кричащие «несоответствия» и сигналы. Потом наступает время и место для диагностики слабых и незаметных сигналов. Особенно важным в плане диагностики, особенно невербального поведения, не имеющего четких и однозначных значений, является осмысление непротиворечивости или противоречивости, равномерности или «неравномерности» психологических проявлений человека (вербального и невербального типа). Профайлер проводит и оперативную диагностику, и проспекцию и, при необходимости, ретроспекцию. Особенно интересная сфера профилирования — коммерческий профайлинг и/или профилирование в бизнесе. Он всегда расценивался как вершина психологического мастерства специалиста, выступая как удел суперпрофессионалов, «избранных», поскольку предполагает высочайшее развития «сенсорной чувствительности» (внимательности и сензитивности). Значимая сфера профайлинга — кадровый профайлинг — направленный на определение соответствия кандидатов на предполагаемую должность, разработку кадровых профилей, установление у кандидатов на должность (действующих сотрудников) связей с криминалом, непогашенных долгов (кредитов), пристрастия к азартным играм, наркотикам, коррупционных и иных нежелательных форм поведения и т. д. Он также предполагает моделирование перспектив карьерного роста и профессионализации, талантов и мотивов трудовой деятельности, диагностику наличия сформированных или формирующихся качеств, которые позволят претенденту или сотруднику осуществлять более сложную профессиональную деятельность, руководить коллективом и т. д.

Однако, даже при вполне очевидных и многочисленных типичных признаках того или иного поведения (преступного, террористического, опасного или безопасного, профессионального, просоциального) деятельность верификатора далека от простого соотнесения личности или группы или их свойств и состояний к определённому типу / профилю. Не случайно поэтому профайлинг

как неинструментальная диагностика, используется когда инструментальная диагностика и «классические алгоритмы» выявления и оценки свойств оказываются неэффективными, но требуется индивидуализированный подход, нужны эмпатия верификатора, его готовность и способность понимать и признавать «правду» человека, жизни. В этом и заключается мастерство профайлера — в каждой частной ситуации, в каждом конкретном человеке понимать, постичь в едином целом прошлое, настоящее и будущее человека и ситуации, реконструировать и предвидеть подчас переконструируемое и непредсказуемое, «типологизировать» нетипичное, сделать понятным и прозрачным, демистифицировать мистическое, непонятно, неочевидное.

Для этого, в частности, в профайлинге практикуются методы традиционные для психологического исследования, и методы специальные. Профайлинг интегрирует в себя систему прикладных социально-психологических технологий и методов, задачами которых выступает общая диагностика достоверности и сообщаемой информации по невербальному и вербальному поведению человека. Неинструментальная или интегративная детекция лжи и/или качеств личности — фокус работы верификатора. Кроме того, профайлинг как комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых и демонстрируемых ценностей и мотивов, осмысления достоверности и качества сообщаемой и скрываемой информации, включает методику «чтения людей». От профайлера требуются развитые способности понимания других людей в процессе «считывания», упорядочивания и рефлексии внешней и внутренней информации. Нужны наблюдательность, проницательность, коммуникабельность. Методика или методики «чтения» основаны 1) на технологиях спецслужб, позволяющих в экспресс режиме, в условиях минимума данных и времени, минимума ресурсов и методов «считать» личностные и межличностные характеристики, ценности и мотивы, убеждения и комплексы человека или группы лиц, достоверно спрогнозировать поведение и общение с человеком, 2) на разработках традиционной психологии, обычно выступающих как результат собственно научных психологических исследований и часто по тем или

иным причинам остающихся малоизвестными большому кругу специалистов. В процессе профилирования с помощью методик чтения очень важны процессы межличностного взаимодействия. Хороший пример такой методики, дающей многоуровневую информацию о человеке — «Словарь» И. Г. Кокуриной, раскрывающий как декларируемые и непосредственные, так и скрывающиеся смыслы (мотивы) жизнедеятельности человека, степень его нравственной зрелости или дезориентации, интегрированности или дезинтегрированности личности. Эта методика позволяет через систему профилей человека определить пол, возраст, уровень образования и многие другие характеристики субъекта (как индивидуального, так и группового).

Еще одна методика «чтения мыслей» и «портретирования» — разработанная нами методика «Правило трех», созданная для оперативной диагностики особенностей личности и ее жизнедеятельности, целей и проблем, ценностей и направлений решения проблем [2; 5; 14]. Методика реконструирована нами, опираясь на анализ множества более сложных традиционных, классических для психологии проективных методик (ТАТ и т. д.). Она раскрывает процесс «утечки информации», позволяет верификатору «подключиться» к нему на том или ином — интересующем его этапе, войти в неосознаваемые и/или скрывающиеся человеком аспекты его жизни, поступков и отношений к себе и миру непосредственно, создать не только демонстрируемый, но и «скрывающийся» профиль человека, помочь ему осознать себя и найти пути выхода из ситуации [4; 5].

В целом, в научных работах за последние десятилетия отмечен растущий интерес к проблемам криминалистических психотехник, объединенных в просторечии под названием криминального или уголовного профилирования. В основу профилирования как процесса решения своеобразной «головоломки» положено понятие «гомология преступника» («offender homology»), который предполагает так или иначе наличие имманентного единообразия среди преступников, которое, как полагают сторонники традиционной науки, дает возможность логического, научно обоснованного, профилирования. Профиль — система важных для целей профилирования признаков, указывающих на наличие или отсут-

ствие у субъекта необходимых свойств и целей и/или потенциальной связи субъекта (пассажира, посетителя и др.) с рассматриваемой ситуацией (опасной или неопасной). Отнесение человека или группы к определенному профилю, например, в процессе создания поискового портрета — суть профилирования.

Научные исследования в психологии, однако, скептически относятся к профилированию: до сих пор, хотя и не интенсивно, ищут доказательства «гомологии преступника», а также заняты разработкой профилей иных субъектов с теми или иными особенностями. В контексте этих поисков так или иначе формируются различные подходы к уголовной ответственности и признаки криминального поведения, к пониманию личностной и профессиональной зрелости и одаренности и т. д. Однако, такие признаки часто сомнительны. Другой подход опирается на метод черт («trait-based»), который, якобы, позволяет более уверенно предсказывать или реконструировать характеристики известных и неизвестных преступников, формируя известный всему миру миф о профайлере, занятом поиском признаков или черт преступного /опасного поведения («myth of trait-based profiling»). На этом фоне некоторые ученые формулируют ряд постулатов и дизъюнкции, которые, как им кажется, связывают эти подходы, пытаются решить проблемы гомологии (личностного портрета) или личностных черт правонарушителя и, таким образом, повысить точность профилирования [44]. Аналогичным образом, компетентностный и иные подходы в кадровом отборе не гарантируют успешности, продуктивности и эффективности работы сотрудника: некоторые факторы оказываются важнее других, но существуют феномены компенсации, индивидуального стиля и феномены, связанные с соответствием кандидатов миссии и организационной культуре предприятий и т. д.

Проблемы профессионализма и научного обоснования профилирования.

Современная наука исходит из того, что профайлинг — это, на самом деле, скорее вероятностный метод: он не содержит 100% гарантий, что вообще что-то можно определить, а также не может сказать что именно и у кого в какой момент возможно определить (какие параметры личности, ее настоящего, прошлого и будущего, ее отношений и т. д.), нет гарантий, что специалист не выду-

мал, а исследуемый не имитировал что-либо [44; 47; 50]. Иллюстрирует этот момент такой известный феномен, как «капкан Т. Брокау» (T. Brokaw hazard), который, согласно П. Экману заключается в том, что какой-то признак обмана или иного состояния может быть типичным поведением данного человека или группы: та или иная черта может быть чертой личности [30, с. 47; 37]. Кроме того факта, что теория черт не противоречит теории целостной личности и «гомологии», это означает, что профайлеру необходимо учитывать, что «самих по себе» признаков обмана и иных состояний как таковых не существует: нет ни одного жеста, выражения лица, слов и «оговорок», произвольных реакций тела и отдельных мышц, которые единственно и сами по себе означали бы, что человек лжет или находится в каком-то ином состоянии. Ни один настоящий профессионал не возьмётся утверждать что-либо на 100%, он сможет только предположить большую или меньшую вероятность чего-то в отношении кого-то. Однако и при этих ограничениях уже можно получить значимый, порой поразительный и превосходящий «выводы техники» результат. Вместе с тем, ряд исследований показали, что работа такого рода современных исследований показала, что деятельность экспертов и догадки «обычных» людей имеют примерно сходные результаты. Некоторые ученые отмечают, что эффективность профайлинга «великий миф популярной психологии». Применение профилирования не может служить основанием для исключения других подходов и альтернативных технологий [31; 33; 39; 41]. Для достижения интересов и фокусировки расследования существует потребность в более конкретных и строгих методиках и принципах исследовательских действиях профайлера, особенно при профилировании, выходящем за пределы первоначальной цели — собственно криминального профайлинга как портретирования и прогнозирования — воссоздания сцен преступлений и т. д. Уголовное / криминальное профилирование используется в сложных расследованиях, и, в ряде сфер и процессы профайлер выступает как эксперт. Однако профайлинг до сих пор основывается на теориях и методиках, которые в лучшем случае являются неопределенными, существует весьма мало исследований фактической точности и полноты создаваемых про-

филей. Это отсутствие проверки возникло отчасти из-за реальных трудностей, связанных с разработкой соответствующих моделей тестирования / проверки правильности прогнозов будущего, реконструкций прошлого и портретов, создаваемых профайлерами. А отчасти — усугубляется еще и нежеланием профайлеров участвовать в таком процессе, полагаясь вместо этого на хорошо выученный ими, но имеющий несколько круговой характер довод о том, что сохранение спроса на консультации в сфере профилирования само по себе обнадеживает и дает доказательства обоснованности этого метода. Однако именно отсутствие объективных доказательств обоснованности профилирования является вопросом номер один в данной области.

Исследователи анализируют природу и цели уголовного профилирования с теоретической точки зрения, отмечая необходимость для профайлинга становится все более «научным», реализовывать более современные подходы профилирования [31; 33; 39; 41; 47; 50]. Традиционные подходы были особенно успешными в случаях серийных убийств и сексуальных преступлений, это не удивительно, учитывая, что компульсивные (преступные) акты часто носят ритуальный характер и являются относительно легко выявляемыми и связанными с психологическими, психофизиологическими и личностными особенностями конкретного человека. В конкретной ситуации профессиональной деятельности профилирование далеко отклоняется от «определенности» и строгости научной модели (той, что строится на основе дедуктивно-индуктивных процессов); основа профилирования — абдуктивные модели и процессы, в формировании и протекании которых важное значение играет подготовленность специалиста и общий уровень информации о событии или человеке [52].

Существует мнение, что профайлеры могут реконструировать или предсказать события, определить точные характеристики человека, опираясь на особенности события - времени и места преступления, а также на улики. Однако, что это мнение может стать основной иллюзией, вводя в заблуждение окружающих, полагающих, что профилирование работает, несмотря на отсутствие солидной теоретической основы и сильной эмпирической поддержки. Потенци-

ально ответственны за эту иллюзорную веру — информация, которую люди получают о результатах (успешных и преувеличенных) и процессах (мистифицированных и романтизированных) профилирования и не получают, если профилирование было неуспешно и не носило зрелищного характера. Сложившийся образ профайлера отражен в анекдотах, в которых эксперт склонен переоценивать повторяемость и понятность событий, дублируя свои оценки. Профайлер, как и другие люди, склонен к ошибкам понимания, включая типичные эвристики, используемые для переработки неоднозначной информации, например, отбор «хороших идей», а также неумение отличить факты от вымысла. Некоторые практики и теоретики поэтому даже приходят к выводу, что профайлинг не должен использоваться в качестве инструмента расследования, поскольку ему не хватает научной поддержки [48; 49]. Обзор развития профилирования показывает, что профилирование никогда не опиралось на научные данные. Это, по существу, свод интуитивных правил, положений здравого смысла и деформированных (неполных или деструктурированных) квази-теоретических предположений. На практике профайлинг — лишь немного больше чем совокупность догадок и попыток выдать желаемое за действительное. Напротив, весьма трудно найти случаи и исследования, подтверждающие, что профилирование внесло важный вклад в расследование. Даже наоборот, описаны ситуации, когда профилирование в сочетании со следственными и прокурорскими энтузиазмом, нарушали ход следствия и даже способствовали серьезным судебным ошибкам. Потому полицейские и иные правоохранительные органы должны тщательно рассмотреть вопрос о целесообразности развития собственных возможностей профилирования, или использовать внешних консультантов для оказания таких услуг, является обоснованным [35].

Другие исследователи, например, Х. и С. Дерн, а также А.и У. Хорн, Р. Козиц и другие, напротив, полагают, что профайлинг является «очень сложной и научно обоснованной практикой уголовного профилирования» [34, р. 1086; 42; 43], они также утверждают, что противники профайлинга могут быть «обвинены в осуждении практического подхода», отвержении и игнорировании

роли личного опыта профайлера [34, р. 1085], а также отмечают наивность и неосведомленность «чистых ученых» («pure academics»). Это обычная в таком случае критика понятна, если в работе полиции и прокуратур, судов и адвокатов работают психологи, которые не имеют опыта сотрудничества с правоохранительными органами, они действительно, поначалу, весьма наивны. Однако много психологов такой опыт имеет, и психологическая наука может и должна привнести, наряду с личным опытом, важный вклад в развитие профайлинга. Курьезно то, что вклад научных исследований восхищает многих специалистов и потребителей профайлинга, когда он поддерживает его практику, но почему-то отвергается в виде основы. Вклад научного сообщества — обеспечить набор теорий и методов, которые будут способствовать систематизации и росту качества профилирования, в том числе в тестировании и иных методах профайлинга. Хотя некоторые ученые несомненно, правильно отмечают, что «научная оценка фактического применения (научных психологических теорий и методов — А. М.) в случае метода «анализ случая» в практической полицейской работе всегда будет трудной задачей» [34, р. 1089], однако, это заявление для ученых, говорящих на языке статистики, а не «case analyses», звучит как «сигнал тревоги»: их тревожат изменения в психотерапии и психологическом консультировании, эксперты которого склонны избегать количественной оценки их решений, потому что она может обесценить их, а также обращают внимание на широту и глубину своих наблюдений и тонкостях их понимания клиентов и ситуаций, их «клинической мудрости». Они акцентируют роль экспириентального, опытного, а не экспериментального знания [46]. Неудивительно, что традиционное, академическое сообщество неизбежно скептически относится к таким претензиям. Это неудивительно, однако, поскольку, в отличие от психотерапии, до их пор не изучено как работает профайлинг. Хотя некоторые исследователи изучают действия и составные навыки, необходимые для психологического профилирования, мало исследований в которых осмысляется как профилирование происходит «в целом» [42; 43; 44]. Кроме того, популярная и народная психология хотя и могут пересекаться с практической психологией, это не делает основанные на

них выводы более достоверными с точки зрения традиционной науки.

Примером является такая, во многом, базовая технология профайлинга как «холодное чтение» (psychic reading, cool reading) — набор приёмов, которые используют «экстрасенсы» и иллюзионисты, пытаюсь создать видимость того, что они знают о человеке гораздо больше, чем есть на самом деле. Эта технология использует «эффект Т. Барнума» [46]. Человек, практикующий эту методику может получить большое количество информации о субъекте, о котором он до этого ничего не знал: в анализ включены языка тела и одежды, манеры речевого и неречевого поведения, учет возраста, пола, социального статуса и сексуальной ориентации, религии и этнической принадлежности, уровня образования и типа культуры и т. д. Практикующие холодное чтение обычно используют более или менее обоснованные фактами — «слабыми» и «сильными сигналами» догадки, которые имеют относительно высокую статистически высокую вероятность оказаться верными, они также стремительно корректируют свои предположения в зависимости от реакции субъекта, подвергающегося «прочтению», поэтому, если догадка оказалась неудачной, то внимание переключается на другую тему, а на верной догадке внимание фиксируется, идентифицированная черта становится основой при идентификации других черт. Успех закрепляется и подчёркивается относительно точным повторением — перефразированием. В ходе такого парафраза дополняются и уточняются следующие версии. Догадки, которые не оказываются успешными и не вызывают реакции, быстро отбрасываются. Цель — создать впечатление, будто новая информация идёт от читающего, при этом успешные «попадания», вызывающие интенсивные реакции, для усиления эффекта постоянно и в разных формах повторяются [36; 38; 40; 45; 46]. У. Ларсен привел многочисленные примеры холодного чтения в том числе, чтения жизненных циклов: «основанное на событиях, происходящих в подавляющем большинстве человеческих жизней, тем не менее, искусно составленное толкование станет персонализированным, и человек, получающий толкование, будет готов поверить в то, что притворяющийся «провидцем» верно описал прошлое и, вероятно, предвидел будущее» [45, р. 24–25]. Методика включает хорошо

продуманный расчёт жизни и личности человека вплоть до настоящего момента на основании шести «жизненных циклов» неопределённой длительности (некоторые длятся «несколько дней», а остальные «могут длиться годами»). Он отмечает, что среднестатистический человек принимает и примеряет на себя всё, что ему или ей говорят. Более того, люди, по сути, просто заставляют даваемое им толкование подходить им. Люди хотят верить другому как медиуму»: интерес к мистическому совпадает с потребностью видеть мир упорядоченным, предсказуемым, понятным. Поэтому даже странные и непонятные высказывания, неуспешные с точки зрения самого «чтеца», могут позднее ассимилироваться. Обычно холодное чтение начинается с утверждений, инициирующих эффект Т. Барнума, и могут содержать либо более-менее общую оценку личности, или жизненную ситуацию клиента: «В последнее время в вашей жизни период перемен (неопределённости, сложных решений, личных дилемм и т. д.), не так ли?» Поскольку человек сосредоточенно и фокусируясь на сходствах больше, чем на различиях слушает профайлера, в том числе используя вполне очевидный набор ожиданий и мифов о профессионализме, о человеческой жизни и т. д., постольку его ответная реакция, интегрирующая в себя более или менее открытую или скрываемую вербальную и невербальную информацию наряду с едва уловимыми сигналами «слабого типа» (обозначающими для чтеца» направления дальнейшего движения), в свою очередь, преобразует процесс и содержание такого «чтения». Можно использовать и подробно фиксировать и дискутировать самые явные «попадания», одновременно «стирая» и перетолковывая свои «промахи» как то, что человек «еще не осознал или как то, что еще «не произошло, но произойдет» [36; 45]. Таким образом, эффект Т. Барнума включает и эффект программирования: направляет «читаемого» к демонстрации того или поведения, к тем или иным выборам в жизни, ведя в «самоподтверждению пророчеств» верификатора. Приведем главный закон жестов М. Каро: «Игроки либо играют роль, либо нет. Если всё же играют, то определи, что они ждут от тебя и разочаруй их» [7; 8].

Эмпирические подходы и показатели в профайлинге.

В целом, на эмпирическом уровне используется совмещённый, эклектический подход, часто страдающий избыточным эмпиризмом. Дело даже не в отсутствии методик, а в нежелании имеющих их «делиться» средствами заработка или в отсутствии необходимости (востребованности на рынке услуг профилирования) данных методик. Обычно всего описывают два ведущих подхода к созданию профессионального или поискового портрета (розыскного профиля) потенциального преступника или специалиста: статистический и смысловой. Статистический подход, опирающийся на идеалы классической науки и ее представление о единообразии постижения физического и социального мира, основан на интеграции уголовных дел в единую базу данных и расчете по ним корреляций между признаками преступления и признаками личности искомого или устанавливаемого преступника. База данных с раскрытыми уголовными делами формирует выборочную совокупность, позволяющую проверять предположения ученых и верификаторов. В профессиографическом или кадровом профилировании это предполагает исследование примеров успешной и неуспешной профессиональной деятельности и личностных черт специалистов. Смысловой подход феноменологичен, опирается на современное представление о различных способах научного постижения социальной и физической реальностей. Он основан на психологическом анализе материалов уголовного дела, необходимом для выявления субъективных детерминант криминального поведения, анализе законов и иных документов, описывающих то или иное преступление и позволяющих реконструировать портрет человека, способного на него. Смысловое профилирование осуществляется т. о., через психологическую интерпретацию материальных (физических, вещественных доказательств) и идеальных (юридических, психологических и нравственных характеристик и последствий преступления) следов преступления. В профессиографическом или кадровом профилировании — смысловой подход включает анализ профессий и разработка профессионалам и систем требований к профессионалу. Комплексный корреляционно-смысловой подход, более успешен, более продуктивен и эффективен.

Однако в криминалистике и в управлении кадрами существуют субъекты и ситуации, способные исказить картину происходящего. В криминалистике это подражатели – категория лиц, у которых сформированы или которыми демонстрируются психологические черты, присущие разного рода преступникам (серийным убийцам, террористам, поджигателям, отравителям, насильникам, детоубийцам и др.). При этом данные черты не являются устойчивыми качествами личности, а проявляются лишь в демонстрационной форме при совершении преступления. Аналогичным образом — псевдопрофессионалы или профессионалы, подвергшиеся деформации личностной и профессиональной сфер – могут демонстрировать одни, а реализовывать иные черты деятельности. Яркий пример – дискутируемая в зарубежной науке об управлении проблема «психопатов» или «социопатов» в рабочем коллективе. Поступки подражателя и «социопата» соответствуют определенной модели преступного или нравственного поведения, но прогнозировать их часто невозможно, поскольку они способны трансформироваться каждую минуту: речь идет об имитации того или иного типа антисоциального или просоциального поведения с целью скрытия истинных мотивов и целей. И поступки преступника-подражателя, и поступки псевдопрофессионала, в том числе в сфере профилирования, направлены на сокрытие неблагоприятных и нарушенных аспектов жизнедеятельности, безнравственности и некомпетентности и т. д. [15; 16]. Неслучайно поэтому, уже на самых ранних этапах, профайлинг сталкивается с многочисленными случаями фиктивных экспертиз. Положительным моментом является легкая идентификация такого рода фикций, отрицательным — формирование негативного мнения о профайлинге и усиление и так значительного неприятия психологических знаний и умений, психологов, в российском обществе, отрицательное впечатление о работе психолога-верификатора в судах и т. д. Это особенно вредит психологии в России, поскольку в нашей стране психологическая экспертиза преступлений и т.п. имеет крайне слабое значение: психологические аспекты недооцениваются, следственные и судебные процедуры апеллируют к психологам и их экспертным оценкам крайне неохотно. Даже в США, Европе, где психологов традици-

онной уважают и принимают на веру сказанное ими даже в большей степени, чем это нужно, многочисленные случаи фиктивных и ошибочных экспертиз наносят существенный урон репутации психологическим знаниям и умениям в целом: там, однако, говорят о возможностях и ограничениях, о контекстах и функциях профилирования. В России же мы рискуем тем, что мода на профилирование схлынет, оставив после себя вновь разоренное поле обманутых ожиданий и негативных оценок, блокирующих итак ничтожные возможности оказания психологической помощи жертвам преступлений и преступникам, следствию его субъектам. Аналогичным образом, в бизнесе и профессиональном профилировании, волна интереса к профайлингу может схлынуть, а психологи уже во многих корпорациях России заменены на «экстрасенсов» и «магов», с их еще более сомнительными способностями и полным отсутствием потребности верификации. Жизнь в иллюзиях до определенного момента не причиняет беспокойств, однако, заканчивается, обычно, развалом: людей, групп, сообществ.

Существуют разные модели диагностики, например, через поиск ответов на системы базовых «эротем», через выявление базовой линии поведения, микровыражения и микроизменения, наряду с макроизменениями и макросигналами [4; 7; 8; 9; 16, с. 77; 26, с. 107–111; 51; 53]. Интересно, что исследователями подчеркивается необходимость при выявлении и сопоставлении невербальных и вербальных сигналов, а также иных методик, учитывать то, что все сигналы нужно трактовать в совокупности, в цепочке, не фиксируясь на одном симптоме / черте и т. д. Важно также то, что потенциально опасный субъект, имитируя какой-либо набор вербальных и невербальных показателей, не сможет симитировать все поведенческие нюансы безопасного поведения. Также как и имитатор-преступник не может имитировать все характеристики объекта подражания [15, с. 201–203; 16]. Весьма продуктивен и эффективен поэтому типологический подход, при котором обычной «безопасной» роли соответствует норма поведения, любые отклонения от которой подозрительны. Однако, поскольку профайлинг вероятностен, а люди изобретательны, постольку любой человек и предмет теоретически может быть опасен. Специалисту важно понимать настоящую

необходимость повышать свою квалификацию, обращая особое внимание на саморефлексию как личности и профессионала, а также на идеологические, методологические и методические, собственно научные опоры своей работы, развенчание мифов о профайлинге в собственном сознании и сознании окружающих.

Многие представления о профилировании и профайлере – мифичны. Миф о профайлере, занятом поиском признаков или черт преступного / опасного или иного типа поведения - обманывающего или искреннего, опасного или безопасного и т. д. («myth of trait-based profiling») — один из популярных в психологии в целом. Он отражает скорее понимание работы профайлера с точки зрения обыденной или даже художественной. Однако, даже при вероятностном характере профилирования можно получить значимый, порой поразительный и превосходящий «выводы техники», объективных замеров результат. Но и здесь возникает проблема: работа подготовленных и «высокопрофессиональных» экспертов и догадки «обычных», обладающих способностью видеть жизнь такой, какая она есть людей, имеют сходные результаты: т. о. эффективность профайлинга «великий миф популярной психологии», как и избранность профайлеров как профессиональной касты. Ученые отмечают, что профилирование не может и не должно служить основанием для исключения других, инструментальных и не инструментальных подходов и альтернативных технологий. Более того, в современном профилировании существует выраженная потребность в конкретных и строгих методиках и принципах исследовательских действиях профайлера, особенно при портретировании, реконструкции и прогнозирования — воссоздании и проектировании сценариев событий личностного и межличностного типа. Это происходит и потому, что профайлинг малоисследован: крайне незначительны фактическая точность и полнота создаваемых профилей, отмечаются реальные трудности, связанные с разработкой соответствующих моделей тестирования / проверки правильности прогнозов будущего, реконструкций прошлого и портретов, создаваемых профайлерами. К этому добавляется нежелание профайлеров участвовать в таком процессе, полагаясь вместо этого логически «круговой» довод о том, что сохранение спроса на консультации в сфере про-

филирования само по себе дает доказательства обоснованности метода. В целом, профилирование сегодня далеко от «определенности» и строгости научной — логической модели (использование дедуктивно-индуктивных процессов и научных, объективных методов фрагментарно и скорее описывает и обосновывает совершенные в абдуктивных и традитивных процессах результаты). Таким образом, основа профилирования — абдуктивные и традитивные модели и процессы (эвристики), в формировании и протекании которых важное значение имеет подготовленность и рефлексивная культура специалиста, а также общий уровень информации о событии или человеке и о типах событий и людей (наличие ба данных). Обычно, в случаях профилирования субъектов серийных убийств и сексуальных преступлений, профилирование не представляет особой сложности: компульсивные (преступные) акты часто носят ритуальный характер и являются относительно легко выявляемыми и связанными с психологическими, психофизиологическими и личностными особенностями конкретного человека. Но современная преступность — иная. Доказательств эффективности профилирования, т. о. просто нет. Более того, неоднократно отмечено, что помощь некомпетентных психологов а целом и профилирование в сочетании со следственными и прокурорскими энтузиазмом, часто нарушают ход следствия и способствуют серьезным судебным ошибкам. Миф о профилировании — обычное заблуждение людей, полагающих, что профилирование работает, несмотря на отсутствие солидной теоретической основы и сильной эмпирической поддержки. Кроме того и сам эксперт склонен переоценивать повторяемость и понятность событий, дублируя свои оценки. В истории своего развития профилирование никогда не опиралось на научные данные. Оно выступало как свод интуитивных правил, положений здравого смысла и деформированных (неполных или деструктурированных) квазитеоретических предположений: совокупность догадок и попыток выдать желаемое за действительное.

Заключение. Таким образом, профайлинг — современная практика и система создания портретов (профилей) людей с разными жизненными ориентациями и целями. В узком смысле можно рассматривать профайлинг как систему

установления вероятностной причастности того или иного субъекта к планируемому (возможному) противоправному действию. В широком смысле слова профайлинг — это комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального и вербального поведения объекта. «Провести профилирование» — значит отнести человека по ряду невербальных и вербальных признаков к типу личности: опасному или неопасному, компетентному или некомпетентному и т. д. — в зависимости от социального окружения и контекста, а также цели профилирования. Перспективы профайлинга связаны с его использованием в массовых форматах, в том числе, с привлечением инструментальной диагностики — технических устройств и программ обеспечения безопасности, а также расширением использования профайлинга в сферах кадрового менеджмента и бизнеса в целом.

Профессиональный профайлинг — высшая форма психодиагностического мастерства, удел немногих «избранных», требующий развития высокого уровня «сенсорной» и иной чувствительности», открытости и искренности как проницаемости и проницательности; кругозора научного и житейского (мудрости, опыта), постоянного повышения квалификации и свободы от иллюзий; эмпатии и принятия себя и мира такими, какими они являются, этическое и эстетическое понимание мира. Профайлер или верификатор реконструирует прошлые события (ретроспекция) и предсказывают следующие шаги и даже события (проспекция). Работа профайлера не сводится к механическому и логическому отношению человека или его состояния к тому или иному типу. Часто требуется совмещённый — логический (объективный) и субъективный (индивидуальный) подход, эмпатия и интеллект профайлера, его готовность и способность (пред)видеть «правду» человека, жизни, самого себя: в каждом конкретном случае понять и предвидеть действия непредсказуемого, «типологизировать» непредсказуемое и делать его понятным, демистифицировать. Для этого он использует как 1. технологии спецслужб, позволяющих в экспресс режиме, в условиях минимума данных и времени, минимума ресурсов и методов «счи-

тать» личностные и межличностные характеристики, ценности и мотивы, убеждения и комплексы человека или группы лиц, достоверно спрогнозировать поведение и общение с человеком, так и 2. разработки «обычных психологов», выступающих как результат собственно научных психологических исследований.

Сторонники профайлинга отмечают его сложность и научную обоснованность, обвиняют критиков в осуждении практического подхода», отвержении и игнорировании роли личного опыта профайлера, его мудрости и проницательности, роли эмпатии и вживания («экспериентального», субъективного или опытного знания), а также отмечают наивность и неосведомленность «чистых ученых» («pure academics»). При этом вклад научных исследований (экспериментального, объективного или научного знания) восхищает специалистов и потребителей профайлинга, когда он поддерживает, сопровождает, разъясняет профайлинг, но по непонятным научному сообществу причинам, отвергается в виде основы. Ученых тревожит, что профайлеры склонны избегать количественной оценки их решений: она может обесценить их. Кроме того, популярная и народная психология могут пересекаться с практической психологией, становится источником научных идей, что, однако, не делает основанные на них и только на них выводы и приемы работы более достоверными с точки зрения традиционной науки. Профайлеры, как консультанты, саботируя научное исследование, обращают внимание на якобы существующую широту и глубину своих наблюдений, точность и тонкость их понимания клиентов и ситуаций, свою «клиническую мудрость». Они отмечают, что научная оценка фактического применения (научных психологических теорий и методов в случае метода «анализ случая» в практической работе следователя, менеджера по кадрам всегда будет трудной задачей. Традиционное, академическое сообщество весьма скептически относится к таким претензиям и «круговым заключениям о том, что профайлинг эффективен постольку, поскольку востребован. Они полагают, что необходимо обеспечить набор теорий и методов, которые будут способствовать систематизации и росту качества профилирования, в том числе в тестировании и иных методах профайлинга. По мнению специалистов, наиболее эффективен

комплексный подход и в использовании профилирования. Это предполагает, что наиболее оптимальная «оперативная триада» применения профилирования: предупреждение — предотвращение — пресечение. Особое внимание специалистами уделяется самому первому компоненту «триады» — предупреждению (профилактике) нежелательных и желательных вариантов развития событий и/или человека, т. к. предупреждение нежелательных моментов и поддержка желаемых всегда является значительно более продуктивным и более эффективным.

Список литературы

1. Аврутин Ю. Е., Пряхина М. В., Самарин Н. Ю., Статный В. М. Оперативно-розыскная психология: учебное пособие. — М.: ЦОКР МВД России, 2010. — 192 с.
2. Алексеев А. А., Громова Л. А. Поймите меня правильно. — СПб.: Экономическая школа, 1993. — 352 с.
3. Аминов И. И. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий. — М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. — 183 с.
4. Анисимова Н. Н. Особенности визуальной психодиагностики личности террориста / под ред. Ю. Н. Демидова. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2007. — 78 с.
5. Арпентьева М. Р. Практикум по психологическому консультированию. — Калуга: КГУ, 2014. — 336 с.
6. Арпентьева М. Р. Профайлинг в обеспечении национальной безопасности России // Вестник БИСТ. Серия «Юридические науки». — 2015. — № 2 (27). — С. 64–68.
7. Биркенбил В. Ф. Язык интонации, мимики, жестов. — СПб.: Питер, 1997. — 224 с.
8. Васькэ Е. В. Криминалистическое значение «психологического портрета» неизвестного преступника // Вестник Нижегородского госуниверситета. — 2006. — Вып. 2 (10). — С. 184–188.
9. Возженикова О. С., Кузнецов Д. А. Применение технологии профайлинга в сфере обеспечения авиационной (транспортной) безопасности // Концепт. —

2014. — № 12 (декабрь). — ART 14368. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14368.htm>.
10. Волынский-Басманов Ю. М. Профайлинг метод выявления лица, вынашивающего преступные замыслы // Транспортная безопасность и технологии. — 2006. — № 4. — С. 58–60.
11. Дуглас Д., Олшейкер М. Охотники за умами. ФБР против серийных убийц. — М.: Политлит, 1998. — С. 10.
12. Ениколопов С. Н., Ли Н. А. Психологические особенности криминального профайлинга // Психологическая наука и образование. — 2007. — № 5. — С. 295–299.
13. Еремина Т. И. Визуальная психодиагностика. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. — 236 с.
14. Кокурина И. Г. Методика изучения мотивации трудовой деятельности: учебно-методическое пособие. — М.: МГУ, 1990. — 90 с.
15. Кудин В. А., Статный В. М. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: от теории и методологии к практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 3 (59). — С. 4–15.
16. Кузнецова И. В. Анализ невербальных признаков потенциально опасных пассажиров на объектах гражданской авиации // Вестник НЦ БЖД. — 2013. — № 3 (17). — С. 107–111.
17. Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 608 с.
18. Михайленко А. Н. Возможности выявления потенциальных террористов-смертников // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 5. — С. 102–110.
19. Михайленко А. Н., Келехсаев В. И. Противодействие терроризму: международный опыт. — М.: Фонд им. М. Ю. Лермонтова, 2008. — С. 260.
20. Наварро Д., Карлинс М. Я вижу, о чём вы думаете. — Минск: Попурри, 2009. — 128 с.
21. Основы профайлинга в обеспечении безопасности на транспорте / под общ. ред. В. А. Кудина. — СПб.: СПб ун-т МВД России, 2011. — 417 с.

22. Остапенко П. И. Некоторые особенности личности террориста // Вестник Владимирского юридического института. — 2007. — № 2. — С. 201–203.
23. Пономаренко В. В. Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением. — Ростов-на Дону: Феникс, 2006. — 252 с.
24. Профайлинг. К проблеме выявления лиц с противоправными намерениями: учебное пособие / под ред. Ю. М. Волынского-Басманова. — М.: Абинтех, 2009. — 79 с.
25. Психологическое обеспечение предотвращения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации: учебное пособие / под ред. Ю. М. Волынского-Басманова, И. И. Аминова. — М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. — 200 с.
26. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. — М.: Эксмо, 2008. — С. 77.
27. Статный В. М., Спирица Е. В., Иванова А. М. Применение технологии профайлинга в деятельности органов внутренних дел: монография. — СПб.: СПб университет МВД России, 2013. — С. 8–9.
28. Фрай О. Детекция лжи и обмана. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. — 320 с.
29. Фрай О. Ложь. Три способа выявления. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. — 284 с.
30. Экман П. Психология лжи. — СПб.: Питер, 2009. — 270 с.
31. Beyerstein B. L., Lilienfeld S. O., Lynn S. J., Ruscio J. 50 Great Myths of Popular Psychology. — New York: Wiley-Blackwell, 2009. — 352 p.
32. Burgess A., Douglas J., Hartman C., McCormack A., Ressler R. Sexual Homicide: A Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. — 1986. — V. 1. — № 3. — P. 230–239.
33. Chifflet P. Questioning the validity of criminal profiling: an evidence-based approach // Australian & New Zealand Journal of Criminology. — 2015. — Vol. 48. — №. 2. — P. 238–255.
34. Dern H., Dern C., Horn A., & Horn U. The fire behind the smoke: A reply to Snook and colleagues // Criminal Justice and Behavior. — 2009. — № 36 (10). — P. 1085–1090.

35. Devery C. Criminal Profiling and Criminal Investigation // Journal of Contemporary Criminal Justice. — 2010. — November. — Vol 26 (1). — P. 393–409.
36. Dutton D. The cold reading technique // Experientia. — 1988. — № 44 (4). — P. 326–332.
37. Ekman P., Friesen W. V., Scherer K. R. Body movement and voice pitch in deceptive interaction // Semiotica. — 1976. — № 16. — P. 23–27.
38. Forer B. R. Personal validation and the person // Psychological. Reports. — 1968. — № 23. — P. 12–14.
39. Homant R. J., Kennedy D. B. Psychological aspects of crime scene profiling. validity research // Criminal Justice and Behavior. — 1998. — September. — Vol. 25. — № 3. — P. 319–343.
40. Hyman R. The psychic reading // The Clever Hans Phenomenon / eds. R. A. Sebeok and R. Rosenthal. — New York: Academy of Sciences, 1981. — P. 169–181.
41. Kagee A., Breet E. Psychologists' endorsement of empirically unsupported statements in psychology // Noch Einmal South African Journal of Psychology. — 2015. — Vol. 45. — № 3. — P. 397–409.
42. Kocsis R. N. Validities and Abilities in Criminal Profiling: The Dilemma for David Canter's Investigative Psychology // International Journal Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2006. — August. — № 1 (50). — P. 458–477.
43. Kocsis R. N., Heller G. Z., Try A. Visual versus narrative case material: the impact on criminal psychological profiling // International Journal Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2003. — December. — Vol. 47 (6). — P. 664–676.
44. Kocsis R. N., Palermo G. B. Disentangling Criminal Profiling: Accuracy, Homology, and the Myth of Trait-Based Profiling // International Journal Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2015. — Vol 59 (1). — P. 313–332.
45. Larsen W. W., Sr. The Mental Mysteries and Other Writings / ed. W. W. Larsen, Jr. — Los Angeles: Genii Publishing, 1977. — 120 p.
46. Meehl P. E. Wanted — a good cookbook // American Psychologist. — 1956. — № 11. — P. 262–272.

47. Napier M. R. Behavior, Truth and Deception: Applying Profiling and Analysis to the Interview Process. — Boca Raton, FL: CRC Press, 2010. — 374 p.
48. Snook B., Cullen R. M., Bennell C., Taylor P. J., Gendreau P. The Criminal Profiling Illusion: What's Behind the Smoke and Mirrors? // Criminal Justice and Behavior. — 2008. — № 1. — Vol 35. — P. 1257–1276.
49. Snook B., Eastwood J., Gendreau P., Goggin Cl. and Cullen R.M. Taking Stock of Criminal Profiling: A Narrative Review and Meta-Analysis // Criminal Justice and Behavior. — 2007. — № 34. — P. 437–454.
50. Trager J. & Brewster J. J. The effectiveness of psychological profiles // Journal of Police and Criminal Psychology. — 2001. — Vol. 16. — Issue 1. — P. 20–28.
51. Turvey B. E. Criminal profiling. — London: Academic Press, 2011. — 728 p.
52. Verde A., Nurra A. Criminal Profiling as a Plotting Activity Based on Abductive Processes // International Journal Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2010. — Vol. 54. — № 5. — P. 829–849.
53. Zuckerman M., DePaulo B. M., Rosenthal R. Verbal and nonverbal communication of deception // Advances in experimental social psychology. — 1981. — V. 14. — P. 1–57.

УДК 159.9.072.594:343.144.5(470.6)

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ВОПРОСОВ СРАВНЕНИЯ «УПРАВЛЯЕМОЙ» ЛЖИ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Батыров Тамерлан Станиславович,
сертифицированный специалист-полиграфолог, юрист,
руководитель НП Аналитический центр «Кедр»;
e-mail: csb.kedr@yandex.ru

Аннотация. В данной статье на основе эмпирического опыта описана положительная практика применения технологии вопросов сравнения «управляемой лжи». Данные были собраны в рамках экспертных исследований и экспертиз в условиях регионов Северного Кавказа. Разработки внедрены в условиях преобладающего большинства различных этнорелигиозных групп.

Ключевые слова: управляемая ложь, противодействие полиграфу, полиграфы, психофизиологическая экспертиза.

POSITIVE PRACTICE OF APPLICATION «OPERATED» LIE QUESTIONS OF COMPARISON IN THE NORTH CAUCASUS REGIONS CONDITIONS

Batyrov Tamerlan Stanislavovich,
certified specialist polygraphologist, the lawyer,
head of Analytical center «Kedr»

Abstract. In this article on the basis of empirical experience the positive practice of using technology of «operated lie» questions of comparison is described. Data have been collected within the expert researches and examinations in the conditions of North Caucasus regions. Developments are introduced in the conditions

of the prevailing most of various ethnoreligious groups.

Keywords: operated lie, counteraction to a polygraph, polygraphs, psychophysiological examination.

Регионы Северного Кавказа включают в себя большое количество этнических общностей, имеющих различия в культуре, психологии, самосознании, образе жизни, которые формируют определенный облик представителей данных регионов.

Среди отличий у представителей Северного Кавказа, согласно данным этнографических, социально-психологических и социологических исследований, следует отметить: родовую сплоченность, взрывную эмоциональность, повышенную чувствительность к чужим суждениям [1; 2; 6]. Также следует подчеркнуть, что данные аспекты, исходя из практики специалистов-полиграфологов, накладывают серьезный отпечаток на корректное проведение психофизиологических исследований (далее по тексту — ПФИ) и экспертиз (далее по тексту — ПФЭ) с применением полиграфа.

Специалисты-полиграфологи, решающие задачи в условиях данного региона, должны внимательно относиться к индивидуальным различиям, которые выражаются в поведенческих характеристиках и национальных особенностях.

Тестируемые могут обладать разными порогами восприятия, разной устойчивостью к стрессовым ситуациям, разными характеристиками основных параметров показателей дыхания, сердечнососудистой деятельности и электрических характеристик кожи [4; ч. 1, с. 61].

На этапе предтестовой беседы, если при введении и обсуждении вводного, проверочных, нейтральных, жертвенно-проверочного вопросов полиграфолог справляется с основными обязанностями, значительные трудности возникают при обсуждении вопросов сравнения. К таковым следует отнести [2; 6]:

- возможное противодействие, зачастую поведенческого характера, когда обследуемые лица, осведомленные о порядке проведения ПФИ от ведомственных или гражданских специалистов, предпринимают попытки манипуляции процедурой тестирования;

- негативное отношение обследуемого лица к полиграфологу, которое выражается в установке, что специалист затрагивает личные, интимные темы, которые, в свете этнических традиций выставляют проверяемого в «невыгодном свете»;

- слабую устойчивость к стрессовой ситуации, часто встречающуюся у молодых непричастных обследуемых лиц женского пола, выросших под повышенным родительским вниманием, зачастую выражающуюся в повышенной чувствительности и ранимости;

- языковой барьер (недопонимание смысла в силу слабого знания русского языка).

Также следует заметить, что языковой барьер недобросовестными обследуемыми лицами, может быть преднамеренно наигран, дабы избежать ПФИ.

Вышеперечисленные трудности, согласно наблюдениям, в большинстве случаев возникают при обсуждении вопросов сравнения вероятной лжи (далее по тексту — ВСВЛ). Отметим, что «управляемая» ложь — это достоверно ложный ответ «Нет», который по инструкции полиграфолога осознано и добровольно дается тестируемым на вопрос о чем-то таком, что каждый человек когда-нибудь в своей жизни совершал [4, ч. 3, с. 91].

Вопросы сравнения «управляемой» лжи (Directed Lie Questions) (далее ВСУЛ) при условии стандартизированного введения и обсуждения с соблюдением обязательного этапа объяснения принципа работы теста, где применяются вопросы сравнения «управляемой» лжи, способствуют тому, чтобы в большей степени снизить возникающие трудности при обсуждении вопросов сравнения.

Таким образом, в результате применения ВСУЛ следует выделить следующие положительные аспекты по озвученным выше трудностям: относительно противодействия

- отсутствие у обследуемого лица объективной причинной возможности пытаться сослаться на отсутствие конкретики в вопросах, двусмысленности, как в случае применения ВСВЛ (т. к. ВСВЛ должны быть такими, чтобы на них практически невозможно было ответить искренне и чтобы, отвечая на них, обследуемый либо точно знал, что дает ложный ответ, либо окончательно не был

уверен в правдивости своего ответа [5, с. 30], а также широкоплановыми по смыслу) и отказаться отвечать на вопросы, т.к. давая ответ «Нет» на вопрос, не помня все события в жизни (с учетом переформулировки), мы заставляем его лгать. Подобного рода признаки противодействия чаще всего наблюдаются у оперативных работников (согласно эмпирическим наблюдениям автора);

- относительно негативного отношения — ВСУЛ положительно располагают обследуемое лицо к сотрудничеству в ходе ПФИ, т. к. ВСУЛ не являются оскорбительными и не приводят к конфронтации тестируемого с полиграфологом [4, ч. 3, с. 95]. Так, в ходе обсуждения ВСВЛ с лицами, обладающими повышенной вспыльчивостью, гражданский специалист-полиграфолог может столкнуться с серьезными трудностями, вплоть до угрозы его безопасности. Особенно следует отметить положительную функциональность ВСУЛ в ходе тестирования лиц, ранее судимых за противоправные действия. Большее количество лиц, имеющих судимость, согласились пройти исследование, только после заверения полиграфологом, что в самом тесте не будет вопросов, которые могут затрагивать сугубо личные аспекты из прожитой жизни. По окончании исследования, обследуемые положительно отзывались о проведенном тестировании, ссылаясь на выполнение обещания полиграфологом, и как следствие увеличение уровня доверительного отношения в рамках ПФИ;

- если в ходе обсуждения ВСВЛ с молодыми девушками, специалист-полиграфолог сталкивался с повышенной ранимостью, которая могла перерасти в повышенное психоэмоциональное напряжение, вплоть до невозможности дальнейшего проведения ПФИ, данное обстоятельство, несомненно, ставило под угрозу проводимое тестирование. ВСУЛ исключают морализацию обсуждаемого вопроса и в контексте работы с молодыми тестируемыми лицами, исключают возможные риски срыва проводимого исследования, в связи с «остротой» обсуждаемых вопросов сравнения.

Вышеизложенные преимущества, проверенные на практике, полностью согласуются с утверждением Д. Раскина, озвученным на XII Ежегодном Семинаре Полиграфологов, что ВУЛ могут быть использованы в некоторых ситуаци-

ях, в которых невозможно использовать ВВЛ.

Вопрос о преимуществах ВСУЛ по отношению к ВСВЛ, при наличии коммуникативных сложностей у тестируемых, принадлежащих к разным языковым группам, остается открытым.

Отдельно необходимо обратить внимание, что объяснение принципа работы теста (с правильным введением ВСУЛ), с визуальными пояснениями в виде графическим схем, облегчает непричастному тестируемому выполнение инструкций полиграфолога в ходе ПФИ. Здесь следует согласиться со специалистом-полиграфологом АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии/НШДЛ» В. А. Казаковым, что у подавляющего большинства людей ведущая модальность визуальная. Человек легче и лучше воспринимает информацию, если озвучивание сопровождается графическими схемами, и он не только слышит, но и видит. «Рисуя стрелки» мы дополнительно подпитываем установку о том, как сильно были выражены реакции на ложь у тестируемого на ознакомительном тесте, на маленькую ложь про цифру, чем создаем предпосылки для большей активации его симпатической нервной системы во время теста на значимые для него вопросы [3, с. 1].

В тоже время, несмотря на положительную практику применения ВСУЛ, а также расширение их применения как в ходе ПФИ, так и в ходе ПФЭ, специалисты-полиграфологи нередко сталкиваются с тремя проблемами:

1. Негативизм противников ВСУЛ. Нередки случаи, когда специалисты-полиграфологи, негативно относящиеся к данной технологии, в нарушение этических требований саботируют деятельность полиграфологов, применяющих ВСУЛ, допуская необоснованные негативные высказывания, называя данную тактику «слабой» или методически некорректной, а самих специалистов-полиграфологов, применяющих данную технологию — некомпетентными (т. к. не могут корректно применять ВСВЛ).

Подобного рода действия полиграфологов, необоснованно отрицающих валидность применения ВСУЛ, связаны со многими причинами, среди которых можно выделить «нездоровую» конкуренцию, обучение в разных школах подготовки полиграфологов, слабый уровень осведомленности и владения дан-

ной технологией, «страх неработоспособности» в ходе применения ВСУЛ.

Касаемо мнения, что ВСУЛ применяют полиграфологи, имеющие низкий уровень квалификации, следует подчеркнуть одно из главных преимуществ ВСУЛ, это максимальная стандартизация и простота, что максимально эффективно позволяет использовать как начинающими специалистами, так и профессионалами, что несомненно снижает уровень ошибок.

2. Неправильная постановка вопросов. Среди часто встречаемой проблемы применения ВСУЛ, отмечается неправильная постановка вопросов, которые относятся к проверочной теме исследования или не относятся к действиям, которые большинство из нас делали в жизни.

3. Противодействие. Противодействием тестированию на полиграфе называют осознанные, целенаправленные действия, которые предпринимает тестируемое лицо для того, чтобы исказить естественную динамику своих психофизиологических реакций на предъявляемые вопросы с целью ввести в заблуждение полиграфолога и в результате выглядеть правдивым в отношении исследуемых с помощью полиграфа тем [4, ч. 4, с. 216]. Полиграфологу в ходе проведения исследования необходимо проявлять повышенную бдительность, т. к. нередко случаи, когда в ходе исследования, непричастное лицо начинает активно помогать полиграфологу, что негативно сказывается на реактивности. Ниже приведены примеры выявленного противодействия в тестах с применением ВСУЛ.

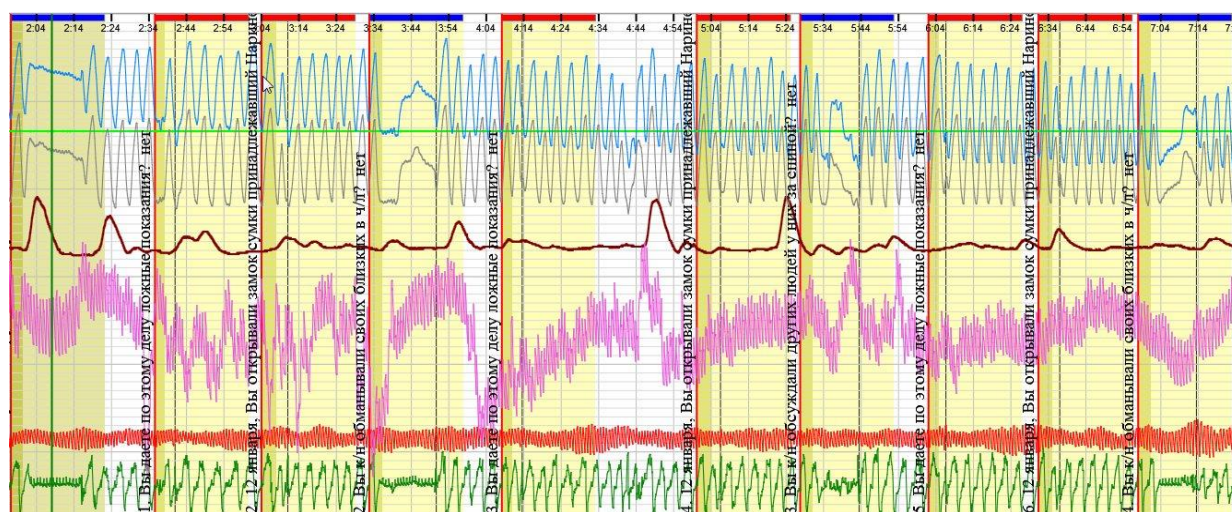

Рисунок 1. Признак противодействия (задержка на вдохе) в сигнале дыхания в момент предъявления ВСУЛ

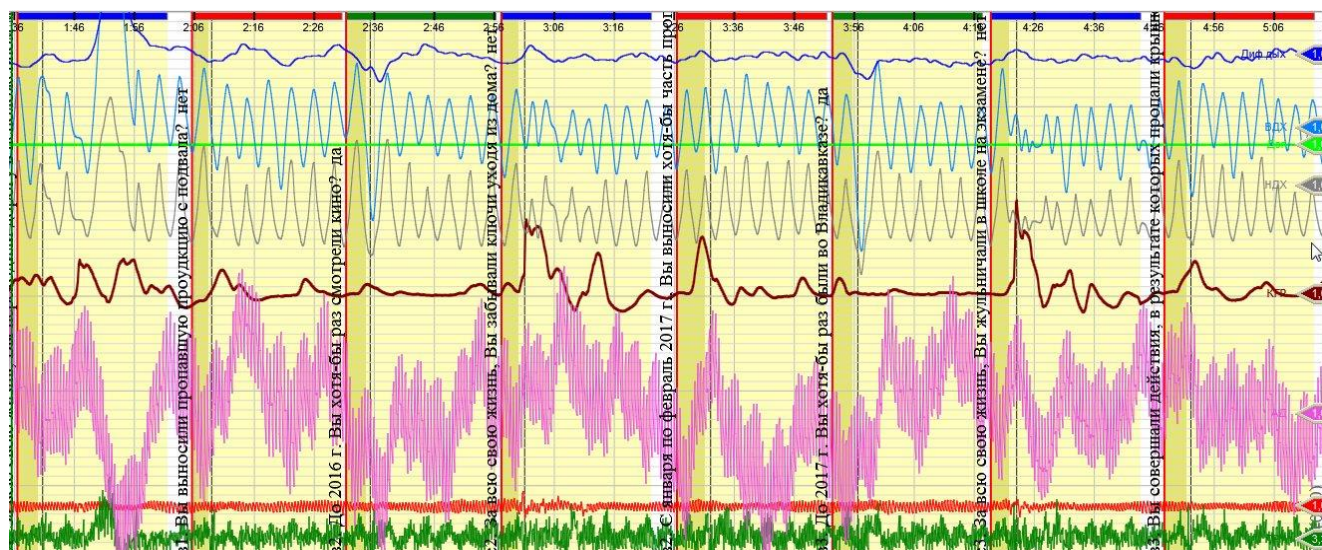

Рисунок 2. Признак противодействия в сигнале дыхания

(уменьшение амплитуды с одновременным увеличением частоты дыхания);

в сигнале ЭКИ (непропорционально большая амплитуда);

в сигнале ФПГ (искажение сигнала вследствие механического движения)

в момент предъявления ВСУЛ

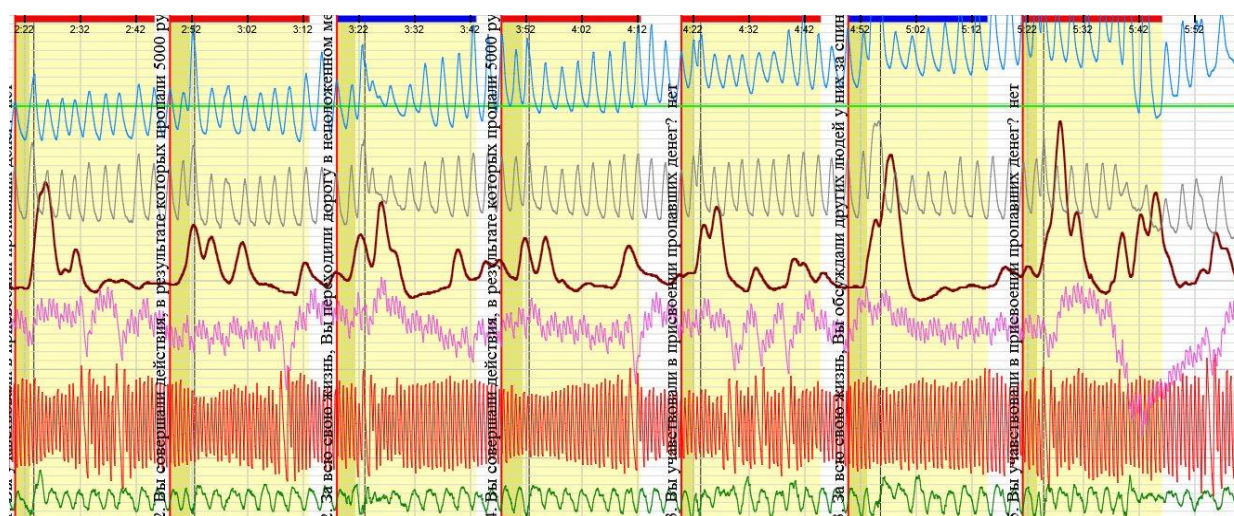

Рисунок 3. Признак противодействия в сигнале дыхания, ЭКИ, ДА, АД

(ВДХ: увеличение амплитуды (вдох) в момент предъявления стимула,

с одновременным подъемом нижней огибающей сигнала АД; подъем нижней

огибающей сигнала дыхания на протяжении всего предъявления теста.

ДА: усиление сигнала реакции в момент предъявления стимула в связи

с движением ОЛ)

В целом, полученные результаты открывают широкие перспективы внедрения ВУЛ в деятельность полиграфологов, которые оказываются вынуждены реализовывать свою деятельность в размытых социальных и культурных рамках.

Список литературы

1. Абдулвагабова А. М. Психологические особенности межнационального взаимодействия в полиэтническом Дагестане. — М., 2010.
2. Байсонгуров И. Б. Психологическая характеристика этнических особенностей кумыков. — Ярославль, 2005.
3. Казаков В. А. ВУЛ и воспоминание конкретного эпизода. — 2017. — Режим доступа: <https://nsld.pro/mira/> (дата обращения: 19.06.2017).
4. Пеленицын А. Б., Сошников А. П. Современные технологии применения полиграфа/НШДЛ. — М., 2015.
5. Сошников А. П., Комиссарова Я. В., Пеленицын А. Б., Федоренко В. Н. Полиграф в практике расследования преступлений. — М., 2008.
6. Шогенов А. А. Этническое самосознание горских евреев и осетин, проживающих в диаспорах в Кабардино-Балкарской Республике РФ. — М., 1999.

УДК 343.144.5

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КОГНИТИВНОЙ СОХРАННОСТИ И ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕРТВЫ, ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ СВИДЕТЕЛЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Гончарова Наталья Владимировна,
старший эксперт 3-го отдела специальных экспертиз
Экспертно-криминалистического центра УВД по ЦАО ГУ МВД России
по г. Москве, майор полиции; аспирант 3-го курса кафедры клинической
и судебной психологии факультета юридической психологии,
ГБОУ ВПО МГППУ, Россия, Москва;
e-mail: ng.72@mail.ru

Аннотация. На современном этапе остается нерешенным вопрос влияния текущего психического состояния и измененный процесс когнитивных функций на получаемые результаты при изучении физиологических реакций и допустимости лица при назначении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. В статье рассматриваются проблемы, влияющие на достоверность полученных результатов. Обосновывается необходимость расширения перечня медицинских противопоказаний при использовании полиграфа. Автором статьи было проведено исследование, использовались клинико-психологические и экспериментально-психологические методы изучения личности свидетелей, проходивших психофизиологическое исследование в Экспертно-криминалистическом центре УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция поведения, субъективно-значимые стимулы, эмоциональная сфера, когнитивные функции.

CRITERIA FOR EVALUATION OF COGNITIVE SAFETY AND MENTAL CONDITION OF THE VICTIM, SUSPECT OR WITNESS AT PURPOSE OF SPECIALIZED PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATION

Goncharova Natalya Vladimirovna,
postgraduate student, Departament of Clinical and Legal Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education

Abstract. At the present stage there is unresolved a question of influence of the current mental state and the changed process of cognitive functions to the received results when studying physiological reactions and personal admissibility at purpose of psychophysiological examination with use of a polygraph. In article the problems influencing reliability to the received results are considered. Need of medical contra-indication list extension when using a polygraph is proved. The author of article has conducted a research in which clinical psychological and psychological experimental methods of studying of witnesses profiles passing a psychophysiological research in the Expert and Criminalist Center Department of Internal Affairs for the Central Administrative District of the Russia Ministry of Internal Affairs in Moscow were used.

Keywords: conscious selfcontrol of behavior, subjectively significant incentives, emotional sphere, cognitive functions.

В юридической практике в ходе предварительного следствия в процессе уголовного судопроизводства часто возникает необходимость участия лиц с разным юридическим статусом (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей) в судебно-следственных мероприятиях, что требует от них понимания содержания происходящего, вербализированной интерпретации, осознания и адекватного реагирования, то есть правильного тестирования реальности.

В судебной экспертизе все задачи связаны с решением вопросов идентификационного, диагностического или классификационного характера.

В данной экспертизе мы представим только диагностический характер специализированной психофизиологической экспертизы (далее СПфЭ).

На подготовительной стадии (предварительной) СПфЭ эксперт проводит предварительный экспертный осмотр объекта исследования, устанавливает его пригодность для проведения процедуры, достаточность материалов для решения поставленных вопросов, выдвигает экспертные версии, намечает план экспертного исследования и выбор метода, необходимый для осуществления судебной экспертизы.

Наиболее распространенные экспертные ошибки этой стадии: непригодность объекта исследования; неверное представление об объекте исследования; выбор методов или методик исследования, не соответствующих объекту.

У многих российских полиграфологов любой школы и направления существуют серьезные проблемы в этом вопросе. В практике назначения СПфЭ в нашей стране процедура оценки состояния лица перед проведением экспертизы отсутствует, несмотря на её очевидную необходимость. В специальной литературе сделана лишь попытка решения данной проблематики путем получения в ходе беседы с подэкспертным сведений о состоянии его здоровья. Но далеко не все лица по уголовному делу, желающие пройти полиграф, знают о состоянии своего здоровья и адекватно его оценивают. Лица с расстройством личности, как правило, не считают себя больными или не замечают каких-либо серьезных отклонений психики у себя. Одним из главных признаков психопатий является эгосинтоническая модель поведения, приемлемая личностью и не воспринимаемая ею как патологическая, необычная [7, с. 236].

И получается, что если отсутствуют записи о заболевании в рамках психодиспансерного учета, если нет ярко выраженной психосимптоматики, если подэкспертный никогда не обращался к врачу-психиатру, либо утаивает информацию о состоянии своего психического здоровья, то следовательно в вопросе установления пригодности лица и выявления противопоказаний к СПфЭ бессилен. Отсюда следует вывод, что решение о назначении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа должно

приниматься с учетом результатов судебной психолого-психиатрической экспертизы. Но в следственно-судебной практике это «камень преткновения» и проведение психолого-психиатрической экспертизы перед каждым СПфЭ представляется маловероятным.

Поэтому, этические нормы в полиграфологии (не навреди) существуют прямо, косвенно и отдаленно, но они неэффективны и их не достаточно. Суждение специалиста без знаний психиатрии и клинической психологии будет основано только на субъективных оценках состояния здоровья обследуемого лица, если лицо вообще пожелает о своем заболевании рассказать, являясь, к примеру, по уголовному делу потерпевшей стороной, а это важный вопрос той реакции, которую мы получаем при исследовании на полиграфе.

Необходимо отметить, что сохранность способности правильно воспринимать обстоятельства правонарушения свидетелями, потерпевшими по уголовным делам не приводит к однозначному выводу о наличии их способности давать показания.

Независимо от активной позиции в отношении обстоятельств уголовного дела, для того чтобы быть полноценным свидетелем для проведения СПфЭ лицо должно обладать «сохранностью» всех психических когнитивных функций, понимать юридическую сторону происшедшего и последствия данных им сведений.

Понимание юридической стороны правонарушения лицами зависит от их индивидуальных и возрастных особенностей, уровня психического развития и соотношения его с возрастными нормами, от особенностей регуляторных процессов, саморегуляции эмоциональных состояний, что в целом и образует способность того или иного лица давать показания.

Наличие в клинической картине заболеваний у лиц может существенно влиять на содержание показаний и делать их лишенными доказательственного значения.

Чтобы ответить на вопрос, может ли подэкспертный правильно воспроизводить воспринятую информацию, надо в первую очередь оценить мнестические процессы, особенности мышления, которые влияют на переработку и хра-

нение информации, характеристики эмоционально волевой и мотивационной сфер, а также речевое развитие [5, с. 522].

Вероятность того, что подозреваемый, потерпевший, либо свидетель имеют проблемы с психическим здоровьем, эмоциональной сферой, а также с характером достаточно велика, особенно в плане компульсивности [10, с. 165]. Это может выражаться в повышенной возбудимости, эмоциональной реактивности, что часто приводит к асоциальному поведению [9, с. 43]. M. Floch [8, с. 653] писал, что расстройства личности и парциальная амнезия являются противопоказаниями к проведению проверок на полиграфе. J. Orlansky [12, с. 62] дополнил этот список такими психическими расстройствами, как ретардация психического развития, психоз. С. J. Ruilmann и соавт. [15, с. 953] отмечали, что у лиц с расстройствами личности наблюдаются снижение реактивности кожногальванического рефлекса (КГР) и нестабильность дыхания и сердечно-сосудистых реакций. D. Lykken [11, с. 795] исследовал динамику КГР у лиц с расстройствами личности. Автором было показано, что у лиц с психопатией реакции в ответ на предъявление стимулов недифференцированные и более низкие, чем у психически здоровых обследуемых. D. Raskin и соавт. [13, с. 35] проводили полиграфологические проверки на 24 испытуемых с расстройствами личности. Эффективность данной методики в плане выявления скрываемой информации была весьма высока и составляла 96%. Позже D. Raskin и соавт. [14, с. 126] показали, что у испытуемых с расстройствами личности наблюдались более высокие КГР и показатели ЧСС, чем у здоровых лиц.

К сожалению, стоит отметить, что не так много научных работ в этой области проведено в нашей стране, одна из них — «Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания» [2, с. 31]. Исследователями было обнаружено, что расстройства существенным образом влияют на физиологическую реактивность обследуемых лиц, снижая валидность психофизиологического исследования [3, с. 22]. Таким образом, ученые пришли к выводу о необходимости психической оценки [4, с. 14]. В 20-30% случаев

результаты тестирования на полиграфе оказывались сомнительными или неоднозначными, что не позволило использовать их для аргументации наличия или отсутствия отклонений [6, с. 29].

Получается, при малейшей патологии, как психической деятельности, так и наличия соматических либо психосоматических заболеваний «психофизиологический феномен на полиграфе» может не работать, и в последующем приводить к экспертным ошибкам.

Для органов суда и следствия часто бывает достаточно, чтобы свидетель, потерпевший, подозреваемый при допросе были способны осмысленно воспринимать и воспроизводить лишь «внешнюю сторону юридически значимых событий», то есть достаточно рассказа об увиденном, без понимания и юридической оценки «внутренней фактической содержательной стороны правонарушения», но этого не достаточно для проведения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа.

К примеру, при органическом расстройстве личности подозреваемые, обвиняемые, свидетели, потерпевшие, имеющие заболевание эпилепсия, могут идти как по неврологическому статусу, так и «с психотической составляющей». Это сумеречное расстройство сознания, с вегетативными нарушениями и фрагментарным восприятием из-за периодической частичной или полной утраты сознания, происходит патологическое страдание памяти, так называемые палимпсесты, как кратковременное выпадение памяти. Получается, восприятие носит только фрагментарный характер, соответственно и показания подэкспертный способен давать об отдельных фрагментах происходящего, а не о криминальном событии в целом, отсюда следует, что есть ограничения к проведению СПфЭ.

На наш взгляд необходимо расширить противопоказания к проведению полиграфа. Современные принципы распознавания расстройств личности базируются на критериях, основанных на классификационных системах DSM-IV-R и МКБ-10. В них достаточно четко сформулированы основные общие симптомы и частные признаки отдельных форм расстройства личности. В противопоказания включить: F00-F09 Органические, включая

симптоматические, психические расстройства; F10-F19 Психические и поведенческие расстройства вследствие употребления психоактивных веществ. Различные психопатии, алкоголизм — как психическое расстройство и расстройство поведения, связанное с употреблением психоактивных веществ; F20-F29 Шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства; F30-F39 (Аффективные) расстройства настроения. Депрессивный эпизод после преступления (F32); F40-F48 Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства. К ним относят различные виды невротических расстройств, связанных со стрессом; F50-F59 Поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами; F60-F69 Расстройства зрелой личности и поведения у взрослых. В частности сексуальные девиации; F64-F66 тревожное расстройство личности (F60.6), пограничное расстройство личности (F 60.31), истерическое расстройство личности (F 60.41); F70-F79 Умственная отсталость и умственную отсталость в легкой степени; F80-F89 Расстройства психологического развития; F91 Расстройства поведения; F92 Депрессивное расстройство.

Автором статьи было проведено исследование и изучения личности свидетелей (100 человек), проходивших психофизиологическое исследование в Экспертно-криминалистическом центре УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве. Для решения поставленных задач использовались клинико-психологический и экспериментально-психологический методы исследования. Экспериментально-психологический метод представлен комплексом из следующих методик с целью получения дополнительных данных о психических функциях (памяти, внимания, мышления, интеллекта, эмоциональной и личностной сфер), для последующего проведения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа:

- Методы исследования актуального психического состояния: «Опросник выраженности психопатологической симптоматики» (SCL-90-R), 10 слов (память, внимание) А. Р. Лурия, Исключение предметов (четвертый лишний) направлена на исследование особенностей мышления, качественных

патологических особенностей, к которым относится снижение и искажения уровня обобщения;

- Методики исследования структуры личности: «Опросник для определения акцентуаций личности Леонгарда-Шмишека», Многофакторный личностный опросник Р. Кэттела (16 PF), оценивающий выраженность отдельных личностных черт по функционально независимым факторам, в том числе интеллекта;

- Методики исследования ценностно-смысловой сферы и системы значимых отношений личности: «Шкалы психологического благополучия» (ШПБ) с целью выявления психофизиологической сохранности функций. Применяется адаптированный русскоязычный вариант опросника, предложенного американской исследовательницей Кэрол Рифф.

- Для диагностики эмоциональной устойчивости и типологических особенностей личности использовался тест Спилбергера-Ханина с определением уровня личностной тревожности (ЛТ), а также полуструктурированное интервью, которое включало в себя вопросы, направленные на выявление личностной тревожности.

- Методики исследования психологических адаптационных механизмов личности: методика для изучения механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» (ИЖС), методика для изучения стратегий совладающего со стрессом поведения копинг-тест «Опросник о способах копинга» («Way of Coping Questionnaire», WCO) Р.Лазаруса и С.Фолкман; Методика Копинг-тест Лазаруса направленная на выявления стресс-совладающего поведения;

- Исследовались реакции вегетативной нервной системы (по показателям КГР (кожно-гальванической реакции), изменению сопротивления кожи и плетизмограмме; на уровне деятельности центральной нервной системы использовались ЧСС, АД, пульс.

- Для диагностики типа вегетативного реагирования использовали метод исследования вегетативной сферы модифицированный тест В. В. Суворовой «Определение индивидуального вегетативного баланса». Этот метод и его моди-

фикации широко применяются в медицине, физиологии и психофизиологии для оценки вегетативного баланса и общего функционального состояния организма.

Для этого была получена качественная оценка индивидуального вегетативного баланса испытуемых, которая позволила оценить выраженности симпатико-, ваготонии или эйтонии, с помощью психометрического обследования. Обследуемые были разделены на типологические группы по вегетативному статусу: ваготоники (24 человека), симпатотоники (33 человека), эйтоники (53 человека), что дало возможность комплексной оценки функционального состояния ВНС (вегетативной нервной системы) с учетом индивидуальных особенностей автономной регуляции.

Согласно данным корреляционного анализа психовегетативного комплекса у лиц, различающихся по исходному состоянию систем вегетативной регуляции, между показателями психо-эмоциональной сферы и параметрами вегетативной регуляции наблюдались достаточно выраженные различия во всех трех группах, что подтверждает тесную взаимосвязь психологического и вегетативного уровней регуляции функций и поведения. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Средние значения показателей реакций вегетативной нервной системы
по группам**

Показатели	1 «Амфотоники» n = 53	2 «Ваготоники» n = 24	3 «Симпатотоники» n = 33	Достоверность различий	
				1-2	1-3
ЧСС	57,14 ± 0,39	44,57 ± 0,81	85,11 ± 1,76	p< 0,001	p<0,001
КГР	36,09 ± 0,55	20,83 ± 0,52	51,78 ± 0,94	p< 0,001	p< 0,001
ФПГ	34,14 ±	33,22±	36,68 ±	p<	p< 0,001

Показатели	1	2	3	Достоверность различий	
	«Амфотоники» n = 53	«Ваготоники» n = 24	«Симпатотоники» n = 33	1-2	1-3
	3,14	2,56	11,22	0,001	
ГД	0,171 ± 0,004	0,345 ± 0,003	0,115 ± 0,003	p< 0,001	p< 0,001
ДД	0,315 ± 0,014	0,166 ± 0,024	0,324 ± 0,028	p< 0,001	p< 0,001
АД	25,12 ± 0,40	36,58 ± 0,54	25,71 ± 0,66	p< 0,001	p< 0,001

В норме частота сердечных сокращений (ЧСС) в обследованной группе составляла 39.0 ± 0.7 ударов в минуту, перед началом исследования — 67.2 ± 1.2 удара в минуту. Установлено, что при одинаковой физической нагрузке в разных группах возросло эмоциональное напряжение и вызвало увеличение ЧСС.

Результаты сравнения личностных факторов во всех трех группах представлены в таблице 2.

Таблица 2

Средние значения некоторых факторов личностного опросника Кеттела у лиц с различным типом вегетативной регуляции

Факторы	«Амфотоники» n = 53	«Ваготоники» n = 24	«Симпатотоники» n = 33
A	4,14 ± 0,24	3,23 ± 0,28*	6,32 ± 0,30 ⁺
F	5,65 ± 0,22	5,53 ± 0,31**	4,63 ± 0,21*
H	5,45 ± 0,21	6,32 ± 0,40*	6,63 ± 0,40
L	6,06 ± 0,25	7,04 ± 0,36*	4,76 ± 0,38 ⁺
Q3	5,79 ± 0,18	5,01 ± 0,54	6,34 ± 0,23*** ⁺
Q4/C	0,66 ± 0,03	1,12 ± 0,13***	0,66 ± 0,03 ⁺⁺

Достоверные отличия от «амфотоников»: * — $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$;

достоверные отличия «симпатотоников» от «ваготоников»: + — $p < 0,05$; ++ — $p < 0,01$.

В таблице 3 представлены эмоциональные показатели трех групп.

Таблица 3

Средние значения показателей по группам

Показатели	«Амфотони ки» n = 53	«Ваготони ки» n = 24	«Симпатото ники» n = 33
Тревожность (Кеттелл), баллы	2,21	2,75	2,02
Дипломатичность (Кеттелл), баллы	2,13	2,30	1,55
Доверчивость (Кеттелл), баллы	3,70	4,31	3,91
Ответственность (Кеттелл), баллы	7,20	7,02	6,49
Смелость (Кеттелл), баллы	3,29	3,78	3,45
Чувствительность (Кеттелл), баллы	3,42	3,80	3,83
Эмоциональная стабильность (Кеттелл), баллы	4,73	5,53	5,22

Эффективное снижение личностной тревожности наблюдалось у лиц, отличавшихся высокой силой Я (+G), уверенностью в себе (-O), оптимизмом (-D), социальной нормативностью (-Pd), гибкостью установок (-Pa). А, Е, G, N, Q1, Q3, Мд — шкалы теста Р. Кеттелла; Эмт, Экз, Воз, Цик — теста К. Леонгарда; Динамика тревожности определялась особенностями иерархической системы свойств индивидуальности при этом обнаруживались общие и специфичные закономерности. Степень напряжения в системе психо-вегетативного регулирования неодинакова у лиц с симпатикотонией, амфотонией, ваготонией, что обусловлено как особенностями функциональной организации вегетативной нервной системы и психологическими характеристиками. Исследования показали, что показатель уровня тревожности достоверно различался у 2 и 3 группы (30.4 ± 2 баллов у симпатикотоников, 54.6 ± 3.1 у эйтоников и 44.0 ± 5.1 у вагото-

ников) — то есть в целом чувство страха было более выражено у лиц с высоким уровнем активности парасимпатической системы.

Как видно на рис.1, данные по шкале «психологическое благополучие» в группе распределились следующим образом: низкие показатели, не соответствующие норме по ключу показали 39% испытуемых, средние значения — 45% испытуемых, высокие значения — 16% испытуемых.

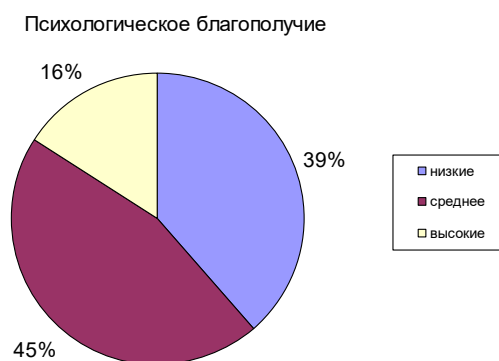

Рисунок 1. Распределение показателей психологического благополучия

Данные проведенного исследования свидетельствуют, что результат СПфЭ будет зависеть от типа личности и подтверждает очевидную значимость точного и полного исследования мотивационно-личностной сферы и изучения личностных особенностей.

Обоснованы также критерии распознавания «психологической уязвимости» личности по показателям психологических стратегий совладания со стрессом. Определены маркеры психологического неблагополучия, которые составляют «симптомокомплекс дезадаптации»: 1) повышенный уровень напряженности психологических защит; 2) преобладание в структуре механизмов защит личности регрессии, замещения и проекции; 3) предпочтение копинг-стратегий конфронтация, избегание, а также принятие на себя чрезмерной ответственности в разрешении проблем.

В таблице 4 представлены результаты оценки психопатологической симптоматики.

Таблица 4

**Средние значения по шкалам опросника выраженности
 психопатологической симптоматики SCL-90-R**

Шкалы SCL-90-R	Средние значения по шкалам (баллы) (n-44) (SE)	Средние значения по шкалам (баллы) (n-56) (SE)
Соматизация	1,43 (0,86)	1,04 (0,42)
Обсессивно-компульсивные расстройства	1,33 (1,08)	1,24 (0,88)
Межличностная сензитивность	1,33 (0,86)	1,21 (0,75)
Депрессия	1,55 (0,97)	0,96 (0,87)
Тревожность	1,26 (1,00)	1,09 (0,84)
Враждебность	1,15 (0,93)	0,17 (0,89)
Фобическая тревожность	1,68 (0,78)	0,59 (0,68)
Паранояльные симптомы	1,12 (0,94)	0,87 (0,81)
Психотизм	0,91 (0,88)	0,17 (0,43)
Общий индекс тяжести	1,18 (0,93)	0,94 (0,66)

Таблица 5

**Акцентуации характера среди лиц с различным типом
 вегетативной регуляции (%)**

Акцентуации	«Амфотоники» n = 53	«Ваготоники» n = 24	«Симпатотоники» n = 33
Неакцентуированные	1,45	1,05	0,24
Сенситивная	1,6	20,9	0,32
Психастеническая	2,2	1,5	10,2
Интровертированная	0,4	12,5	5,1
Возбудимая	8,5	8,3	23,0
Демонстративная	4,4	8,3	1,9
Смешанные (амальгамные)	3,95	12,5	2,5
Смешанные (промежуточные)	4,7	4,1	20,5

Дисбаланс в структуре психологических адаптационных механизмов выступает в качестве фактора риска нарушений психической адаптации личности. Преобладают эмоционально-фокусированные стратегии.

Информация провоцирует снижение самоконтроля, активно используется весь спектр сознательных стратегий совладания, прилагаются агрессивные усилия по изменению ситуации, а также тенденция к бегству и дистанцированию. Данный тип реагирования способствует более частому использованию стратегии, связанной с самоконтролем.

Рассмотрим копинг-стратегии в представленных группах психофизиологического реагирования (таблица 6).

Таблица 6

Средние значения копинг-стратегий по группам

	Норма (муж., жен n=100)	«Амфотоники» n = 53	«Ваготоники» n = 24	«Симпатотоники» n = 33
	±	±	±	±
Конфронтация	50,7±0,7	44,9±2,1	44,9±2,1	44,2±1,9
Дистанцирование	49,4±0,6	50,2±3,1	50,2±3,1	44,7±2,3
Самоконтроль	63,7±0,5	60,6±2,7	60,6±2,7	59,9±2,4*
Поиск социальной поддержки	62,8±0,6	64,4±2,5	64,4±2,5	57,2±2,1
Принятие ответственности	62,9±0,7	58,6±2,6	58,6±2,6	48,4±1,8**
Бегство	45,2±0,5	38,1±2,8**	38,1±2,8**	34±2,1**
Планомерное решение проблемы	69,9±0,6	70,1±3,6	70,1±3,6	71,1±2,5
Положительная переоценка	56,1±0,6	49,9±2,4*	49,9±2,4*	49,9±2,4*

В ходе проведенного исследования, выявлено, что лица в психической норме демонстрируют гибкость стресс-совладающего поведения, имеют более сбалансированный комплекс личностных характеристик. В этой группе особенности психической саморегуляции и в момент предъявления стимула показаны

более адаптивно.

У испытуемых с вегетативным реагированием «ваготонии» даже с легкой степенью дезадаптации наблюдались более низкие КГР и показатели ЧСС, ССС чем у здоровых лиц. Таким образом, обуславливает снижение адаптационных возможностей личности в стрессовых ситуациях, страдает вся система произвольной регуляции психической деятельности. При повышенной возбудимости и эмоциональной реактивности с вегетативным статусом «симпатотонии» происходит повышение реактивности кожногальванического рефлекса (КГР) и нестабильность дыхания и ССС. Способность к мгновенной мобилизации организма приводил к постоянному напряжению регуляторных систем.

У лиц с психопатией реакции в ответ на предъявление стимулов более низкие, чем у психически здоровых обследуемых. Преобладают эмоционально-фокусированные стратегии совладания (выражены стратегии дистанцирования и избегания, снижен самоконтроль).

Результаты исследования свидетельствуют о тесном взаимодействии физиологических, психофизиологических и психологических компонентах процесса и позволяют утверждать, что изучение состояния нервных процессов в комплексе с психологическими и вегетативными особенностями являются важным условием для получения данных об особенностях изменения функционального состояния организма в момент предъявления стимула.

Таким образом, следует не забывать, что перед назначением СПфЭ нужно в первую очередь анализировать не показания лица, а его психическое состояние, для того чтобы заключение стало в последующем допустимым доказательством по делу, так как речь идет об экспертизе личности, а «непригодность объекта исследования» это «невосполнимая недостаточность объекта, отсутствие в нем какого бы то ни было поддающегося выявлению с помощью современных научных средств и методов отражения события, интересующего следователя (суд), или неполного (неадекватного) отражения этих событий в свойствах (признаках) объекта» [1, с. 134].

Решение задачи поставленной перед экспертом СПфЭ порождает новое

знание о фактах, имеющих значение для расследования и судебного разбирательства, а сущность и содержание процесса исследования зависят в первую очередь от когнитивной сохранности объекта.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: Мегатрон XXI, 2001. — С. 134.
2. Введенский Г. Е., Сафуанов Ф. С., Каменсков М. Ю., Козлов И. С., Николаев А. Ю. Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания // Российский психиатрический журнал. — 2011. — № 5. — С. 31.
3. Введенский Г. Е., Сафуанов Ф. С., Каменсков М. Ю. и др. Психофизиологическое исследование при парафилиях. — 2012. — № 2.
4. Каменсков М. Ю. Ограничения к применению психофизиологического метода диагностики парафилий у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. — 2012. — № 5. — С. 14.
5. Морозова М. В. Экспертиза способности давать показания: учебное пособие / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. — 3-е изд. — М.: Генезис, 2009. — С. 522.
6. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Каменсков М. Ю. Особенности формирования образа объекта сексуального влечения и видов сексуальной активности у лиц с гомоцидным сексуальным поведением // Психическое здоровье. — 2006. — № 9.
7. Шостакович Б. В. Расстройства личности. — М., 2001. — С. 236.
8. Floch M. Limitation of the lie detector // J. Crim. (ed.) Low Criminol. — 1950. P. 651–652.
9. Friedman B. H. Autonomicspecificity of discrete eivon and dimensions of affective space: a multivariable approach // Int J Psychophysiol. — 2007. — 143 p.
10. Heuer R. Sexual behavior and security risk: background information for security personnel // Polygraph. — 1996. — № 3. — 165 p.
11. Lykken D. A study of anxiety in the sociopathic personality // Dissert. Abstr. — 1955. — 795 p.

12. Orlansky J. Assessment of lie detection capability // Technical Report. — 1964. — 62 p.
13. Raskin D. C., Barland G. H., Podlesny I. A. Validity and reliability of detection of deception // Polygraph. — 1977. — 35 p.
14. Raskin D. C., Hare R. D. Psychopathy and detection of deception in a prison population // Psychophysiology. — 1978. — 126 p.
15. Ruilmann C. J., Gulo M. J. Investigation of autonomic responses in psychopatic personalities // South. Med. J. — 1950. — 953 p.

УДК 343.144.5

ИМЕЮТСЯ ЛИ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ ДЛЯ ТЕСТИРОВАНИЯ НА ПОЛИГРАФЕ ЛИЦ С ИМПЛАНТИРОВАННЫМ КАРДИОСТИМУЛЯТОРОМ?

Казakov Владимир Анатольевич,
ведущий преподаватель АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии»
(НШДЛ), г. Москва;
e-mail: vlad.kazackoff2011@yandex.ru

Аннотация. В статье обоснована возможность проведения тестирования на полиграфе у лиц с имплантированным кардиостимулятором. Поясняется принцип работы кардиостимуляторов различного типа. Обращается внимание на сохранение возможности получения информативных признаков по всем регистрируемым физиологическим каналам у испытуемых с подобными особенностями здоровья.

Ключевые слова: полиграфы, тестирование, противопоказания, электрокардиостимуляторы, водитель ритма, нарушения ритма сердца, артериальное давление.

WHETHER ARE AVAILABLE THE CONTRAINDICATION FOR TESTING BY THE POLYGRAPH PERSONS WITH THE IMPLANTED PACEMAKER?

Kazakov Vladimir Anatolyevich,
leading teacher of Center of Applied Psychophysiology, Moscow

Abstract. In article the possibility of conducting testing by polygraph persons with the implanted pacemaker is proved. The principle of various types pacemakers working is explained. The attention to preservation of obtaining informative signs possibility by all registered physiological channels at examinees with similar features

of health is paid.

Keywords: polygraphs, testing, contraindications, electropacemakers, rhythm driver, violation of heart rhythm, arterial blood pressure.

Из опыта работы с полиграфологами-практиками, не имеющими медицинского образования, можно сформулировать важный вопрос: «Является ли кардиостимулятор противопоказанием для тестирования?» Попробуем разобраться с этим вопросом с точки зрения физиологии.

Следует отметить, что наличие сердечной патологии, а кардиостимулятор имплантируется при некоторых её видах, снижает в той или иной степени резистентность организма к стрессовым воздействиям. Однако выраженное стрессовое состояние человека само по себе уже является противопоказанием для тестирования с применением полиграфа, и в подобном случае наличие или отсутствие имплантированного электрокардиостимулятора самостоятельного значения не имеет.

Рассмотрим ситуацию, когда противопоказания из-за выраженного стресса отсутствуют.

У сердца имеется собственная проводящая система, способная вырабатывать и передавать биоэлектрические импульсы во все клетки сердечной мышцы. За счёт этих импульсов происходят согласованные сокращения сердечных камер (предсердий и желудочков).

Показаниями к имплантации кардиостимулятора являются заболевания, сопровождающиеся серьёзными нарушениями ритмичности сокращений камер сердца, которые приводят к негативным последствиям вплоть до остановки сердца.

После операции по имплантации кардиостимулятора первые 1,5–2 месяца после оперативного вмешательства происходит адаптация человека к улучшившейся гемодинамике и в этот период тестирование на полиграфе противопоказано. По завершении периода реабилитации после операции трудоспособность и пригодность для тестирования на полиграфе восстанавливаются.

Кардиостимулятор (электрокардиостимулятор (ЭКС)) — это прибор, который стимулирует сердечную мышцу с помощью посылаемых им электрических импульсов. Это сложное электронное устройство, размещаемое под кожу в области грудной клетки или живота, как представлено на рис. 1–2.

Рисунок 1. Кардиостимулятор, имплантированный под кожу

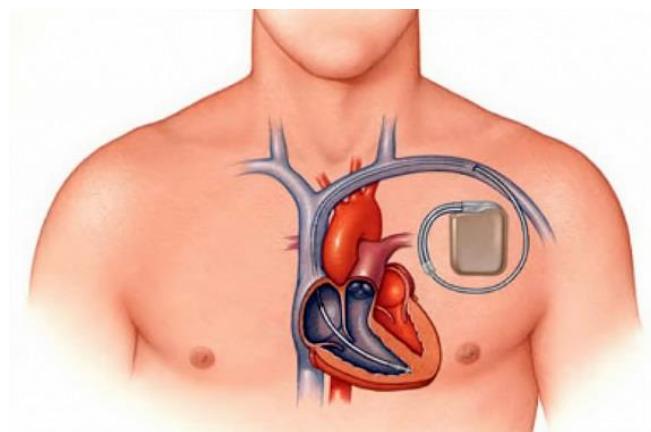

Рисунок 2. Схема расположения кардиостимулятора

Современный кардиостимулятор является микрокомпьютером, способным воспринимать изменения в работе сердечной мышцы и при необходимости корректировать работу сердца электрическими импульсами, чтобы предотвратить ухудшение гемодинамики.

По видам режимов работы кардиостимуляторы можно подразделить на следующие группы [3]:

- асинхронные (подающие электрические импульсы с постоянной частотой), применяются у больных с полной поперечной блокадой проводящей системы сердца;

- биоуправляемые (подающие электрические импульсы в соответствии с сигналами, поступающими от сердца);
- синхронные, или «ждущие» (биоуправляемые ЭКС, подающие электрические импульсы только в случае отсутствия собственного сокращения сердца через заданный период);
- Р-синхронные (биоуправляемые ЭКС, воспринимающие импульс возбуждения предсердия (соответствует на кардиограмме зубцу Р), усиливающие его и подающие с задержкой 0,10–0,16 сек. как стимулирующий импульс на желудочки сердца);
- QRS-синхронные (биоуправляемые ЭКС, воспринимающие комплекс QRS электрокардиограммы и выдающие стимулирующий импульс в фазу рефракторного периода).

Кардиостимуляторы могут имплантироваться больным при слабости синусового узла (основного водителя сердечного ритма) и при блокадах проводящих путей сердца.

Существуют кардиостимуляторы, восстанавливающие синхронность сокращений отделов сердца, которые при некоторых видах сердечной недостаточности используются для устранения рассинхронизации сокращений камер сердца, а также ЭКС-дефибрилляторы, устраняющие жизнеугрожающие нарушения ритма.

Для обозначения режима стимуляции и типов ЭКС используется международная номенклатура трёхбуквенного кода (ICHD), разработанная Американской межведомственной комиссией по заболеваниям сердца (Intersociety Commission for Heart Disease Resources) [3]:

- первая буква кода обозначает стимулируемую камеру сердца: V — желудочек, A — предсердие, D — двойной (и предсердие, и желудочек);
- вторая буква кода указывает камеру сердца, из которой воспринимается управляющий сигнал: V — желудочек, A — предсердие, D — двойной (желудочек и предсердие), 0 — управляющий сигнал не поступает ни из одной из камер;

- третья буква кода обозначает способ реакции ЭКС на воспринимаемый сигнал: I — блокирующий (inhibited), T — запускающий (triggered), D — двойной (dual – блокирующий и запускающий), 0 — отсутствие способности воспринимать сигналы и реагировать на них.

С развитием более сложных систем стимуляции, введения программирования и использования ЭКС для лечения тахикардий трёхбуквенный код был расширен до пятибуквенного:

- четвёртая буква обозначает характер программирования: P — простое программирование частоты и выходных параметров, M — множественное программирование параметров частоты и выходных параметров, а также чувствительности, режима стимуляции и т.д., O — отсутствие программирования;

- пятая буква обозначает вид стимуляции при тахикардии: B — группа стимулов, N — навязывание нормальной частоты ЧСС, S — использование одиночных или парных стимулов, E — регуляция работы ЭКС осуществляется внешним управлением.

В связи с тем, что речь идет о жизнеобеспечивающей системе человека, возникает вопрос: **опасен ли полиграф людям с кардиостимулятором?**

Рассмотрим реально существующие ограничения. Пациентам с установленным ЭКС запрещено подвергать его мощным электромагнитным полям, например, проходить МРТ или находиться вблизи мощного сварочного оборудования (более 160А). Пользование обычными бытовыми приборами разрешено.

В связи с тем, что полиграфы не создают мощного электромагнитного поля, а подаваемые на датчики КГР напряжение и ток малы и не оказывают влияния на работу кардиостимулятора, поэтому тестирование на полиграфе в нормальных условиях не способно повлиять на кардиостимулятор, и опасности для здоровья тестируемого не представляет.

Для специалистов-практиков актуален вопрос: **можно ли у человека с имплантируемым кардиостимулятором получить информативные признаки по регистрируемым каналам, не даёт ли он искажений?**

В ходе тестирования на полиграфе устанавливается, имела ли место активация симпатического отдела вегетативной нервной системы после предъявления стимула, и насколько сильно она проявилась в форме физиологических изменений (реакций).

Классический полиграф способен регистрировать [1]:

- изменение потоотделения (путём мониторинга электрической проводимости или сопротивления кожи);
- изменение центральной и периферической гемодинамики (путём мониторинга динамики артериального давления и вазомоторных реакций сосудов кожи),
- изменение динамики дыхания (путём мониторинга изменений окружности в области грудной клетки и в области живота; в некоторых отечественных полиграфах возможно также получение канала дыхания за счёт выделения дыхательных волн из каналов сердечно-сосудистой активности).

Кроме того, современный полиграф должен иметь в своём составе датчик двигательной активности с целью выявления двигательных артефактов.

Рассмотрим, оказывает ли влияние наличие ЭКС на систему дыхания, систему кровообращения и на потоотделение.

На дыхание кардиостимулятор может оказать воздействие в случае либо неправильной установки, либо неисправности, в результате чего возможна стимуляция диафрагмального нерва и/или непосредственно мышц грудной клетки, а также в случае выраженных болевых воздействий.

Правильность установки кардиостимулятора в обязательном порядке неоднократно контролируется медиками. Исправный, правильно установленный кардиостимулятор болевого воздействия не оказывает, а поэтому его влияние на динамику дыхания и выявление информативных признаков в этом канале маловероятно.

На сигнале в канале КГР работа кардиостимулятора может отразиться только в случае оказания кардиостимулятором болевого воздействия. Такое возможно лишь при неисправности, либо в особых случаях кратковременно в период осуществления электрического разряда с целью дефибрилляции сердечной мышцы (возможно только у тех моделей стимуляторов, которые имеют

функцию дефибрилляции); именно в момент дефибрилляции, а не в режиме обычного функционирования в качестве искусственного водителя сердечного ритма [1].

При фибрилляции слаженная, ритмичная работа сердца нарушается, и каждое мышечное волокно начинает сокращаться независимо от других. При этом исчезает способность сердца к скоординированному сокращению. Оно перестаёт выполнять свою насосную функцию, кровоток останавливается. Клетки организма не получают кислорода и наступает гипоксия (кислородное голодание). В первую очередь страдает головной мозг.

Дефибрилляция — это пропускание через клетки сердца электрического разряда с целью восстановить нормальный режим сокращений сердца. При дефибрилляции электрический разряд подавляет все внутрисердечные импульсы, не совпадающие с ним, и остаются только правильно сокращающиеся мышечные волокна с правильным вектором сердечного импульса. Хаотичность сокращений волокон сердечной мышцы прекращается. Синхронность и согласованность сокращения камер сердца восстанавливается, и сердце приобретает способность выполнять свою насосную функцию. Кровоток восстанавливается. Гипоксия тканей организма исчезает.

Без проведения дефибрилляции в подобной ситуации человек попросту потерял бы сознание и был бы полностью непригоден для тестирования, а то и вообще скончался. Вывод — кардиостимулятор улучшает пригодность к тестированию на полиграфе людей, у которых бывают эпизоды фибрилляции сердечной мышцы.

Если кардиостимулятор устанавливался с целью коррекции насосной функции сердца, то в этих случаях он даже способствует более качественному кровоснабжению организма, в том числе кожи и, следовательно, улучшает информативность съёма сигнала по каналу кожно-гальванической активности.

Сами импульсы от кардиостимулятора в канале КГР никак не проявляются, ибо электрические импульсы передаются кардиостимулятором исключительно в сердце. Оголённые концы электродов кардиостимулятора к коже не

подходят. И сами датчики КГР расположены не в проекции расположения электродов кардиостимулятора.

Немаловажным является также вопрос: будет ли кардиостимулятор мешать получать информативные признаки по каналу артериального давления (АД) и каналу фотоплетизмограммы (ФПГ)?

Разберём несколько ситуаций [3].

1. Если кардиостимулятор посылает импульсы не постоянно, а только в случае возникновения срыва ритма. В длительный период между пароксизмами (приступами) аритмии тестируемый пригоден для обследования с применением полиграфа, вне периодов аритмии он такой же нормальный человек, как и все, и никаких особенностей по влиянию симпатической нервной системы на функции сердечно-сосудистой системы у него не будет.

2. Если кардиостимулятор постоянно посылает импульсы, навязывая сердцу необходимый ритм сокращений, то симпатическая нервная система не может повлиять на частоту сердечных сокращений. Однако это не мешает нормальной регуляции тонуса сосудов со стороны вегетативной нервной системы. Следовательно, ничто не мешает вегетативной нервной системе регулировать величину артериального давления за счёт изменения просвета крупных сосудов. Также работа кардиостимулятора не сказывается на возможности регуляции объёмного кровотока через микроциркуляторное русло путём выборочного сужения артериол и прекапиллярных сфинктеров. Таким образом, информативность каналов АД и ФПГ при оценке полиграмм не страдает.

3. Определённую проблему составляет запуск кардиостимулятором режима дефибрилляции. В момент дефибрилляции у человека возникают весьма неприятные ощущения. Тем не менее, для него лучше испытать кратковременную боль, чем потерять сознание и/или умереть. Полиграфолог по внешнему виду тестируемого, по сверхсильной реакции КГР, а также по предшествовавшей этой гиперреакции КГР картине в каналах АД и ФПГ (падение давления, резкое ухудшение периферического кровотока, отсутствие по каналам АД и

ФПГ нормальных сердечных циклов) может легко определиться с ситуацией, да и тестируемый молчать об этом не будет.

В журнале Полиграф (№1 2006 год) была опубликована статья Натана Дж. Гордона и Уильяма Флейшера [2], в которой ими описан случай тестирования человека с имплантированным кардиостимулятором и приведён в качестве демонстрации участок зарегистрированной полиграммы, как это представлено на рис. 3.

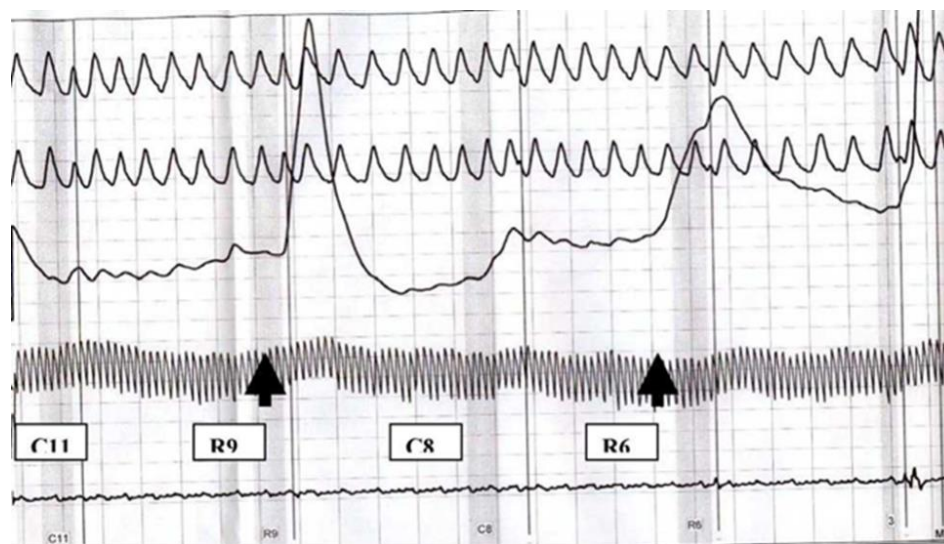

Рисунок 3. Полиграмма человека с имплантированным ЭКС

Авторы обращают внимание на то, что ими не наблюдалось никаких заметных изменений в частоте пульса испытуемого, но обнаруживались очень заметные изменения (реакции) в канале АД (реакции на вопросы R6 и R9).

Вывод: наличие кардиостимулятора по истечении двух месяцев после операции по его имплантации не является противопоказанием для тестирования на полиграфе.

Список литературы

1. Пеленицын А. Б., Казаков В. А., Сошников А. П. Основы анатомии и физиологии для полиграфологов. — М., 2018.
2. Nathan J. Gordon and William L. Fleisher. A Case Study of a Polygraph Examination on an Examinee with an Implanted Defibrillator // Polygraph. — 2006. — Vol. 35. — № 1.
3. Электрокардиостимуляторы. — Режим доступа: <http://med-info.ru/content/view/2786> (дата обращения: 29.03.2018).

УДК 343.144.5

АЛГОРИТМ ПРОВЕДЕНИЯ И ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ МНОГОТЕМНОГО СКРИНИНГА

Кзаков Владимир Анатольевич,
старший преподаватель АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии»
(НШДЛ), г. Москва;
e-mail: vlad.kazackoff2011@yandex.ru

Аннотация. В статье изложены принципы проведения и обработки многотемного скрининга. Поясняется специфика формирования выводов по скринингу. Обращается внимание на важность учёта возможного проявления внепикового подавления и обязательность использования математического аппарата при анализе полиграмм.

Ключевые слова: скрининг, многотемный скрининг, кадровая политика, полиграфы, психологические тесты, система оценки, значимые реакции, проверочные темы.

ALGORITHM OF CARRYING OUT AND ASSESSMENT RESULTS OF MULTISUBJECT SCREENING

Kazakov Vladimir Anatolyevich,
leading teacher of Center of Applied Psychophysiology, Moscow

Abstract. In article the principles of carrying out and processing of multisubject screening are stated. The specifics formation of conclusions about screening results are explained. The attention is paid to importance of possible manifestation off-peak suppression accounting and obligation using a mathematical apparatus in the polygram's analysis.

Keywords: screening, multisubject screening, personnel policy, polygraphs,

psychological tests, evaluation system, significant reactions, test subjects.

Для кадрового аппарата скрининг — это стратегия в организации кадровой политики, направленная на минимизацию потерь кампании путём отказа в приёме на должности лиц с факторами риска, либо, в случае вынужденного приёма таковых, усиленном контроле за ними и соответствующей профилактикой.

Многими полиграфологами полагается, что при скрининге с применением полиграфа проверяется искренность ответов тестируемого лица на задаваемые вопросы. Но это верно лишь отчасти.

Скрининг — это процедура, и он может быть медицинским, психологическим, полиграфным и др. У любого скрининга существует важнейшая характеристика: отсутствие в отношении каждого конкретного лица сведений о факторах, свойствах, признаках и т. п., которые предполагается обнаружить с помощью проводимой скрининговой процедуры. Поэтому мы не в праве по результатам скрининга делать вывод об обнаружении лжи или её отсутствии.

В случае многотемного скрининга с применением полиграфа мы выявляем не ложь как таковую, а значимость проверочных тематик для тестируемого лица.

Существенные сложности создаёт то, что на получаемые результаты влияет как относительная значимость проверочного вопроса в сравнении с другими вопросами скрининга в контексте самой процедуры, так и общая индивидуальная значимость каждой проверочной темы.

Если полиграфолог в ходе предтестового собеседования не смог создать должную адекватную установку по тестированию вообще и по каждой проверочной теме в отдельности, то в итоге по скрининговому тесту мы можем получить ложноотрицательный результат, т.е. пропуск цели.

Аналогично, если полиграфолог по ходу предтестового собеседования чрезмерно привлёк внимание к какому-либо вопросу, перегрел проверочную тему, то мы по результату скринингового теста получим ложноположительный результат, т.е. обвинение не причастного.

В связи с этим необходимо помнить, что любой скрининг и медицинский,

и психологический, и в том числе психофизиологический с применением полиграфа должен иметь высокий уровень стандартизации, предельно простую и чёткую регламентацию этой процедуры.

Для обеспечения адекватной психологической установки тестируемого и исходного равенства проверочных тематик необходимо выполнять ряд условий, а именно:

- проводить качественное предтестовое собеседование с обязательным проведением Ознакомительного теста;
- осуществлять после Ознакомительного теста углублённое собеседование с тестируемым по проверочным темам по единому для всех тестируемых плану.

Для обеспечения этих двух условий целесообразно в процессе предтестового собеседования использовать чек-лист, а при обсуждении проверочных тем так называемые маршрутные карты.

Для наиболее оптимального обсуждения проверочных тем полиграфологу необходимо в процессе обсуждения каждой темы использовать три типа вопросов:

1. Вводный вопрос, который отражает для тестируемого актуальность темы в ракурсе проводимой процедуры тестирования и позволяет выяснить отношение тестируемого к сформулированной проблематике проверочной темы;
2. Побуждающие вопросы, которые вынуждают тестируемого высказаться по проверочной теме по предлагаемому плану.
3. Проверочные вопросы, подытоживающие обсуждение темы и отражающие интересующую заказчика информацию по проверочной теме.

Даже обеспечив идеальное обсуждение проверочных тем, мы не можем гарантировать, что предъявленный стимул дал реакции из-за лживого ответа, а не в связи с особой жизненной ситуацией тестируемого лица.

Как известно, полиграф является не детектором лжи, а детектором значимости стимула. И лишь проанализировав природу этой значимости, полиграфолог может сделать вывод о том, что она может быть связана с лживым ответом тестируемого. Но причина значимости может быть совсем другой. Именно

наличие других, отличных от лжи причин общей значимости проверочных тем может приводить к тому, что в отношении правдивых, искренних тестируемых выносится ложноположительный вывод по скрининговому тесту. Например, тема употребления наркотиков будет крайне актуальна для матери, если её ребёнок наркоман.

Всё это диктует обязательности процедуры послетестового обсуждения выявленных значимых тем и последующей перепроверки результатов теста многотемного скрининга.

Для проведения многотемного скрининга оптимально использовать «Метод только проверочных вопросов — МТПВ» (All Relevants Technique — ART) он же «Тест проверочных вопросов сравнения — ТПВС» (Relevant Comparison Test — RCT). Тест состоит фактически только из проверочных вопросов, которые оцениваются по принципу «каждый со всеми». Простая структура теста позволяет применить математический алгоритм анализа результатов.

Зачем же при таком формате теста применять математический аппарат? Разберем некоторые предпосылки этого приема.

Многие полиграфологи оценку значимости стимулов (тем более в рядах) осуществляют на глаз по величине вызванных реакций, руководствуясь правилом: «Чем сильнее реакция на стимул, тем выше его значимость». И увидев в одном предъявлении очень мощные выраженные реакции на стимул, обязательно отразят это в своём заключении. Такая позиция при детальном рассмотрении с учётом сведений из психофизиологии является несколько ошибочной.

Почему же мы не вправе опираться только на визуальную оценку полученных полиграмм и выявления только самых выраженных, самых больших реакций в предъявлениях тестов?

Психофизиологам (а полиграфология — это прикладная психофизиология) хорошо известно, что:

- выраженность реакции не имеет линейной зависимости от силы стимула;
- величина реакции на стимул в каждом физиологическом показателе зависит от его исходного состояния;

- характерные для реакций физиологические изменения могут наблюдаться и при отсутствии внешних стимулов;
- разные по силе стимулы могут вызывать одинаковые реакции;
- один и тот же стимул, предъявляемый последовательно через короткие временные промежутки, вызывает совершенно различные по степени выраженности реакции.

Появление изменений на полиграмме после стимула не означает, что они возникли именно из-за предъявленного стимула. Однократное предъявление проверочного стимула не допустимо, так как имеется вероятность наблюдения полиграфологом чисто случайных процессов.

Для вывода о значимости стимула сперва необходимо доказать связь произошедших изменений с предъявленным стимулом, так как величина реакции зависит от множества как внешних, так и внутренних факторов. На возникновение физиологических изменений и степень их выраженности влияет множество случайных вещей. Мы не в состоянии не только контролировать большинство из них, но даже не можем все их учесть.

Человек — сложный объект, и мы, работая с ним, вынуждены считаться с невозможностью точного предсказания параметров физиологических изменений при предъявлении значимого стимула. Однако в целом задача моделирования общего поведения физиологических систем в ответ на предъявление стимулов достаточно решается, если мы сосредоточим свои усилия на выявлении закономерности в поведении самой психофизиологической системы. Определимся, имеем ли мы дело с полным хаосом или в нём всё же содержится некоторая упорядоченность.

Для выявления значимости стимула нам нужно опираться на критерии случайности/неслучайности возникновения изменений в ответ на предъявляемый стимул.

«Принимая во внимание объективную природу роли случайных факторов в возникновении и развитии психофизиологических реакций, нами... предложено концептуально новое операционное определение психофизиологической

значимости стимула, под которой следует понимать **НЕСЛУЧАЙНОСТЬ** (в прямом математическом смысле) возникновения реакций в ответ на его предъявление» [1].

Стимул является значимым, если в ходе тестирования в ответ на его предъявления возникновение физиологических изменений носило системный характер, то есть было не случайным.

Стимул считается незначимым, если реакции в ответ на его предъявления носили случайный характер.

«Принципиальное отличие оценки неслучайности реакции от измерения её величины, заключается в том, что величина реакции, определённая, например, путём измерения какой-либо её амплитудно-частотной характеристики, может относиться к единичному стимулу, тогда как неслучайность реакций на стимул является характеристикой только всего тестирования в целом. Все зарегистрированные в процессе тестирования реакции на интересующий стимул рассматриваются в совокупности, как единая характеристика психофизиологического состояния и реагирования тестируемого лица» [1]. Для вычисления вероятности неслучайности события можно воспользоваться алгоритмом ChanceCalc®, который установлен во всех полиграфах серии «Диана». Название ChanceCalc® представляет собой аббревиатуру фразы Chance Calculation, что в переводе означает «Вычисление случайности».

Система ChanceCalc® построена на основе комбинационно вероятностной модели: «Квантового статистического распределения Бозе–Эйнштейна».

При случайном воздействии вторичных факторов, реакции в ответ на повторное предъявление одного и того же стимула будут различаться. Поэтому при отсутствии действительно значимой стимуляции воздействие всех вторичных факторов будет случайным, не будет носить систематического характера, следовательно, и вызываемые ими реакции не будут иметь систематического характера, которым они обладали бы при постоянном воздействии значимых для тестируемого стимулов.

Исходно осуществляется поканальное ранжирование внутри предъявле-

ния всех полученных реакций по силе.

Ранжирование — это способ, с помощью которого исключают все второстепенное, существенно не влияющее на исследуемое явление.

При ранжировании изучаемые объекты упорядочиваются (располагаются по местам в ряд) по степени выраженности. Первый ранг (первое место) в предъявлении присваивается стимулу с наиболее выраженной реакцией. Затем каждому стимулу ранжируемого предъявления присваиваются более низкие оценки, соответствующие занимаемым местам. Стимул с самой слабой реакцией занимает последнее место.

Соответственно незначимые стимулы отодвигаются на последние места. Значимые — выдвигаются вперёд. Единичное, случайное занятие стимулом несвойственного ему ранга (места) на саму прослеживаемую тенденцию занимания высших или низших рангов влияния не окажет.

При увеличении количества предъявлений случайное воздействие вторичных факторов будет нивелироваться, а выраженность эффекта реально значимого проверочного стимула — усиливаться.

ChanceCalc®, приняв во внимание распределение рангов во всех предъявлениях, вычислит неслучайность занимания реакций на стимул определённых рангов.

В итоге мы получим не просто вывод о случайности/неслучайности возникновения реакций на предъявляемые стимулы, но и наглядно увидим, как по степени выраженности угрозы тестируемый распределил проверочные темы, какую значимость каждой из тем он придаёт.

Чисто эмпирически критерием значимости стимула принято считать вероятность неслучайности его возникновения, равную 75% и выше, незначимости — 25% и ниже.

Что же делать тем полиграфологам, которым не доступен ChanceCalc? — Им следует воспользоваться универсальной 3-х балльной системой оценки и специальной таблицей.

Каждой пригодной для анализа реакции КГР присваивается определён-

ный балл по следующим правилам:

- 0 баллов, если реакция отсутствует или сравнима с фоновой;
- 2 балла, если специалист считает реакцию выраженной;
- 1 балл, если специалист затрудняется сделать однозначный вывод о

наличии или отсутствии реакции.

Для кардиоканала и канала дыхания:

- 0 баллов, если реакция отсутствует или сравнима с фоновой;
- 1 балл, если специалист считает реакцию выраженной;
- 0,5 балла, если специалист затрудняется сделать однозначный вывод

о наличии или отсутствии реакции.

Решение о наличии или отсутствии реакций полиграфолог принимает путём сопоставления с заранее установленными критериями наличия реакций на основе своего эмпирического опыта.

Баллы, присвоенные реакциям по всем предъявлениям проверочных вопросов, относящихся к одной проверочной теме, суммируются для каждой исследуемой темы за все предъявления теста.

После вычисления общих суммарных баллов для всех проверочных тем вероятность их значимости определяется индивидуально с помощью данных, из нормативной таблицы 1.

Таблица 1

Определение вероятности неслучайности возникновения реакции

Вероятность того, что стимул является значимым, %																					
Пр.	Суммарное количество набранных баллов																				
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	≥20
1	4	15	37	63	85																
2	1	4	11	23	40	60	77	89	96												
3	0	1	3	8	16	27	42	58	73	84	92	97	99								
4	0	0	1	2	6	11	19	30	43	57	70	81	89	94	98	99	100				
5	0	0	0	1	2	4	8	14	22	32	44	56	68	78	86	92	96	98	99	100	100
6	0	0	0	0	1	1	3	6	10	16	24	33	44	56	67	76	84	90	94	97	100

Следует помнить о внепиковом подавлении. Более выраженная угроза доминирует и подавляет прочие менее опасные стимулы. Поэтому завершить тестирование перепроверкой лишь выявленных значимых тем было бы с точки

зрения психофизиологии неверно (хотя в обычной практике иногда допустимо). В зону неопределённости могли быть оттеснены значимые проверочные темы, но подавленные в процессе тестирования более значимыми (с точки зрения тестируемого лица) темами.

Следует особенно отметить, что значимость конкретного проверочного вопроса в понимании тестируемого вовсе не означает той же самой значимости и важности с точки зрения заказчика. Для заказчика с точки зрения принятия решения более важными могут быть те темы, которые по результатам теста ушли в зону неопределённости. Поэтому НШДЛ настоятельно рекомендует перепроверять результаты не только тем с выявленной значимостью для тестируемого, но и тех, в отношении которых по тесту получен неопределённый результат.

Для перепроверки результатов многотемного скрининга оптимально использовать формат теста Однотемный скрининг с вопросами «управляемой» лжи.

В итоге схема работы с многотемным скринингом выглядит так, как показано на рис. 1.

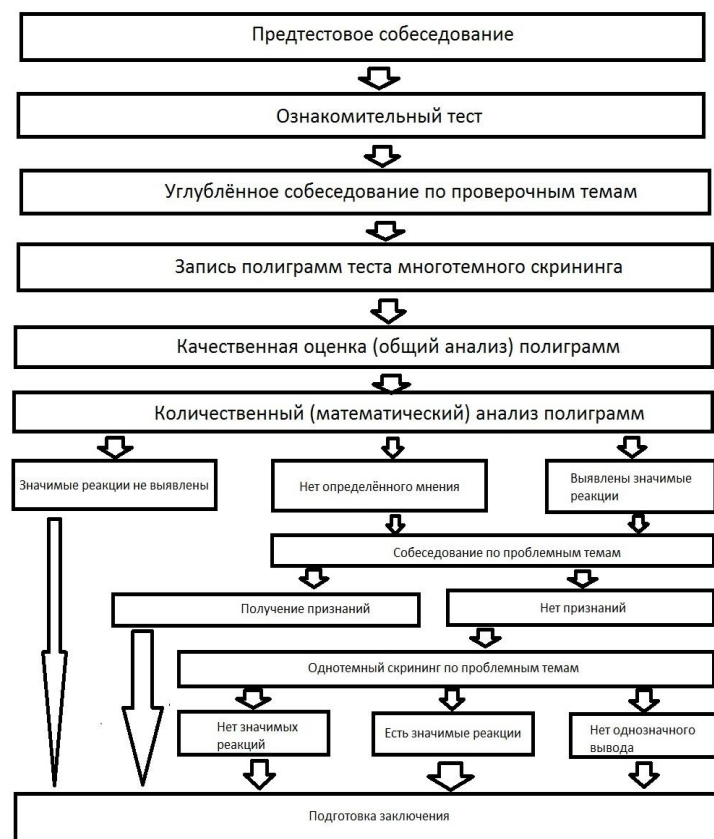

Рисунок 1. Схема проведения многотемного скрининга

Следует отметить, что универсальная 3-х балльная система оценки является более грубой, чем ChanceCalc, но может быть применена на любом полиграфе. Однако если имеется возможность, то для подсчёта многотемного скрининга мы настоятельно рекомендуем применять горизонтальное ранжирование реакций и алгоритм математической обработки ChanceCalc, для получения наиболее точных результатов.

Список литературы

1. Пеленицын А. Б., Сошников А. П. Современные технологии применения полиграфа. — М.: Издательство АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», 2015.

УДК 343.144.5

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭКСПЕРТИЗЫ ИДЕАЛЬНОЙ СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Макаренко Ирина Александровна,
кандидат психологических наук,
руководитель департамента судебных экспертиз
АНО ДПО Академии Детекции Лжи г. Москва,
руководитель Экспертного бюро судебной
психофизиологии и поведенческого анализа г. Калуга,
ведущий эксперт Центра информационной безопасности г. Калуга;
e-mail: makarenko-kaluga@mail.ru

Аннотация. Тематика статьи определена проблематикой становления и развития общей теории, понятия и методологии судебной экспертизы идеальных следов в уголовном судопроизводстве, ее места в правовом поле. Автором в рамках трехчастной теории сохранения следовой информации в мозге, определен алгоритм экспертных задач, обозначены основные методические понятия.

Ключевые слова: идеальная следовая информация, экспертизы.

METHODOLOGY AND LEGAL STATUS OF IDEAL TRACE INFORMATION EXAMINATION

Makarenko Irina Aleksandrovna,
candidate of psychological sciences, Head of Judicial Examination Department Lie
Detection Academy, Moscow,
Head of Expert bureau of judicial
psychophysiology and behavioural analysis, Kaluga,
Leading expert of Information Security Center, Kaluga

Abstract. The subject of abstract is determined by a perspective of formation and development of the general theory, concept and judicial examination methodology of ideal traces in criminal legal proceedings, placing in the legal framework. The author within the three-part theory of saving trace information in a brain, has defined an algorithm of expert tasks. The basic methodical concepts are designated.

Keywords: ideal trace information, examinations.

В настоящее время сложившаяся судебная практика критично относится к использованию результатов психофизиологических исследований с использованием полиграфа. Доводами правоприменителей против использования результатов таких исследований являются:

1) сведения, полученные с использованием полиграфа при проверке достоверности показаний, не являются доказательством, поскольку оценка показаний в соответствии со ст. ст. 87, 88 УПК РФ относится к компетенции дознавателя, следователя, суда, а не эксперта либо специалиста [5];

2) подобные заключения не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, и такого рода исследования, имеющие своей целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ [4].

Не оспаривая первого довода (поскольку оценка достоверности показаний выходит за пределы компетенции эксперта/специалиста и не может являться задачей экспертизы), относительно второго довода следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в установленном порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [9].

Среди обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по

уголовному делу, Уголовно-процессуальный кодекс РФ выделяет виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы [9].

Наряду с мотивом, целью, а также некоторыми эмоциональными состояниями (например, аффект), вина образует субъективную сторону преступления и его состава, без которой не может быть преступления и, следовательно, уголовной ответственности. Вина лица должна устанавливаться не сама по себе, а по отношению ко всем юридически значимым обстоятельствам преступления, являющимся признаками соответствующего состава преступления или отягчающим наказание [3].

Например, при привлечении к ответственности за совершение умышленного преступления, исходя из принципа субъективного вменения, необходимо установить, что все обстоятельства, имеющие юридическое значение, т. е. являющиеся признаками состава преступления (основного или квалифицированного), относящиеся к характеристике объекта и предмета, объективной и субъективной стороны преступления, осознавались виновным [3].

Таким образом, при расследовании уголовного дела для правильной квалификации действий виновного лица имеется необходимость установления факта осознания лицом всех признаков состава преступления.

В то же время одной из центральных криминалистических категорий является понятие следа, под которым понимается отражение в обстановке преступного деяния, элемента механизма преступления, материальные и идеальные отображения события, подлежащего расследованию. Криминалистика делит следы преступления на два вида: материальные и идеальные. Материальные следы — отпечатки события на материальных объектах. Идеальные следы — это отпечатки события в сознании людей [2].

Последние научные работы в этой области говорят о том, что результатом отражения преступления в окружающей среде является информация, которая может быть выражена как в материальной форме, так и в идеальной, то есть в сознании людей [1]. Следовательно, носителем идеальной информации (в отличие от материальной) могут быть только люди. При этом особенностью идеаль-

ного отображения является отсутствие прямого, «материального» контакта при взаимодействии объектов (например, наблюдение на расстоянии), тогда как отображение на материальных предметах может происходить только в результате прямого контакта (соприкосновения) [7].

Идеальные следы преступления определяются как криминалистически значимая информация, воспринятая и запечатленная человеком в виде мысленных (памятных) образов, и которая может быть им воспроизведена в вербальной или иной форме либо извлечена из его памяти средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве [7]. В этой области криминалистическая наука тесно взаимодействует с психологией.

Также как и обнаружение материальных следов на месте происшествия, обнаружение идеальных следов преступления требует наличие специальных познаний, навыков и инструментов. Использование полиграфа открывает возможность объективно обнаруживать и исследовать хранящиеся в памяти человека следы событий, имевших место в его жизни ранее, либо устанавливать отсутствие таких следов [7].

Поскольку в данном случае обнаружение идеальных следов, их исследование либо установление факта их отсутствия требует наличие специальных познаний¹ в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ, в ходе расследования необходимо проведение экспертизы [9]. При этом данная экспертиза будет доказательством факта наличия либо отсутствия у конкретного лица идеальных следов расследуемого события, а также их содержание.

Таким образом, проведение экспертиз, в том числе и с применением полиграфа, для установления наличия либо отсутствия в памяти человека (как подозреваемого/обвиняемого, так и потерпевшего/свидетеля) идеальной следовой информации может иметь доказательное значение для уголовного дела.

Л. А. Суворова в частности указывает, что на современном этапе развития

¹ Прим. автора: памятью называется общее обозначение комплекса познавательных способностей и высших психических функций по накоплению, сохранению и воспроизведению знаний и навыков, протекающих неотделимо от остальных психических функций человека и потому исследование памяти требует специальных познаний именно в области психологии.

криминалистики и смежных наук возникла необходимость включения в нее в качестве самостоятельного криминалистического учения концепции идеальных уголовно-релевантных следов — т. н. криминалистической энграммологии, к компетенции которой относится проблематика криминалистически значимых особенностей и закономерностей возникновения, существования, искажения, воспроизведения и иных трансформационных процессов информации, а также основанные на познании этих закономерностей законные и допустимые приемы и способы использования идеальной информации субъектом уголовно-процессуального исследования преступления.

Такая методологическая позиция объективно требует включения специальных познаний в областях психологии и психофизиологии в процесс обнаружения, фиксации и исследования идеальных следов в рамках криминалистических диагностических психофизиологических исследований с использованием полиграфа, и такая процессуальная задача логично и научно обоснованно решается вхождением в систему методов и средств криминалистики экспертных технологий в области психологии человека, носящих комплексный, интегративный характер, отвечающих требованиям валидности и надежности, научной обоснованности, с возможностью эффективного и гибкого их применения в различных вариантах экспертных исследований в рамках первичных, дополнительных, повторных, единолично выполненных/комиссионных психологических, комплексных психолого-психиатрических, психолого-сексологических, психолого-лингвистических экспертных освидетельствований.

Следует отметить, что общим объектом судебной психологической экспертизы является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях, соответственно, предметом исследования судебного психолога-эксперта выступают закономерности и особенности протекания и структуры психических процессов (психической деятельности), имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия [6].

Исходя из данного определения, экспертиза идеальной следовой информации имеет предметом установление фактических данных, имеющих значение

для уголовного дела, путем исследования компонентов психики человека, в частности его памяти, представляющих интерес для конкретного уголовного дела, сформулированных в виде конкретных вопросов [8].

При этом психологически неверно ставить знак равно между понятиями «идеальный след» и «память», а также ограничивать целевую деятельность эксперта как задачу исследования только памяти человека. Это связано с тем, что память не является обособленным психическим процессом, который возможно было бы изолированно диагностировать и исследовать. Напротив, память — это общее обозначение комплекса познавательных способностей человека и высших психических функций по накоплению, сохранению и воспроизведению знаний и навыков. Психофизиологически запечатление, хранение и воспроизведение картин окружающего мира связаны с синтезом модально-специфических впечатлений; сила мнестической деятельности зависит от степени концентрации внимания на поступающую информацию, эмоционального отношения (заинтересованности) к ней, а также от общего состояния человека, степени тренированности и характера психических процессов. Сложной проблемой является механизм образования следов памяти и выделение структурных образований, участвующих в хранении и воспроизведении имеющихся следов, а также тех структур, которые регулируют эти процессы. Фиксация следа в памяти осуществляется в три этапа.

На первом этапе в иконической памяти на основе деятельности анализаторов возникает сенсорный след, потом сенсорная информация направляется в высшие отделы головного мозга. На втором этапе в корковых зонах, а также в гиппокампе и лимбической системе происходит анализ, сортировка и переработка сигналов, с целью выделения из них новой для организма информации. Следует отметить, что гиппокамп в совокупности с медиальной частью височной доли играет особую роль в процессе закрепления (консолидации) следов памяти: он выполняет роль селективного входного фильтра. Он также участвует в извлечении следов из долговременной памяти под влиянием мотивационного возбуждения, что и происходит при криминалистических диагностических психофи-

зиологических исследованиях с использованием полиграфа. На третьем этапе следовые процессы переходят в устойчивые структуры долговременной памяти.

Система управления и регуляции памяти в головном мозге включает неспецифические и специфические компоненты. При этом выделяются два уровня регуляции: неспецифический, представлен деятельностью ретикулярной формации, гипоталамуса, неспецифического таламуса, гиппокампа и лобной коры; модально-специфический (локальный), связанный с деятельностью анализаторных систем. При активации ретикулярной формации формирование энграмм происходит эффективнее, а при снижении уровня активации, напротив, ухудшается как произвольное, так и произвольное запоминание. В обеспечении произвольного запоминания или мнестической деятельности, ведущую роль играют лобные доли коры, особенно левой лобной доли. Система регуляции памяти имеет иерархическое строение и полное обеспечение функций и процессов памяти возможно лишь при условии функционирования всех ее звеньев. Соответственно, в системе психических процессов память неотделима от других высших психических функций, таких как, восприятие, внимание, мышление, речь, воображение и т. д., коррелирует с изменениями эмоционально-мотивационных и социальных характеристик личности, пластична в отношении средовых воздействий.

В связи с вышеизложенным, в рамках решаемых экспертных задач, первостепенные требования к валидности и надежности экспертных исследований обусловлены необходимостью первичного исследования специфики высших психических функций гнозиса, когнитивно-мнестической и эмоционально-волевой деятельности носителя идеальной следовой информации для диагностики потенциальной способности и актуальной возможности² к адекватному отображению окружающей действительности в момент рентного события, сохранению идеальных следов события и передаче сведений, известных носите-

² В соответствии с методическими рекомендациями ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ и ФМИЦПН им. В. П. Сербского Минздрава РФ потенциальная способность определяется нормальным функционированием сенсорных систем, обеспечивающих восприятие объектов и нормативностью психической деятельности подэкспертного, в том числе психических функций памяти, внимания, мышления, речи, а также социальных навыков. Актуальная возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, представляет собой конкретную реализацию потенциальной способности в различных ситуационных условиях.

лю, непосредственно или опосредованно.

Дальнейший алгоритм экспертного исследования должен строиться с учетом специфики поведенческого статуса и мотивационных компонентов коммуникации подэкспертного, а именно решать задачи исследования психодинамических признаков наличия либо отсутствия инсценировки³ в части сообщения идеальной следовой информации, а также решать задачи дифференциации между когнициями (информация, полученная вне ситуации, имеющей значение по уголовному делу) подэкспертного и реальными энграммами памяти (нейрофизиологическое отражение информации конкретного внешнего события, представленное в сознании человека как образ этого события).

По сути на данном этапе возможно определить механизм следообразования, дифференцировав иннервацию мышления и воображения с последующим созданием искусственной модели реальности, ведущей к формированию интеллектуального следа от гностического восприятия с последующим созиданием естественной для индивида модели реальности ведущей к формированию идеального следа а сознании.

Данные этапы эффективно решаются методами психологической диагностики, а именно методами объективного тестирования, профилирования и поведенческой верификации.

Метод специального психофизиологического исследования идеальной следовой информации завершает экспертный алгоритм, его результаты позволяют объективно обнаружить наличие (или отсутствие) умышленных искажений при материализации основных, принципиально важных для раскрытия и расследования преступления обстоятельств, выявить наличие или отсутствие, структуру, наполненность и способ получения носителем идеальной следовой информации, а также диагностировать уликовых знания — частные признаки преступления, которые может доподлинно знать только лицо, непосредственно имеющее отношение к данному событию, либо лицо, имеющее точную осве-

³ Под инсценировкой в рамках методологического подхода авторов понимается осознанная, намеренная симуляция определенных обстоятельств, переживаний, поведенческих и речевых моделей в виде фальсификации и (или) сокрытия идеальной следовой информации.

домленность о нем.

Таким образом, судебная экспертиза идеальной следовой информации имеет алгоритм выполнения трех методических задач:

- исследование потенциальной способности и актуальной возможности к адекватному отображению следов;
- исследование механизма следообразования;
- исследование содержания следов.

В завершении следует отметить, что данный методологический принцип построения экспертизы идеальной следовой информации в полной мере отвечает законодательным принципам полноты, всесторонности, объективности и научной обоснованности исследования в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Список литературы

1. Арпентьева М. Р., Макаренко И. А. Судебная и криминалистическая психологическая диагностика: методы профилирования, верификации и использования полиграфа: монография. — М.—Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, Академия Детекции Лжи, 2018. — 260 с.
2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА–М), 2000. — 990 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В. М. Лебедева. — М.: Юрайт-Издат, 2004. — 361с.
4. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года // Верховный суд РФ. — 2012. — 3 апреля. — С. 1–22.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. по делу № 5-АПУ17-2 // Верховный суд РФ. — 2017. — 9 марта. — С. 1–15.
6. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие. — М.: Гардарика, Смысл, 1998. — 192 с.

7. Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике: дис. ... канд. юрид. Наук. — Воронеж: ВГУ, 2005. — 245 с.
8. Холодный Ю. И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики. — 2008. — Вып. 1 (25). — С. 25–33; 2009. — Вып. 1 (29). — С. 50–59.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации. — М.: Эксмо, 2015. — 304 с.

УДК 343.144.5

ВЫЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И АДАПТАЦИОННЫХ РЕЗЕРВОВ ОРГАНИЗМА С ЦЕЛЮ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Мосорова Мария Алексеевна,
медицинский психолог Центра психофизиологической диагностики
«МСЧ МВД России по Свердловской области»
г. Екатеринбург;
e-mail: mosorova.m@gmail.com

Аннотация. В исследовании были использованы следующие методы: электрокардиография (ЭКГ), компьютеризированная программа для измерения сложной зрительно-моторной реакции, специальное психофизиологическое обследование с использованием полиграфа для выявления скрываемой претендентом информации.

Методами сравнительного анализа и математической статистики подтверждена указанная взаимосвязь исследуемых показателей. Подтверждается положение, что изменение адаптационных резервов организма является физиологическим показателем аддиктивного поведения в анамнезе человека.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, психодиагностика, полиграфы, проверка кандидатов.

IDENTIFICATION OF INTERRELATION OF ADDICTIVE BEHAVIOUR AND ADAPTATION RESERVES OF THE ORGANISM FOR THE PURPOSE OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL SELECTION IN LAW-ENFORCEMENT BODIES

Mosorova Maria Alekseevna,
medical psychologist of the Center of psychophysiological diagnostics
«Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
across Sverdlovsk region», Yekaterinburg

Abstract. In research the following methods have been used: an electrocardiography, computerized program for measurement of difficult visual and motor reaction, special psychophysiological inspection with use of a polygraph for detection of information hidden by the applicant.

Methods of the comparative analysis and mathematical statistics have confirmed the specified interrelation of the studied indicators. Situation is confirmed that change of adaptation reserves of an organism is a physiological indicator of addictive behavior in the anamnesis of the person.

Keywords: addictive behavior, psychodiagnostics, polygraphs, check of candidates.

Актуальность

В настоящее время изучение аддиктивного поведения личности, разработка новых методов диагностики отклоняющегося поведения и совершенствование старых методов является актуальной проблемой в России в целом и в системе Министерства внутренних дел в частности. Социально-экономические события, происходящие в последнее время в стране, приводят к росту социально-обусловленных расстройств у представителей всех слоев населения. Необходимость решать возникающие проблемы, быть ответственным в выборе своей судьбы, порождает у молодого человека страх и желание жить только сегодняшним днём. Поэтому растет количество граждан, характеризующихся отклоняющимся и зависимым поведением.

Профессиональная деятельность сотрудников полиции предъявляет повышенные требования не только к личностным качествам кандидата, но и к уровню физического и психического здоровья. С одной стороны, эмоционально

устойчивый сотрудник полиции получает удовлетворение от службы, обладает высоким уровнем работоспособности, активности, стремится к совершенствованию. С другой стороны, профессиональная деятельность связана с профессиональными перегрузками, с формированием состояний эмоциональной напряженности, которые проявляется в снижении устойчивости и вариативности психологических функций. Поэтому в рамках отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел актуальность вопроса о выявлении склонности к аддиктивному поведению приобретает особое значение.

Проблема выявления аддиктивного, или девиантного поведения является актуальной на протяжении длительного времени во многих сферах деятельности: при работе с подростками, при приеме граждан на работу, при проведении различного рода экспертиз.

Само понятие отклоняющегося поведения не является однозначным, и трактуется по-разному у разных авторов. Большинство современных исследователей дают такое определение: девиантное поведение — это такое поведение, которое противоречит принятым в обществе правилам и нормам. Оно проявляется в виде неадаптивности, несбалансированности психических процессов, нарушения процесса самоактуализации, а также в виде уклонения от нравственного контроля над собственным поведением [3]. Такое поведение приводит к углублению средовой дезадаптации и укреплению стереотипов поведения, которые связаны с нарушениями соответствующих возрасту норм и правил, которые характерны для малых подростковых социальных групп и внутрисемейных отношений [2].

Исследования показывают, что число людей, характеризующихся зависимым поведением, растет, особенно среди подростков и молодежи. В нашем исследовании мы рассмотрели такой вид аддиктивного поведения, как употребление наркотических веществ. В Российской Федерации, согласно официальным данным, число лиц с наркотической зависимостью составляет около 820 тысяч человек, 70% из которых моложе 25 лет [4]. Экспертные оценки показывают, что реальная их численность в несколько раз выше. Наркомания в России «мо-

лодеет» — 84% из числа таких лиц признаются, что впервые попробовали наркотики до 15 лет [7].

Выявление людей с девиантным поведением является особенно важным вопросом при отборе на службу в органы внутренних дел. Наряду с неблагоприятными демографической ситуацией, неудовлетворительным состоянием физического здоровья подрастающего поколения, употребление наркотических веществ привносит с собой антисоциальную направленность деятельности, приводящую к обострению криминальной обстановки, что затрудняет выполнение задачи по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Лица, поступающие в органы внутренних дел и кандидаты на учебу в образовательные учреждения МВД России и имеющие деструктивные формы поведения и психические расстройства, оказывают дискредитирующее влияние на граждан и на средства массовой информации, выполняющие свои публикации об органах внутренних дел, потенциально являются с одной стороны «носителями вредных привычек», вовлекающих в свой круг все новых и новых потребителей психоактивных средств, с другой стороны их зависимость от наркотических и токсических веществ может являться основой для привлечения таких лиц в интересах действий криминальных группировок (передачи оперативной информации, вовлечение в незаконный оборот наркотиков и др.).

С 2015 г. в центрах психофизиологической диагностики системы МВД России выявление аддиктивного поведения проводится в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 6 декабря № 1259 [5] и Приказом МВД России от 25 декабря 2014 г. № 1130 [6].

В связи с этим, кандидаты на службу в органы внутренних дел в центрах психофизиологической диагностики в обязательном порядке выполняют ряд заданий по психодиагностическим методикам, а также проходят психофизиологическое обследование, электрокардиографию и специальное психофизиологическое обследование с применением полиграфа.

В центре психофизиологической диагностики ФКУЗ «МСЧ МВД России по Свердловской области» ведется исследовательская работа, направленная на

разработку новых методов диагностики отклоняющегося поведения, а также на совершенствование старых методов работы. Специалистами центра за 1 полугодие 2017 года проведено обследование 2837 человек. Из них основной контингент составляет 2361 человек (кандидаты на службу и учёбу в образовательные учреждения МВД России), прочий контингент — 476 человек (кандидаты на службу и учёбу в образовательные учреждения МЧС России, Судебный департамент, кандидаты на службу в Национальную гвардию России и др.).

Среди 1038 кандидатов на службу факторы девиантного поведения составили (см. рисунок 1):

- склонность к немедицинскому потреблению наркотических веществ — 173 человека (каждый 6-ой кандидат);
- склонность к злоупотреблению алкоголем — 84 человека (каждый 12-ый кандидат);
- склонность к суицидальным действиям- 37 человек (каждый 28-ой кандидат).

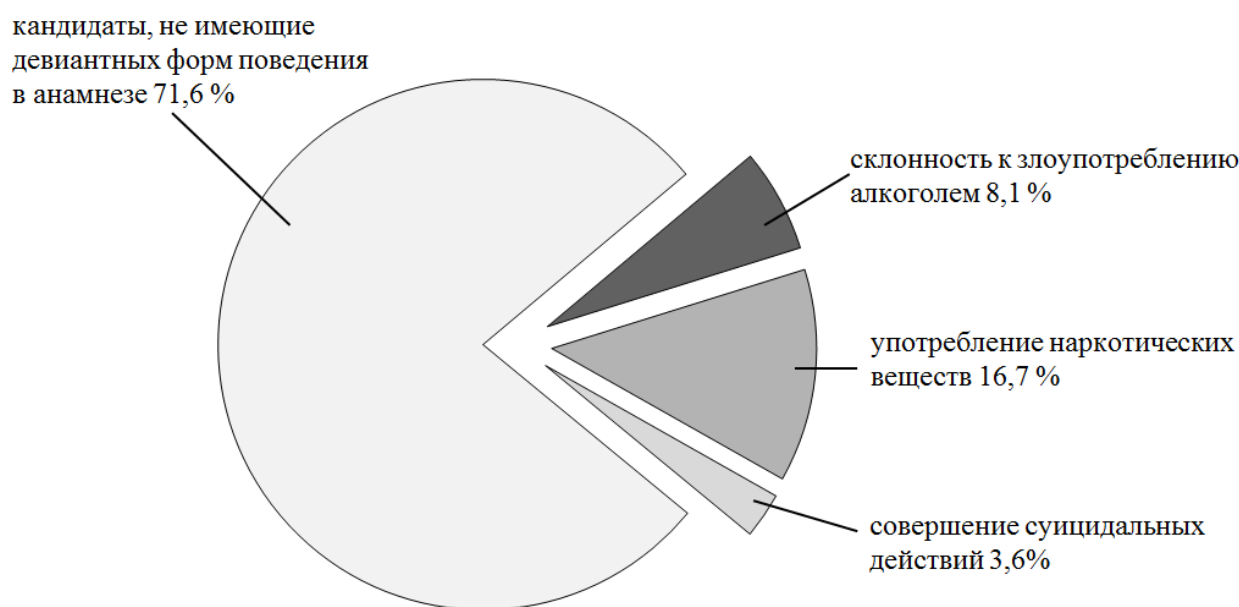

Рисунок 1. Распределение факторов девиантного поведения у кандидатов на службу (в %)

Исходя из полученных нами результатов видно, что количество кандидатов, склонных к немедицинскому потреблению наркотических веществ, превышает количество кандидатов с другими факторами риска, даже вместе взятыми.

Это показывает, насколько важно изучать особенности и характеристики лиц, склонных к употреблению психотропных веществ.

Методы исследования

Основной проблемой в диагностике наличия аддиктивного поведения у кандидатов на службу является доступность информации — в большинстве случаев человек приходит на обследование «подготовленным», он уже ожидает вопросов, связанных с употреблением наркотических веществ, и почти всегда считает, что положительный ответ на данный вопрос не позволит ему получить желаемую должность. Поэтому важность в разработке не тестовых методов обследования, возрастает.

Формирование аддиктивного поведения приводит к развитию психической зависимости, а при дальнейшем течении аддикции — и к физической зависимости, что сопровождается изменением системы отношений личности в обществе, напряжением адаптационных механизмов и истощением большинства функциональных систем организма, прежде всего вегетативной нервной системы. Сердечно-сосудистые, дыхательные и сенсомоторные показатели также изменяются при воздействии психоактивных веществ. По выраженности вегетативных реакций нередко можно судить о глубине психофизиологических и эмоциональных сдвигов.

Современная медицина предоставляет широкий спектр технологий оценки функциональных резервов организма. Выбор тех или иных методов обследования определяется поставленными задачами и имеющимися силами и средствами для их реализации: скоростью и трудоемкостью получения данных, их информативностью, надежностью, уровнем квалификации специалистов и материально-техническим оснащением.

Под функциональными резервами организма большинство специалистов подразумевает потенциальную способность человека обеспечивать свою жизнедеятельность в необычных или экстремальных условиях [1]. Величина функциональных резервов определяется быстро мобилизуемыми (без долгосрочной адаптации) информационными, энергетическими и метаболическими ресурса-

ми. Предельные психофизические нагрузки нередко отражаются на состоянии центральной нервной системы и приводят к развитию перенапряжения возбудительного, тормозного процессов или их подвижности, что сказывается на деятельности сердечной мышцы. Поэтому электрокардиографическое обследование в состоянии покоя, являясь чувствительным индикатором состояния сердечной мышцы, дает возможность регистрировать текущее состояние адапционных процессов и неблагоприятные последствия нервно-физического перенапряжения. В данном исследовании мы оценивали показатели электрокардиографического обследования следующим образом:

- 0 баллов — норма;
- 1 балл — наличие синусовой аритмии с вариацией смежных RR-интервалов на 20% и более.

Двигательные реакции также отражают функциональные возможности нервной системы. Сложной зрительно-моторной реакцией (СЗМР) — (или реакцией различения) обозначают реакцию, которая производится в условиях, когда обследуемый должен реагировать только на один из двух предъявляемых сигналов (звуковых, зрительных и т. д.), а ответное действие совершается только на один из них (заранее определенный, «стимулирующий» сигнал).

Для оценки СЗМР обследуемого используются следующие ее показатели:

- время реакции;
- стабильность;
- количество ошибок (ошибкой является неправильное ответное действие на стимул).

Каждый из параметров оценивался от 1 до 7 баллов.

Наличие значительного количества ошибок свидетельствует о том, что у обследуемого снижена подвижность процессов возбуждения и торможения в центральной нервной системе, обеспечивающих произвольные двигательные реакции. Этот фактор является неблагоприятным. Так как среднее число ошибок среди обследованных составляет $0,7+0,4$, то при наличии 2-х и более ошибок после проведения повторного исследования методом СЗМР, другие показа-

тели этой реакции рассматривать нецелесообразно, так как высока вероятность наличия невротического состояния, других латентно протекающих психических расстройств, эмоциональной лабильности.

Для подтверждения наличия девиантного поведения в анамнезе у всех испытуемых нашего исследования было проведено специальное психофизиологическое обследование с применением полиграфа. Тестирование проводилось с использованием полиграфного устройства модели «Диана-04». При этом отслеживалась динамика психофизиологических реакций обследуемого в ответ на предъявляемые (вопросы) стимулы за счет перевода физиологических показателей активности дыхательной, сердечно-сосудистой системы, электрической активности кожи и др. в электрические сигналы, отображаемые в виде графиков на экране монитора, в совокупности образующих полиграмму.

Полученная с помощью специального психофизиологического обследования с применением полиграфа информация оценивалась по следующим критериям таким образом:

- если человек никогда не употреблял наркотические вещества, или употреблял их однократно более 3-х лет назад, такой результат оценивался в "0" баллов;
- если человек употреблял наркотические вещества неоднократно или менее 3-х лет назад, результат оценивался в «1» балл.

Анализ результатов

В качестве испытуемых данного исследования выступили кандидаты, проходящие обследование в центре психофизиологической диагностики МВД с целью установления психологической пригодности кандидата к службе в органах внутренних дел. Обследованы кандидаты в количестве 130 человек (80 мужчин и 50 женщин). Средний возраст испытуемых среди мужчин 23–24 года, 30% из г. Екатеринбурга, 70% из других городов Свердловской области. Среди женщин средний возраст 24–25 лет; 30% также проживают в г. Екатеринбурге, 70 % — в других городах области.

Для статистической обработки результатов использовался коэффициент корреляции Пирсона, позволяющий выявить взаимосвязь между показателями

сложной зрительно-моторной реакции, показателями электрокардиографии и результатами полиграфного обследования. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Корреляция между физиологическими показателями
и результатами полиграфного обследования**

Показатель	Коэффициент корреляции Пирсона
время сложной зрительно-моторной реакции	0,04
стабильность СЗМР реакции	-0,37**
количество ошибок СЗМР	0,12
результаты электрокардиографии	0,19*

В ходе проведенного исследования было выявлено, что коэффициент корреляции между стабильностью сложной зрительно-моторной реакции и случаями употребления наркотических веществ является статистически значимым для 1-го, 2-го и 3-го уровня значимости; при этом корреляция является отрицательной. Т. е. чем ниже уровень стабильности реакции, тем выше вероятность того, что человек употреблял наркотические вещества неоднократно или менее 3-х лет давности.

Между результатами кардиографии и случаями употребления наркотических веществ также коэффициент корреляции является значимым, но только для 1-го уровня значимости.

Для остальных показателей корреляции с употреблением кандидатами наркотических веществ не было выявлено.

Выводы

Полученные в ходе нашего исследования результаты указывают на взаимосвязь потребления наркотических веществ с неудовлетворительной адаптацией, снижением функциональных резервов организма. Такие изменения рассматриваются как неспецифическое звено в развитии заболеваний и могут быть обозначены как преморбидные, предпатологические.

Снижение функциональных резервов организма снижает уровень успеш-

ной адаптации к физическим и психоэмоциональным нагрузкам, являющихся следствием воздействия на организм различных факторов внешней среды.

Особую значимость психофизиологические резервы имеют для выполнения разнообразных профессиональных задач военной и правоохранительной службы, так как функциональное состояние военнослужащих и сотрудников, реализующих эти задачи, непрерывно изменяется под влиянием неблагоприятных факторов внешней среды, особенно при воздействиях экстремального характера.

Список литературы

1. Выявление факторов «группы риска» при профессиональном отборе и медико-психологическом сопровождении личного состава органов внутренних дел Российской Федерации: методические указания. — М.: Департамент кадрового обеспечения и Департамент тыла МВД России, 2008.
2. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Психосоциальная аддиктология. — Новосибирск: Изд. НГПУ, 2001.
3. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология: учебное пособие для вузов. — Изд. 5-е. — М: МЕДпресс-информ, 2005.
4. Наркомания в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Наркомания_в_России.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 г. Москва «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации».
6. Приказ МВД России от 25 декабря 2014 г. №1130 «Об утверждении методик выявления злоупотребления алкоголем или токсическими веществами, потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ, склонности к совершению суицидальных действий, а также критериев оценки результатов комплексного обследования, направленного на их выявление».
7. Семенова О. Ю. Психофизиологические и психологические особенности подростков с риском разных видов аддикций: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 2012.

УДК 37.015.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Шарипова Наталья Александровна,
магистрант 3 года обучения по направлению
«Детская и возрастная психология»
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
г. Екатеринбург;
e-mail: nasha2121@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы психологической безопасности образовательной среды, особенности её рассмотрения применительно к высшим учебным заведениям. Фокус внимания направлен на выявление взаимосвязи личностных и социально-психологических характеристик субъектов образовательного процесса с восприятием психологической безопасности образовательной среды.

Ключевые слова: психологическая безопасность, образовательная среда, эмоциональный интеллект, толерантность.

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Sharipova Natalya Aleksandrovna,
undergraduate 3 years of training in the «Children's and Age Psychology» direction
Ural state pedagogical university, Yekaterinburg

Abstract. In article problems of psychological safety of the educational environment, feature of consideration in relation to higher educational institutions are discussed. Focus of attention is directed to identification of interrelation of personal and social and psychological characteristics of educational process subjects with perception of psychological safety of the educational environment.

Keywords: psychological safety, educational environment, emotional intelligence, tolerance.

В настоящее время много внимания уделяется проблемам образования. Содержание образовательного процесса, цели и результат обучения переосмысливаются и изменяются, согласно духу времени. Модернизация системы образования, имеющая своей целью повышение качества образовательного процесса, улучшения его организации путём оптимизации способов преподавания и применения новых технологий, влекут за собой изменения образовательной среды. Перемены в области предъявляемых требований и трансформация межличностного взаимодействия участников образовательного процесса и некоторые современные тенденции (рост конкуренции; усиление негативного влияния массовой культуры, в частности, активное распространение СМИ сообщений и видео с различными вариантами конфликтного, деструктивного взаимодействия и т. п.), нередко создают ощущение нестабильности. Всё это может приводить к социальной дезадаптации, снижению уровня удовлетворённости настоящим, неуверенности в будущем, возникновению тревоги и страхов, снижению устойчивости к неблагоприятным воздействиям.

Система образования является одним из тех социальных институтов, который способен нейтрализовать ощущение незащищённости перед окружающим миром путём создания среды, благоприятной для формирования и функционирования адекватной информационно-ориентировочной основы поведения человека в социуме и жизнедеятельности в условиях современного общества. Разработкой идей развития образовательной среды занимаются многие отечественные (В. А. Ясвин, С. Д. Дерябо, В. И. Слободчиков, И. А. Баева, Б. Д. Эльконин, В. В. Рубцов и др.), и зарубежные исследователи (К. Роджерс, У. Бронфенбреннер, К. Левин и др.). Все исследователи отмечают наличие тесной взаимосвязи между показателем психологической безопасности и эффективностью процесса обучения. (И. А. Баева, Т. С. Кабаченко, Г. Ю. Авдиенко, Г. В. Грачев, Т. Н. Березина и др.). По А. Маслоу именно поддерживающая среда является

для среднестатистического индивида одним из первейших факторов самоактуализации и здоровья.

Психологическая безопасность образовательной среды школы становится объектом исследования чаще, чем данный аспект в высших учебных заведениях, хотя там также присутствуют факторы риска негативных воздействий психологического, информационного, социального характера [2]. К тому же, необходимо отметить, что учебный процесс и взаимоотношения субъектов образовательной среды ВУЗа имеют некоторые отличительные особенности. География поступающих в высшие учебные заведения широка. Каждый из них несёт с собой воспитательные традиции своей культуры, школы, свои представления о характере взаимодействий между людьми, этнорелигиозные убеждения и ценности. Таким образом, ВУЗ может выступать определенной моделью взаимоотношений, актуальных для характеристики современного социума в целом.

Психологическая безопасность образовательной среды является объектом многих исследований. Однако нельзя сказать, что тема полностью изучена. Усложнение общества и его дифференциация ведут к увеличению спектра угроз. С этой точки зрения пространство ВУЗа является лакмусовой бумагой тех рисков, которым подвергается/будет подвергаться любая организация в настоящее время.

Так как безопасность является неотъемлемым атрибутом всех уровней общественной организации, происходит расширение смысла этого понятия. Он варьирует в зависимости от характера угроз нормальному функционированию той или иной сферы жизнедеятельности [2]. Отсутствие конкретизации и ясности отношений между ключевыми понятиями, характеризующими то или иное явление приводит к «терминологической путанице». Следует обратить внимание на терминологическую неустойчивость и вариативность трактовки понятия «безопасность» с разных позиций. Субъектная природа феномена безопасности представляет основную трудность его рассмотрения, так как предполагает наличие разных точек зрения из-за возможной несхожести мировоззренческих убеждений, и именно в силу различий субъективных оснований одному и тому же событию может придаваться порою противоположный смысл.

Г. А. Атаманов призывает исследователей отойти от стереотипных подходов и расплывчатых формулировок («состояние защищённости» и т.п.) и трактовки «безопасности вообще», безотносительно объекта безопасности и его характеристик [1].

Многовариантность средовых условий, с одной стороны, и субъективность их восприятия с другой, затрудняют поиск общих оснований для формулирования определения психологически безопасной образовательной среды. Тем не менее, в центре всех исследований, касающихся данной темы стоит чувствующий, мыслящий, делающий человек, взаимодействующий с другими людьми. Поэтому выявление внутриличностных характеристик, влияющих на психоэмоциональное субъективное восприятие психологической безопасности, является важным для прояснения сущности проблемы.

В качестве ключевого понятия, описывающие внутриличностные условия безопасности общения и взаимодействия человека в среде мы, вслед за Е. С. Ивановой [5], подчеркивающей рост коммуникативного компонента в современных профессиях, выделяем эмоциональный интеллект. Взаимодействие, взаимопонимание, принятие другого, принятие иной точки зрения предполагают необходимость наличия коммуникативных навыков. Одной из составляющих значимых составляющих успешности в общении, обеспечивающей безопасные и эффективные коммуникации, является эмоциональный интеллект [4].

Нетерпимость, агрессия, неприятие, излишняя самоуверенность являются показателями интолерантного отношения к действительности. Толерантность — многоплановый феномен. Помимо установки на достижение согласия с другими и с миром, толерантность можно рассматривать, как качество личности необходимое для успешной адаптации к постоянно меняющимся условиям. Образовательная среда ВУЗа призвана готовить молодых специалистов, от которых требуется не только овладение системой теоретических знаний и освоение профессиональных компетенций, но и способность принимать решения, брать на себя ответственность, умение работать в коллективе. В условиях, когда такие риски как конкуренция, стресс, интенсификация взаимодействия становятся нормой

человеческого бытия, такое качество личности как толерантность к неопределённости приобретает особую актуальность. От условий среды, социально-психологического климата в студенческой группе, в образовательном учреждении в целом, во многом зависят и адаптация к процессу обучения в ВУЗе, и формирование мотивации профессионального становления. Исследование влияния эмоционального интеллекта и толерантности к неопределённости на субъективное восприятие психологической безопасности образовательной среды ВУЗа представляется одним из необходимых аспектов на пути решения задачи изучения внутренних и внешних детерминант безопасности в современном обществе.

В данной работе будет представлен эмпирический опыт исследования заявленной проблематики.

Эмпирическая база исследования: общий объём выборки составил 133 человека. Из них: 90 студентов; 23 преподавателя разных ВУЗов; 20 родителей студентов высших учебных заведений.

Для проверки связи между субъективным восприятием психологической безопасности образовательной среды ВУЗа и внутриличностными характеристиками (уровень эмоционального интеллекта и толерантность к неопределённости) были выбраны следующие методики:

1. Методика И. А. Басовой «Психологическая безопасность образовательной среды» [3];
2. Методика Ф. Фидлера «Оценка психологической атмосферы и межличностных отношений в коллективе»;
3. Методика «Шкала толерантности к неопределённости МакЛейна» в обработке Е. Н. Осина [6];
4. Методика Д. В. Люсина — опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн»;
5. Анкета-опросник, включающая 11 пунктов, направленных на субъективную самооценку респондентами различных аспектов коллектива, взаимоотношений, атмосферы в ВУЗе.

Рассмотрим результаты анкетирования. Описательный анализ данных пока-

зал, что преподаватели чувствуют себя менее защищёнными, чем другие субъекты образовательной среды. Можно предположить, что это детерминировано высоким уровнем ответственности, так как именно от преподавателей ждут организации условий для развития способностей и реализации возможностей обучающихся, таким образом, именно на них приходится основной массив рисков, связанных с постоянной динамикой образовательной среды, в которой они выступают своеобразным буфером между вызовами современности и инертностью процессов реагирования и перестройки других участников обучения (студенты, родители).

При анализе средних значений удовлетворённости характеристиками образовательной среды в трех группах респондентов обнаружено, что преподаватели также наименее удовлетворены образовательной средой вуза с точки зрения функционирования ее компонентов.

Для проверки гипотезы о наличии связи между внутриличностными характеристиками и психоэмоциональным субъективным восприятием психологической безопасности образовательной среды мы использовали построение матриц корреляции.

В студенческой выборке обнаружена умеренная корреляционная связь между всеми показателями индекса толерантности с показателем эмоционального интеллекта — «управление своими эмоциями». При этом показатель «толерантность к неопределённости» имеет умеренную корреляцию с показателем «уровень защищённости».

Корреляционная матрица выборки преподавателей показывает, что большинство показателей индекса толерантности связаны практически со всеми компонентами эмоционального интеллекта. Удовлетворённость характеристиками среды тесно коррелирует с оценкой уровня защищённости. Эта оценка связана с показателями индекса толерантности: «отношение новизне», «отношение к сложным задачам», «толерантность к неопределённости». Показатель «удовлетворённость характеристиками образовательной среды» отрицательно коррелирует с компонентами межличностного эмоционального интеллекта, а показатель «уровень защищённости» с показателем внутриличностного эмоци-

онального интеллекта — «понимание своих эмоций». Получается, что чем выше уровень понимания своих и чужих эмоций, тем более требователен человек к характеристикам образовательной среды, тем более он уязвим к нелогичности, хаотичности и непрогнозируемости вектора происходящих перемен.

В выборке родителей выявлены тесные корреляционные связи между компонентами эмоционального интеллекта и компонентами толерантности к неопределённости. Обращает на себя внимание отрицательный знак множества из этих связей. В особенности между показателями внутриличностного эмоционального интеллекта и показателями «индекса толерантности к неопределённости», то есть положительное отношение к постоянно меняющемуся миру опирается на игнорирование собственных чувств. Также показательна отрицательная корреляционная связь между индексом толерантности к неопределённости и отношением к образовательной среде. Иными словами, толерантность в условиях образовательного учреждения становится безразличием, отчуждением от среды и ее участников.

Сравнив выборки на предмет их различий, мы обнаружили статистически значимые по критерию F-Фишера различия между выборками по компонентам эмоционального интеллекта, индекса толерантности и отношения к образовательной среде ВУЗа. Выявив в выборках тенденции значимых различий между группами с высоким и средним уровнем эмоционального интеллекта с характеристиками удовлетворённости образовательной среды, а также между группами с положительным и отрицательным индексом толерантности к неопределённости с оценкой уровня защищённости, мы решили проверить сохраняются ли эти тенденции в объединённых по этим признакам выборках.

Сделав перегруппировку, мы сформировали выборки по признаку уровень эмоционального интеллекта (высокий и средний), куда вошли представители всех трёх основных выборок. Здесь статистически значимые различия (уровень значимости 0,95 по критерию F-Фишера) обнаружены в показателях индекса толерантности: «отношение к неопределённой ситуации» и «толерантность к неопределённости». Сравнение средних значений позволяет сделать вывод, что у людей с высоким уровнем эмоционального интеллекта выше уровень индекса

толерантности к неопределённости.

Перегруппировав представителей всех выборок по признаку индекс толерантности к неопределённости (положительный и отрицательный), мы обнаружили статистически значимые по критерию Фишера различия (уровень значимости 0,95) по показателям «понимание чужих эмоций» (МП), «управление своими эмоциями» (ВУ), «внутриличностный эмоциональный интеллект» (ВЭИ), «управление эмоциями» (УЭ), «общий уровень эмоционального интеллекта (ОУЭИ), «оценка уровня защищённости».

Сравнив средние значения этих параметров, мы обнаружили, что те испытуемые, у кого отрицательное значение индекса толерантности, считают себя менее защищёнными, а также имеют более низкие значения показателей эмоционального интеллекта.

Выявленные взаимосвязи и различия в сравниваемых группах дают основание сделать вывод о подтверждении нашей гипотезы о наличии связи между внутриличностными характеристиками и психоэмоциональным субъективным восприятием психологической безопасности образовательной среды. В целом, интолерантность связана с ощущением незащищённости и при этом сопровождается высокими показателями эмоционального интеллекта, особенно в части его внутриличностных компонентов. Эти результаты крайне важны, т. к. развитие эмоционального интеллекта является важным приоритетом во многих исследованиях [5], однако, это может порождать нарастание интолерантности в социуме. Таким образом, современная личность в условиях динамичной организационной среды с постоянно меняющимися характеристиками оказывается перед выбором: либо быть чувствующей, эмоционально разнообразной, успешной, но нетолерантной, либо подстраиваться под различные мнения, уступать противоречивым требованиям, но в таком случае терять навыки саморегуляции, размывать коммуникативные стратегии, провоцируя конфликты и неуспешность в итоговом варианте.

Наличие корреляции между личностными и социально-психологическими характеристиками субъектов образовательного процесса ВУЗа и восприятием уровня защищённости, поднимает вопрос о необходимости усиления службы психоло-

гического сопровождения субъектов образования в высших учебных заведениях.

В ходе исследования обнаружены феномены, требующие более детального изучения. А именно: интересными направлениями для исследования представляются: рассмотрение вопроса о восприятии психологической безопасности образовательной среды ВУЗа студентами с ограниченными возможностями здоровья; поиск различий восприятия уровня защищённости между группами студентов разных форм обучения. Понимание механизма взаимовлияния средовых и внутриличностных компонентов будет способствовать созданию гармоничного, эффективного и психологически безопасного образовательного пространства.

Список литературы

1. Атаманов Г. А. Ключевая проблема исследования феномена безопасности в современной России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <file:///C:/Users/Mvideo/Downloads/klyuchevaya-problema-issledovaniya-fenomena-bezopasnosti-v-sovremennoy-rossii.pdf> (дата обращения: 15.08.2017).
2. Баева И. А. Психологическая характеристика образовательной среды: диагностика и оценка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://lib.herzen.spb.ru/text/baeva_3_16_26.pdf (дата обращения: 20.03.2017).
3. Баева И. А. Психология безопасности: история, становление, перспективы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vash-psiholog.info/nats/20154-psixologiya> (дата обращения: 12.03.2017).
4. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / пер. с англ. А. П. Исаевой. — 4-е изд. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 544 с.
5. Иванова Е. С. Половозрастные особенности эмоционального интеллекта и его структурных компонентов // Образование и наука. Известия УРО РАО. — 2011. — № 7. — С. 65–74.
6. Осин Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределённости Д. МакЛейна [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/67229740> (дата обращения 17.06.2017).

УДК 343.982.4

ГРАФОЛОГИЯ КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ВЕРИФИКАЦИИ ЛЖИ

Щербатых Анна Владимировна,
полиграфолог, графолог, г. Екатеринбург;
e-mail: Ubp.su@yandex.ru.

Аннотация. Обсуждаются вопросы соотношения признаков стресса в речи, мимике и поведении с маркерами, проявляющимися в почерке. Приводятся примеры использования израильского опыта графологов при работе с подозреваемыми лицами. Делается вывод об эффективности применения графологических техник для выявления причастных лиц.

Ключевые слова: графология, почерк, признаки лжи, ложь.

GRAPHOLOGY AS ONE OF METHODS OF LIE VERIFICATION

Scherbatych Anna Vladimirovna
polygraphologist, handwriting expert, Yekaterinburg

Abstract. Issues of a ratio of stress symptoms in speech, mimic and behavior are discussed with the markers which are shown in handwriting. Examples of using the Israeli experience of handwriting experts are given during the work with the suspected persons. The conclusion about efficiency of application graphological techniques for identification of involved persons is drawn.

Keywords: graphology, handwriting, lie signs, lie.

Графология — это наука, изучающая связь почерка с характером человека, его способностями и эмоциональным состоянием. Исследуя отдельные элементы почерка и подписи, графологи могут составить подробный психологический портрет личности.

Всем известно, что полиграф не является тем самым «детектором лжи» как его называют обыватели. При помощи полиграфа выявляются физиологические реакции, которые появляются в связи с определенным эмоциональным состоянием человека при узнавании фактов среди различных перечисленных, с концентрацией внимания на «опасных» темах — все это реакции на некий стресс, который испытывает человек, в том числе и скрывая информацию. То же самое касается и проявления поведенческих реакций человека, того, как он ведет себя во время беседы, как изменяются его речь, жесты, мимика. И подобные же изменения претерпевает почерк человека.

Не зря еще в начале прошлого века графолог-эксперт Д. Зуев-Инсаров сравнил почерк человека с полиграфом, назвав почерк «...проекцией нашего сознания в форме определенного рода фиксированных движений» [2].

Уже давно изучено, что существует связь между активностью мозга и мелкой моторикой. Русский физиолог и психолог И. М. Сеченов писал: «Всякое представление, возникающее в психике, любая тенденция, связанная с этим представлением, заканчиваются и отражаются в движении» [3]. Характер движений зависит от произвольного напряжения тех или иных мышц, что в свою очередь напрямую связано с особенностями психического состояния человека. А состояние человека является как общим, так и ситуативным. Как и в невербальных проявлениях, так и в почерке мы можем увидеть, как общий эмоциональный фон личности, так и определенные признаки именно ситуативного эмоционального изменения.

На протяжении нескольких лет многими специалистами полиграфологами и графологами проводилась верификация лжи по почерку при помощи, специально составленной объяснительной, которая использовала сравнение зон текста: нейтральной и проверочной. При этом считалось, что наиболее эффективно данное исследование проводить в качестве залегендированной под обычную объяснительную о происшедшем, т. е. исследуемые не знали, что их объяснительные будут анализировать с целью выявления ложной информации.

Израильские же графологи используют свою технику проведения графологической проверки в расследовании преступлений [1].

Первое с чего израильские графологи начинают исследование — это с психологической работы с исследуемыми. Проводится беседа, во время которой дается психологическая установка о том, что осуществляется графологическое исследование того текста, который человек напишет о происшествии. При этом сообщаем, что человек может контролировать *что* он пишет, но невозможно контролировать *как* он пишет, т.к. рукописное письмо у взрослых людей — это навык и, приобретя его, мы пишем «не рукой, а мозгом». При помощи данного исследования обязательно выявится виновный, т. к. срабатывают неосознанные физиологические процессы, которые проявятся в ускользающих от влияния и контроля человеком движениях и микропроявлениях. Таким образом, реализуется аналог предтестовой беседы, которую по стандарту проводят полиграфологи перед тем как тестировать обследуемого.

Затем графолог просит написать в свободной форме о произошедшем событии, о том, как они видят его своими глазами. Затем производится первичный анализ текстов, во время которого отсеиваются те, у которых нет явно выделяющихся признаков.

Анализируя оставшиеся тексты, графологи выбирают из них значимые, так или иначе выделяющиеся слова или фразы, которые затем диктуются исследуемому. Также из этих слов можно составлять более провокативные фразы, чтобы вызвать определенную реакцию. Иногда практикуется даже составление текста в обвинительной форме именно для того, чтобы исследовать те ключевые фразы по сравнению с контрольным обвинительным текстом.

Используя израильский опыт, мы начали проводить исследования в двух направлениях: с одной стороны, проведение привычного письменного опроса по форме, но с предварительной психологической установкой. С другой стороны, исследование выделяющихся слов и фраз в тексте рукописного добровольного согласия на полиграфную проверку или написанных объяснительных писем после исследования на полиграфе.

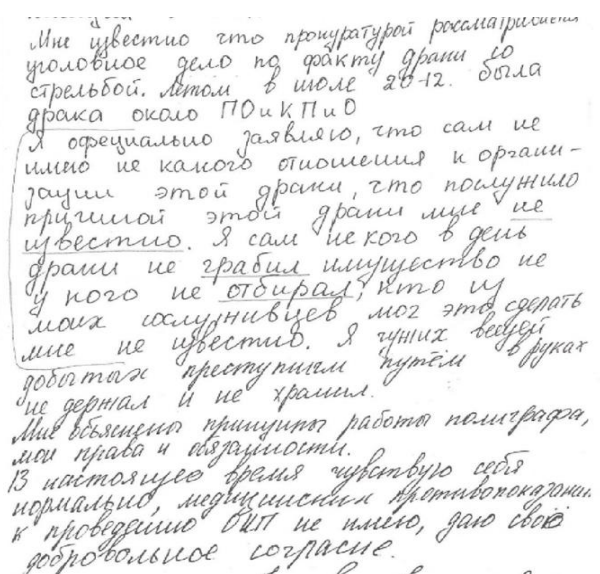
Рассмотрим признаки лжи (стресса) в почерке.

Во время передачи ложной информации в рукописном тексте человек как бы борется на «двух фронтах»: с одной стороны — это контроль того, что он пишет,

т. е. когнитивный уровень; с другой — поведенческий уровень, т. е. когда необходимо сохранять такое состояние, которое никак бы его не выдало, не показало дискомфорт, волнение.

Сравнивая поведенческие паттерны с признаками лжи в почерке, можно заметить схожесть признаков. Для лжеца важно сохранять контроль над словами и движениями, особенно в ситуации, когда он подозревает, что за ним наблюдают и анализируют. Такой человек старается избегать неконтролируемых спонтанных движений, пытается держать под усиленным контролем проявление эмоций, демонстрируя так называемый «покер-фейс», сопровождающийся минимальными проявлениями мимики или она вычурно наиграна. Речь становится замедленной, т.к. происходит контроль выдаваемой информации. Мы можем также заметить противоречия между эмоциональными проявлениями и сообщаемой информацией, между тем, что человек говорит и тем, что и как он показывает при помощи жестов (исчезновение иллюстраторов, двойные послания, жестовые оговорки).

Рассмотрим, как это проявляется в почерке. Во-первых, мы видим признаки замедления в почерке, такие как изменение наклона в сторону центра, буквы становятся слишком выписаны, почерк становится более раздельным, увеличивается нажим. На рис. 1 следует обратить внимание на проверочную зону, где есть явные признаки замедления и выписанности текста и отдельных слов.

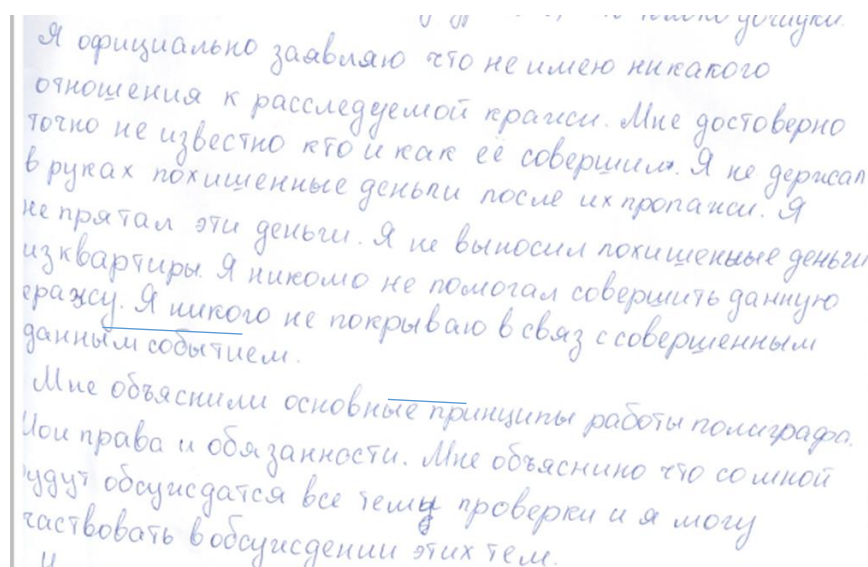

Мне известно, что прокуратурой рассмотрено уголовное дело по факту драки со стрельбой. Атаки в июле 2012. Была драка около ПТОиП. Я официально заявляю, что сам не имею никакого отношения к организации этой драки, что получил по приговору этой драки мне не известно. Я сам не кого в день драки не грабил имущество не у кого не отбирал, кто у моих коллег-вице мог это сделать мне не известно. Я чужих вещей добротой преступными путями не держал и не хранил. Мне было принято решение наказать, мои права и ответственности. В настоящее время чувствую себя нормально, медицинский противоопиоидный препарат не использую, даю свое добровольное согласие.

Рисунок 1. Пример изменения почерка лжеца

На рис. 2 пример ярко выраженных признаков когнитивного контроля, который

не дал возможности распределить этот контроль на все параметры. Данная обследуемая писала очень медленно, выписывая каждую букву, контролируя формы букв, но при этом допустила достаточно большое количество исправлений, ошибок, описок и несмотря на то, что было четко сказано, чтобы все писали в своем роде, она писала ровно так, как производилась диктовка текста, т. е. в мужском роде.

**Рисунок 2. Пример почерка и ошибок при написании
искаженной информации под диктовку**

Во-вторых, появляется искусственная форма написания букв, приближение к стандартному почерку, как в прописях. К почерку добавляются неожиданные явления, такие как искаженные повороты, придуманные элементы букв, которые раньше не появлялись.

Также можно заметить признаки усиленно напряжения при написании текста или отдельных слов, например, изменяется расстояние между буквами внутри слова с тенденцией к тесноте, штрих более напряженный, жирный с сильным нажимом. Части округлых элементов букв становятся «поломанными» или «дрожащими». Организация текста на листе становится неполноценной: петляющие поля, появляются восходящие или нисходящие строки, интервалы между словами и буквами внутри слова становятся непостоянными, изменчивыми.

На рис. 3 представлен пример, к котором можно заметить, насколько нечитабельными стали те слова и фразы, которые данное лицо хотело бы скрыть).

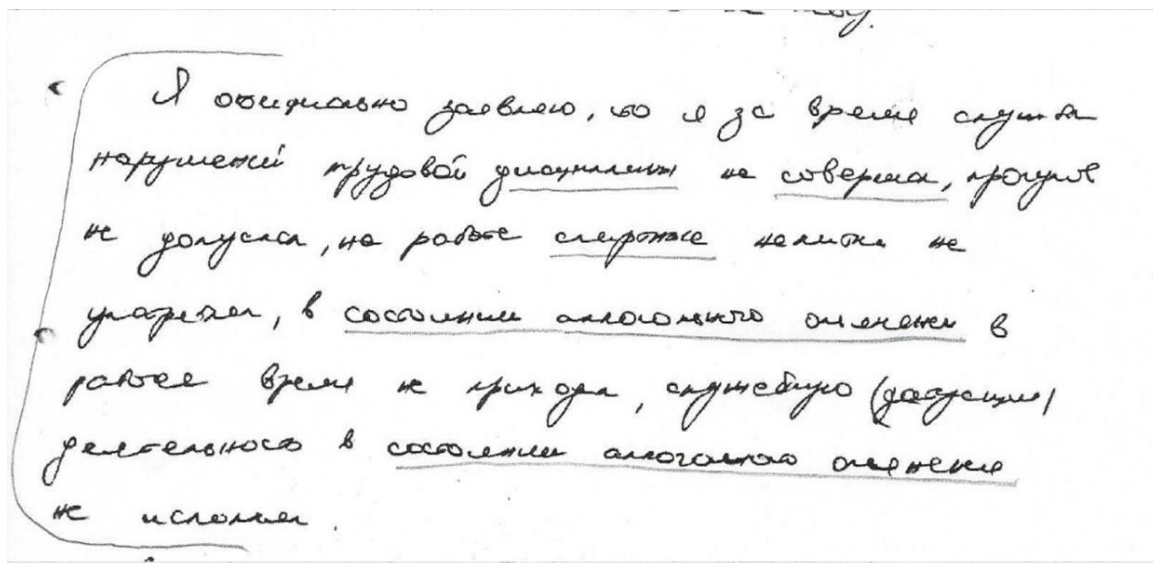

Рисунок 3. Изменение разборчивости почерка при искажении

Такой паттерн как чувство вины, тревоги, страх разоблачения проявляется в поведении как дистанцирование объекта от верификатора, человек отводит взгляд, голова опущена, появляются закрытые позы, выстраиваются барьеры. Графологически это может проявляться следующим образом: в тексте появляются много пустот, т. Е. расстояние между словами увеличивается. Изменяется расположение полей: конечные (правые) поля становятся больше или расширяются. А начальные (левые) поля наоборот сужаются или становятся петляющими, как показано на рис. 4.

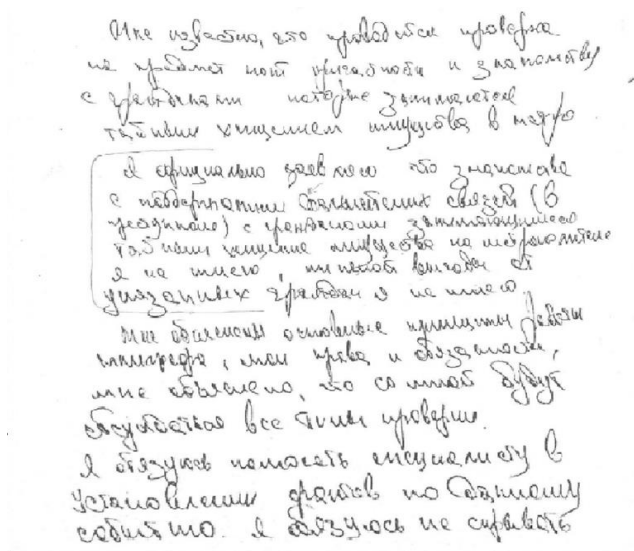

Рисунок 4. Расширение начального (левого поля), сужение расстояния между словами и буквами, наличие лишних элементов

Если рассмотреть обман как сложный когнитивный процесс, сложную ин-

теллектуальную задачу, требующую повышенной умственной деятельности, то поведенчески это проявляется в виде более долгим обдумыванием ответа, появлением оговорок в речи, ошибок, заиканием, запинками, нелогичными остановками в речи. В почерке мы можем заметить подобные же признаки: увеличивается количество исправлений, описок, неграмматических ошибок. Появляется много зачеркиваний, буквы как будто «приклеиваются» друг к другу, т. е. нет никакого соединительного элемента между буквами. Остановки проявляются в виде изменчивых интервалах, негармоничном сочетании медленного и взвешенного почерка с признаками скорости и комбинаторности, как показано на рис. 5.

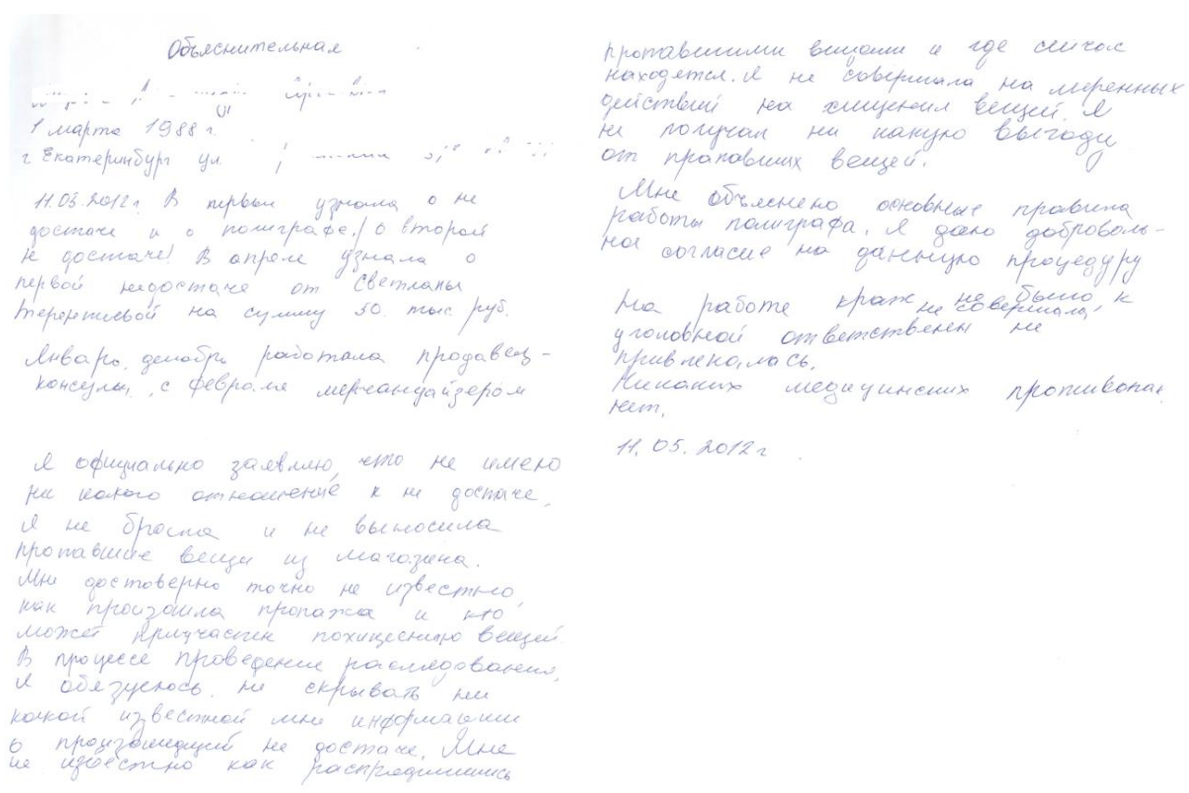

Рисунок 5. Проявление когнитивных искажений в почерке

В данном примере очень ярко выражены те признаки о которых писалось выше: много ошибок, в том числе, не грамматических, отдельные фразы, слова, выбиваются из строчек. Ключевая фраза «не имею ни какого отношения.... не брала...обязуюсь не скрывать...не совершала намеренных действий...на работе краж не было, не совершала (приписка), к уголовной ответственности не привлекалась» — ярко выделяется. В последствии было выяснено, что на обследуемую было уже открыто уголовное дело по ст. 158 УК.

В целом при стрессе мы можем наблюдать такое явление в поведении как «+» и «-» симптоматика. Это проявляется в том, что человек, который обычно разговаривает и жестикулирует замедленно и сдержанно, в состоянии стресса увеличивает темп речи; у него появляется многословность, становится больше жестов, и они проявляются активнее, возникают неконтролируемые дергания конечностями, нервный смех, громкость голоса увеличивается — положительная симптоматика. Или наоборот, у человека с быстрой речью и активной жестикуляцией в состоянии стресса жесты исчезают или значительно уменьшаются, речь становится либо замедленной или с большими паузами и остановками, т. е. увеличивается самоконтроль, исчезают спонтанные реакции — отрицательная симптоматика.

В почерке на контрасте с нейтральной зоной текста, в стрессовой зоне можно заметить замедление почерка, искусственную выписанность букв, увеличение размера букв, застывший или слишком однородный наклон, слишком правильная, шаблонная форма букв. Либо наоборот, появление лишних элементов, изменчивость интервалов, уменьшение высоты букв, склейки, исправления, лишние точки, украшения и элементы, нервные движения, резкие заостренные углы, внезапные изменения направления.

На рис. 6 следует обратить внимания на слово «самочувствие». Этот пример с последующим подтвержденным результатом о том, что данный человек накануне проверки на полиграфе употреблял наркотические вещества (за данный наглядный материал автор благодарит А. Калафатти).

Заявление по согласию

Я, Бу [REDACTED] в лице [REDACTED], согласен
кратко проверить на полиграфе, тем
проверить мне [REDACTED], [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED].
Отвечающих проблем не имею, о видеозаписи
моих проверок предупрежден.

17.10.2017 [REDACTED]

Бу [REDACTED]

Рисунок 6. Изменение написания значимых слов

На рис.7-8 пример почерка с признательными показаниями, но при этом, следует обратить внимание на фразы «...по обоюдному согласию...», «заработал около 20 тыс. рублей на монтажах», «других заработков не было». Эти фразы явно выделяются по выше перечисленным признакам, описывающим изменение симптоматики. Впоследствии ложность этих фраз была подтверждена при помощи тестирования на полиграфе.

За время работы в компании я не
совершал поступков, которые нанесли фирме
ущерб.

Но у меня были доп. денежные ср-ва
которые я не сообщал руководству.

Я выполнял работу по монтажу натяжных
потолков с сотрудником Ратусовым И.
по обоюдному согласию 60% на 40% и т.
впрям с [REDACTED] (заработал
около 20 тыс. руб. на монтажах). Других
заработков не было.

Рисунок 7. Изменение симптоматики почерка в признательных показаниях

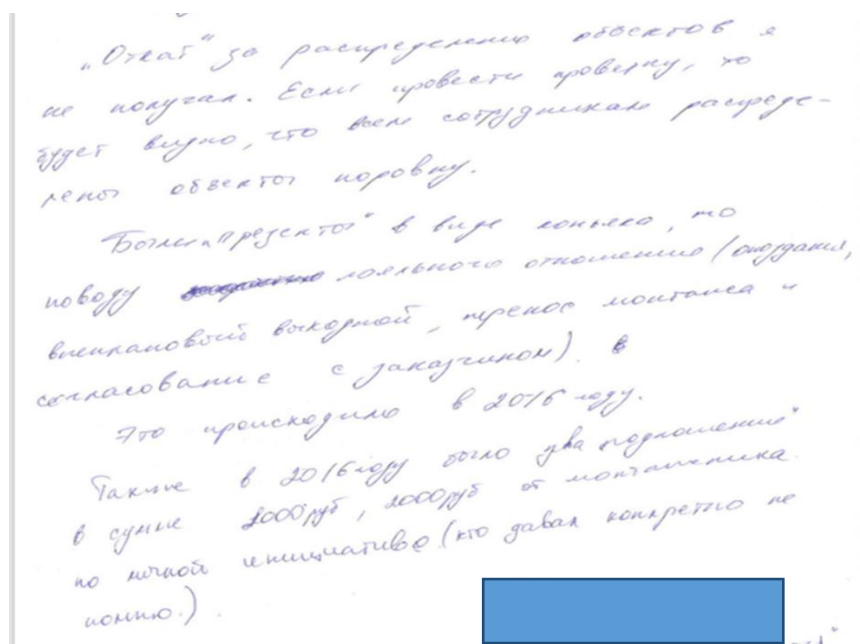

Рисунок 8. Продолжение предыдущего текста, следует обратить внимания на фразу «...по личной инициативе...»

Вывод: существуют разнообразные способы обнаружения лжи — через анализ речевого содержания, невербального поведения, физиологических реакций. Графология также является работающим инструментом верификатора, который при правильном ее применении дает возможность определить мишени анализа — как для самостоятельных выводов, так и в помощь полиграфологу.

Список литературы

1. Гольдберг И. И. — Режим доступа: <http://www.inessa-goldberg.ru>.
2. Зуев-Инсаров Д. М. Почерк и личность. — М.: Издательство АСТ, 1993.
3. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. — М., 1947.

УДК 343.144.5

ВЫЯВЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЦЕДУРЕ СПФИ

Щербатых Олег Вячеславович,
Президент ассоциации полиграфологов «Уральское бюро полиграф»,
г. Екатеринбург;
e-mail: uralburo@yandex.ru.

Аннотация. Обсуждаются вопросы намеренного противодействия проверке на полиграфе со стороны причастного лица. Дается обзор методов психического противодействия. Приводятся примеры полиграмм, иллюстрирующих рассогласование вегетативных реакций проверяемого лица при оказании гипоксической противодействия методами представления и умственного отключения.

Ключевые слова: полиграфы, полиграфные проверки, умственное напряжение, умственные отключения, гипноз, десенсибилизация, плацебо.

IDENTIFICATION OF MENTAL COUNTERACTION TO THE POLYGRAPH PROCEDURE

Scherbatych Oleg Vyacheslavovich,
President of association of polygraphologists «Ural Bureau Polygraph»,
Yekaterinburg

Abstract. Issues of intended counteraction to check on a polygraph from the involved person are discussed. The review of methods of mental counteraction is given. Examples polygrammas, the vegetative reactions of the checked face illustrating a mismatch when rendering hypoxemic counteractions by methods of representation and intellectual shutdown are given.

Keywords: polygraphs, poligrafny checks, intellectual tension, intellectual

shutdowns, hypnosis, desensitization, placebo.

Постановка проблемы. Противодействие процедуре СПФИ — любые осознанные, целенаправленные действия, совершаемые обследуемым, умышленно скрывающим интересующую заказчика и полиграфолога информацию с целью искажения естественной картины психофизиологических реакций и в результате избежать разоблачения. Каждый причастный к преступлению и лгущий опрашиваемый, соглашаясь на прохождение проверки с использованием полиграфа, тем или иным способом будут стараться исказить динамику своих психофизиологических показателей в ходе проведения тестирования с использованием «детектора лжи».

Об проблеме противодействия полиграфу писали ещё в 20-е и 30-е годы прошлого века, но в настоящее время доступность в интернете для тестируемых информации, как о процедуре полиграфных проверок, так и об описанных способах противодействия им, представляет большую опасность как для точности, так и для надёжности результатов психофизиологических исследований.

Наиболее комплексный анализ противодействий процедуре полиграфного обследования даётся в публикации Krapohl Donald (1996 г.). «Систематика полиграфного противодействия».

В настоящее время противодействие полиграфной проверке можно разделить на 4 основные группы [1]:

1. Физическое противодействие.
2. Психическое противодействие.
3. Фармакологическое противодействие.
4. Поведенческое противодействие.

В данном сообщении мы остановимся подробно на психических способах противодействия.

Обзор методов противодействия. Причастный к расследуемому событию человек так или иначе пытается подготовиться к полиграфной проверке, при этом некоторые приёмы противодействия применяются обследуемыми спонтанно, а другие — тщательно планируются и даже отрабатываются с помощью специалистов и

современных методик. Один из наиболее сложных для выявления противодействия — это психический метод противодействия. Сложность выявления данного вида противодействия характеризуется тем, что его применение требует психической активности, которая не всегда может быть обнаружена при наблюдении со стороны, а о характере применения которой полиграфолог может судить лишь опосредовано.

Существует 2 варианта применения психических приемов противодействия [1]:

- а) подавление психофизиологических реакций на проверочные вопросы;
- б) усиление психофизиологических реакций на контрольные и нейтральные вопросы.

Совместное эффективное применение указанных вариантов маловероятно, так как:

- необходимость дифференцированного реагирования на определенные вопросы требует от обследуемого знания формата вопросника, характера задаваемых вопросов, осознания их семантической значимости, что вызывает затруднение в осмысленном подавлении реакций;
- необходимость своевременного переключения между двумя по сути противоположными когнитивными процессами требует от обследуемого повышенного напряжения, которое трудно долго выдерживать и скрывать.

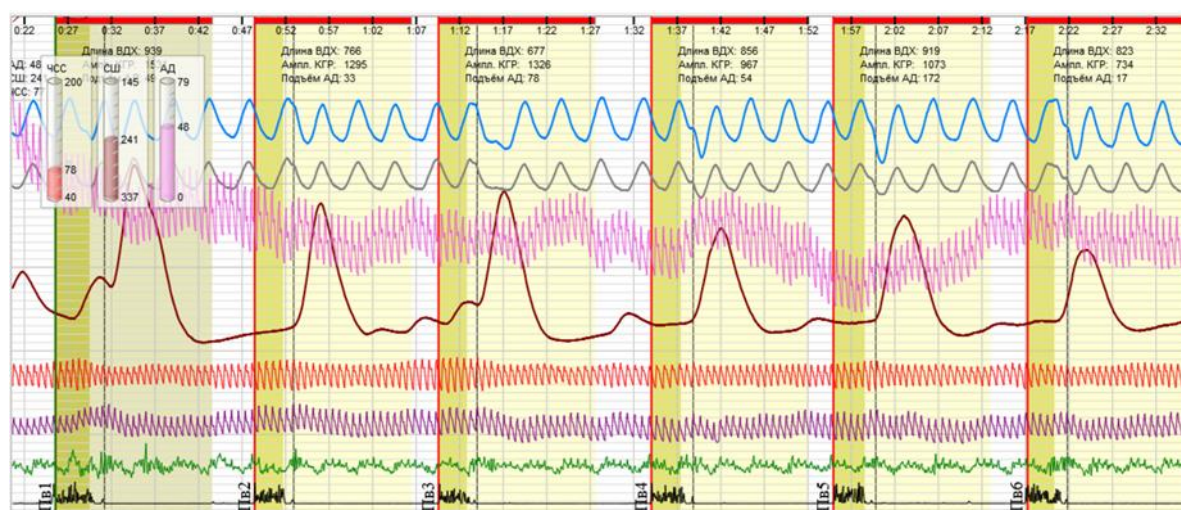
Поэтому причастный опрашиваемый, пришедший для прохождения полиграфа, как правило, выберет один из этих вариантов. Он постарается либо вызвать реакцию на вспомогательные вопросы, либо подавить реакцию на проверочные вопросы теста. В зависимости от выбранной им тактики мы можем по ответам и полиграммам определить несвойственные изменения психофизиологических процессов.

В этой статье мы отдельно рассмотрим различные механизмы психического противодействия и его отражение на полиграмах. Но прежде рассмотрим приемы, которые обычно используют противодействующие полиграфу лица.

Представление (умственное напряжение) — это мысленное воспроизведение эмоционально окрашенных ситуаций, ярких образов в сознании, что может привести к возникновению физиологических реакций, которые трудно отличить

от других реакций. Представление рассматривается как подготовленный способ противодействия, потому что он часто выбирается и репетируется перед проверкой на полиграфе, хотя отмечались случаи его спонтанного использования. Спонтанное применение представления неэффективно для большинства проверяемых, поскольку сила представления для вызова физиологических реакций уменьшается за счет эффекта адаптации. Умственное напряжение повышает уровень физиологических реакций на вопросы, несвязанные с процедурой тестирования. Так, в качестве стимула опрашиваемый может использовать решение математических задач, представлять эмоционально окрашенные образы или мысленно воспроизводить событие, связанное с опасностью для жизни, и тогда эти действия будут в большей степени вызывать реакции по каналу КГР.

На представленной полиграмме (рис. 1) приведены реакции, полученные в тесте фактической осведомлённости (ТФО). Анализируя этот тест, нужно обратить внимание, что в нём каждый стимул вызывает психофизиологические реакции по каналу КГР. Опрашиваемый бурно реагирует на каждый предъявляемый стимул, что достаточно необычно для человека, который не осведомлён о истинном признаке расследуемого события. Но при анализе канала артериального давления можно заметить, что своевременная и максимальная реакция идёт на вопрос №Пв4 (что является проверочным признаком).

**Рисунок 1. Пример полиграммы при применении противодействия по типу
 «Представление (умственное напряжение)»**

При повторении теста (рис. 2) нужно обратить внимание, что на проверочный стимул № Пв4 выявляется максимальная реакция по каналу артериального давления и дыхания, при этом психофизиологические реакции по каналу КГР носят выраженный характер на остальные стимулы, и они очень сильные при неоднократном предъявлении теста.

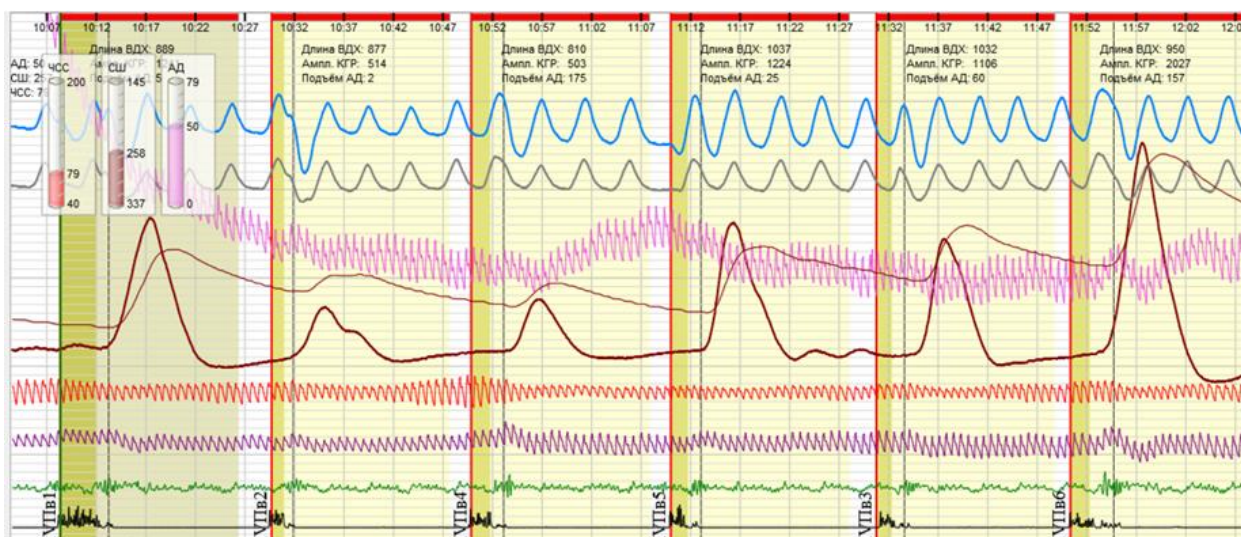

Рисунок 2. Пример полиграммы при повторном предъявлении проверочного стимула противодействующему лицу

Опрашиваемый, представляя себе эмоционально окрашенные образы или увеличивая мысленную активность, способен намеренно делать выраженными реакции организма в главном образом по каналу КРГ, при этом реакции в каналах дыхания и артериального давления будут «выдавать значимый для опрашиваемого признак». Если опрашиваемый не знает истинный признак события при использовании теста ТФО, его психофизиологические реакции с каждым последующим предъявлением будут становиться меньше, наступает адаптация к предъявляемым стимулам.

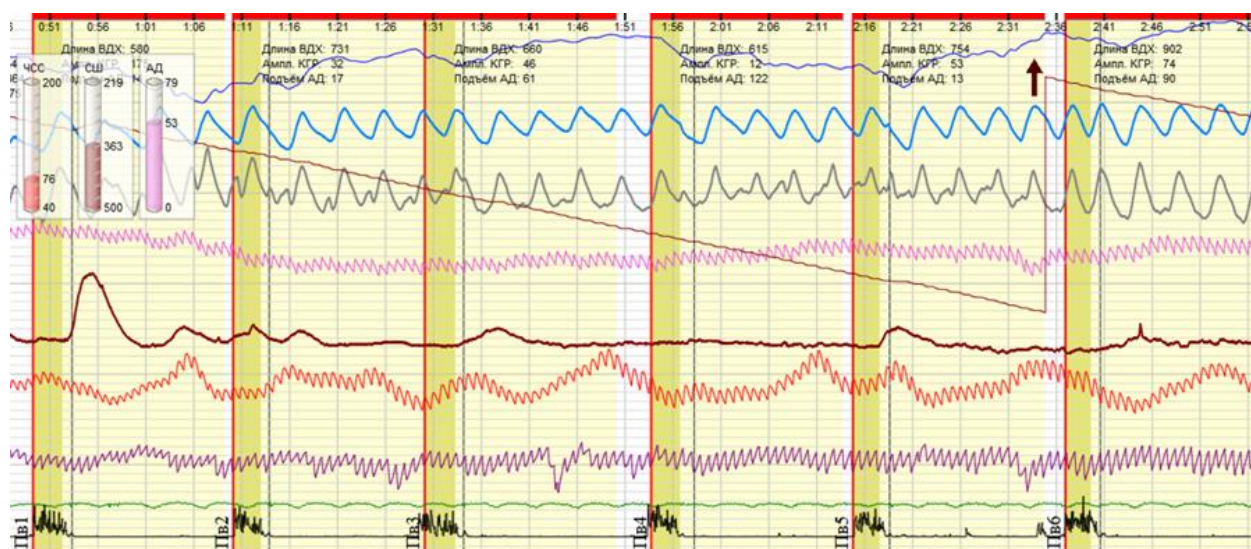
Полиграфолог должен быть осторожен, если он наблюдает в тесте на фактическую осведомленность выраженные реакции в канале КГР, которые от предъявления к предъявлению не угасают (не наступает адаптация к незначимым стимулам). Именно такая тенденция в поведении опрашиваемого может свидетельствовать о попытке противодействия процедуре тестирования.

Как правило, попытки читать молитвы, считать, отвлекаться от содержания

вопросов и думать о том, что не имеет отношения к тестированию, безусловно, приводят к возникновению спонтанных реакций. Но одно дело думать о стрессе (мысленное воспроизведение эмоционально окрашенных образов) другое — его переживать.

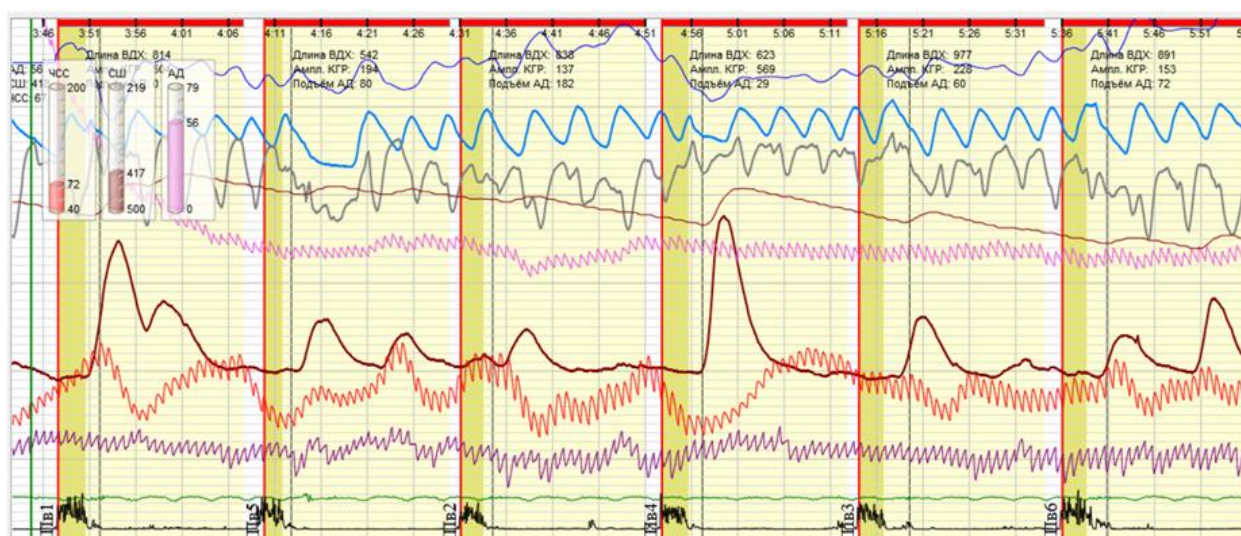
Самоуспокоение — (мысленное отключение) — это противоположный выше описанному процесс и его основная задача — резко снизить эмоциональные реакции на значимые вопросы и этим исказить ответные реакции организма во время тестирования. Несмотря на то что между этими двумя способами имеются существенные различия, в механизмах противодействия полиграфным проверкам у них есть много общего. Как правило, причастный проверяемый старается отвлекать свое внимание с помощью таких уловок как вытеснение значимых мыслей из сферы сознания, концентрирование внимания на предметах в комнате или мысленное повторение слова или звука. Мысленное отключение наиболее эффективно против тестов, где проверяемый однообразно отвечает на похожие вопросы, где объекту не надо обращать внимания на смысл вопроса для того, чтобы дать ответ (например: тесты ТФО).

На представленной полиграмме (рис. 3) представлен тест ТФО. Анализируя эту полиграмму, нужно обратить внимание, что на проверочный стимул №Пв4 полностью отсутствует реакция по КРГ, а в канале фотоплетизмограммы (ФПГ) волна второго порядка просматривается на все стимулы, кроме проверочного стимула №Пв4 и максимальная реакция по артериальному давлению видна на стимул №Пв4. Необходимо заметить, что так же проявлялись поведенческие особенности мысленного отключения, что характеризуется очень тихими ответами на вопросы теста, потупленным взглядом и прикрытыми веками.

**Рисунок 3. Пример полиграммы при противодействии по типу
«Самоуспокоение (мысленное отключение)»**

В качестве борьбы с данным способом противодействия некоторые авторы предлагают путь, когда полиграфолог предъявляет вопросник, который включает в себя как ответы «да», так и «нет», и тест строится таким образом, чтобы порядок этих вопросов был непредсказуем для объекта. Другой предлагаемый способ заключается в том, чтобы объект использовал в своем ответе последнее (или ключевое) слово, что не позволяет дать ему отключиться от предъявляемых стимулов. Повтор этого же теста представлен на рис. 4.

**Рисунок 4. Повторное предъявление ТФО в работе
с противодействующим лицом**

В процессе проверки при записи фона или между тестами можно оценить свойство умственного напряжения усиливать свои реакции, используя математические или специально составленные сложные вопросы, чтобы оценить уровень реакций на них со стороны проверяемого. Если обнаружится, что проверяемый выдает выраженную реакцию на такой вопрос, то полиграфолог имеет основание заключить, что объект способен к такому противодействию.

Рационализация — это процесс, с помощью которого изначально виновный проверяемый убеждает себя, что он отвечает правдиво на проверочные вопросы. Обследуемый может пытаться убедить себя в том, что проверочный вопрос в конкретной формулировке к нему не относится. Например, вопрос: «Вы присвоили деньги из сейфа?», он истолковывает следующим образом: «Конечно, нет! Я не крал денег, я лишь взял то, что мне причитается, так как мне всегда не доплачивали».

В практике автора статьи был случай, что опрашиваемый отвечал «Нет» на вопрос: «Первого мая Вы наносили гр. N удары по лицу?» При этом его психофизиологические реакции носили слабый, не выраженный характер. После того как ему был задан уточняющий вопрос: «Как Вы понимаете данный вопрос?», опрашиваемый пояснил, что он понимает данный вопрос так: «Ломал ли я первого мая гр. N челюсть?». Данный ответ является одним из способов рационализации вопроса, так как на полиграфе выяснялся сам факт нанесения ударов, а не последствия полученных травм гр. N. После уточнения формулировки вопроса и цели тестирования психофизиологические реакции опрашиваемого лица стали носить ярко выраженный характер.

С целью профилактики и преодоления рассматриваемого способа противодействия полиграфолог должен: изначально тщательно готовить проверочные вопросы, отбирая из возможных вариантов оптимальные формулировки по критерию однозначности восприятия, не допускающие «переноса смысла»; тщательно обсуждать с обследуемым все вопросы по ходу тестирования на полиграфе до тех пор, пока не убедится, что тот правильно понимает их смысл. Также нельзя давать опрашиваемому самому формулировать проверочные вопросы или вносить большое количество уточнений в проверочный вопрос, так как возможно, что за большим количеством

мелких признаний опрашиваемый попытается скрыть что-то существенное.

Гипноз — является методом, вызывающим измененное состояние сознания, что делает его весьма эффективным для применения перед проверкой, чтобы внедрить или подавить какие-то мысли, а также для переноса внимания. Гипноз способствует уменьшению чувства тревоги, вызывает состояние амнезии. На практике применяется редко в силу сложности его реализации применительно к процедуре и методу психофизиологического тестирования, а также незначительного процента гипнабельных лиц.

Теоретически в гипнотическом состоянии возможно внушить человеку, что он не совершал преступление, а выполнял преступные действия по чьему-то приказу. Но ещё в 1945 г. И. М. Биттерман и Ф. Л. Маркьюз дали глубокий анализ на основании имевшейся в то время литературы и материалов собственных исследований. Ими было доказано, что следы совершенного ранее преступления не стираются из памяти, а значит, их можно активировать.

В результате всестороннего анализа результатов были сделаны следующие выводы (цит. по [3]):

1. Степень амнезии, которую может вызвать гипнотизёр, зависит от личности проверяемого и глубины гипнотического транса.
2. Не существует какой-либо определённой глубины транса, которая бы обеспечивала полную амнезию.
3. Абсолютную амнезию вызвать крайне сложно.

С. Абрамс (1995г.) проводил расследование по реальным преступлениям профессиональных гипнотизёров, совершивших преступления и использовавших свои навыки для искажения информации при тестировании. Они были разоблачены полиграфологами, хотя и имелись некоторые сложности в расшифровке полиграмм. С. Абрамс пришёл к выводу, что чем сильнее мотивация к сокрытию преступления, тем менее эффективен гипноз [3].

Биологическая обратная связь - процедура измерения и представления человеку информации о его физиологических параметрах называется биологической обратной связью. Обратная связь может служить в качестве технической поддержки

в обучении проверяемого управлять изменением физиологических функций. Может использоваться только в том случае, если тестируемый видит кривые полиграмм и соотносит со своим состоянием в реальном режиме времени [2].

Плацебо — может быть либо подготовленное, либо спонтанное, хотя наиболее часто это преднамеренное действие. Этот термин наиболее часто ассоциируется с неэффективными препаратами, используемыми медицинским персоналом для убеждения пациентов, чтобы они поверили в то, что они лечатся, в то время как фактически эффективность лечения основывается исключительно на предположении эффективности. Подобное существует в психофизиологическом тестировании, когда проверяемый использует предмет или процедуру, в которую он верит.

Встречаются данные об использовании заклинаний, амулетов, религиозных книг, четок и ритуалов, чтобы «помешать полиграфу». Сила этих способов заключается в уменьшении у проверяемого страха быть разоблаченным. Если проверяемый беззаветно верит, что плацебо уменьшит его реакции на проверочные вопросы, то такое, в принципе, возможно.

Десенсибилизация — термин «десенсибилизация» (с лат. «понижение чувствительности») заимствован из фотографии, где он применялся для обозначения процесса уменьшения светочувствительности фотопленки. Также термин используется в медицине, где широко применяется к лечению аллергии как метод уменьшения или устранения повышенной чувствительности организма к введению аллергенов.

Механизм основан на систематическом постепенном уменьшении чувствительности человека к предметам, событиям или людям, вызывающим тревожность и фобии. Основной принцип метода заключается в том, что антагонистическая по отношению к страху реакция, которая может быть сформирована во время действия стимулов, вызывающих страх, постепенно подавляет сопровождающие его реакции. Многократные повторения «страшных вопросов» для опрашиваемого ведет к понижению чувствительности к восприятию стимула, что может понизить уровень реагирования во время проведения тестов [2].

Для борьбы с данным видом противодействия необходимо менять формули-

ровки вопросов, например, можно спросить: «Получали ли Вы взятки?», или «Брали ли Вы денежное вознаграждение?», или «Вступали ли Вы в сговор с поставщиками?», или «Оказывали ли услуги поставщикам за деньги?» и т. д.

Вывод.

Полиграфолог должен обращать внимание на резкое падение частоты пульса или артериального давления непосредственно перед началом предъявления вопросов, на сохранение их на низком уровне на протяжении всего теста, на общее отсутствие реакций на полиграмме, на разницу в латентном времени возникновения реакций на проверочные и контрольные стимулы. А также на силу ответов и изменения латентного времени ответов, которые опосредовано могут влиять на физиологические реакции опрашиваемого лица.

Для проверки подозрений на психологическое противодействие возможно включить в тест дополнительные нейтральные вопросы с разными ответами или дополнительно подключить визуальные стимулы, вопросы, фотографии и т. д. Также можно предложить человеку повторять последнее слово вопроса или значимый признак в вопросе. Все эти приемы позволяют выявить противодействие опрашиваемого лица процедуре тестирования, что обеспечивает качество и надежность полиграфных проверок, предъявляя, разумеется, высокие требования к квалификации специалиста, проводящего расследование.

Список литературы

1. Алексеев Л. Г., Данилевич Н. К., Ищенко Е. П., Комиссарова Я. В., Корочкин П. Б., Кудымец О. С., Мягих Н. И., Щербатых О. В. Настольная книга полиграфолога: учебно-методическое пособие. — М.: Филинь, 2018.
2. Варламов В. А., Варламов Г. В. Компьютерная детекция лжи. — М: «Принт-Центр», 2010.
3. Matte J. A., Forensic Psychophysiology Using the Polygraph. — Wliamsville, NY: JAM Publications, 1996.

Научное издание

РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПОЛИГРАФОЛОГОВ VI:
ПРОФАЙЛИНГ И ТЕХНОЛОГИИ ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Подписано в печать Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9. Уч.-изд. л. 6,8.

Тираж 500. Заказ